

Русское крестьянство
в начале XX века

Петр
Кабытов

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Самарскому государственному университету 30 лет

Петр Кабытов

**РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Учебное пособие

Издание второе, исправленное и дополненное

*Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений*

Издательство «Самарский университет»
1999

ББК 63.3(2)524
К 12

Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. - 156 с.

ISBN 5-230-06188-X

В учебном пособии содержатся материалы, характеризующие процесс формирования и развития общественного самосознания крестьян в начале XX века. Широкий спектр рассмотренных вопросов существенно расширяет представления студентов о сложной и противоречивой эпохе реформ и революций, которыми так богат двадцатый век. С использованием архивных и опубликованных источников исследуются социально-психологические аспекты борьбы крестьян накануне и в годы первой русской революции, в период реализации столыпинской земельной реформы и первой мировой войны.

Учебное пособие рассчитано на историков, преподавателей высших учебных заведений и школ, студентов, всех интересующихся отечественной историей.

Рецензент д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Московского государственного педагогического университета
В.Г.Тюкавкин

К $\frac{0503020300 - 024}{6К 4(03) - 99}$ 5 - 2000

ISBN 5-230-06188-X

© Издательство «Самарский университет», 1999
© Кабытов П.С., 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Экономическое положение, структура и социально-психологическая характеристика	15
Глава 2. Духовный облик крестьянства	33
Глава 3. Годы великого пробуждения	55
Глава 4. На крутом повороте	96
Глава 5. Формирование антивоенных настроений в период первой мировой войны	119
Заключение	135
Примечания	137

Петр Серафимович Кабытов

**РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Редактор Е.А.Краснова
Художественный редактор Л.В.Крылова
Корректор О.А.Быковская
Компьютерная верстка, макет А.В.Орлов, Л.Л.Паймулина

ЛР № 020316 от 04.12.96. Подписано в печать 30.09.99. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ.л. 9.08 уч.-изд.л. 9.75.
Тираж 300 экз. Гарнитура «Times New Roman». С. 24. Заказ №
Издательство «Самарский университет», 443011, г.Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.
ОАО «ПО СамВен», 443099, г.Самара, ул.Венцека, 60.

ВВЕДЕНИЕ

*Мы все – почти что поголовно –
оттуда люди, от земли,
и дальше деда родословной
не знаем, предки не вели...*

А.Твардовский

В истории российского крестьянства вторая половина XIX – начало XX века занимает важное место. Своеобразие этого этапа отечественной истории заключалось в том, что в аграрном строе России вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции продолжали сохраняться “живые остатки” крепостничества. Различными были направления и темпы эволюции аграрного капитализма. “Прусский” путь развития капитализма преобладал в сельском хозяйстве в центральных – великорусских губерниях, преимущественно в Черноземной полосе. В степных, окраинных земледельческих районах развивались хозяйства фермерского типа. Уровень капиталистических отношений здесь был выше, чем в центральных уездах страны. Подчеркивая особенности социально-экономического развития отдельных регионов страны, следует особо оговорить, что речь идет о господстве на их территории того или иного типа аграрной эволюции: в центральных уездах сохранялись потенциальные возможности для развития буржуазной эволюции “американского” типа, социальной базой которого являлось крестьянство, выступавшее за революционную ломку старых помещичьих отношений. В то же время сохранявшаяся к началу XX века феодальная оболочка сдерживала развитие капитализма в степных районах страны. Своеобразие эволюции капитализма в сельском хозяйстве накладывало

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

вало яркий отпечаток на социально-классовую структуру крестьянства, его хозяйственную и духовную жизнь.

Само крестьянство в этот период отнюдь не находилось в застывшем и статичном состоянии. Под влиянием капитализма существенные сдвиги происходили в его духовном облике и сознании. Капиталистический уклад деформировал и, в конечном счете, сужал ареал патриархальной психологии, разрушал традиционные связи крестьян в сельской поземельной общине. Он оказывал определенное воздействие на процесс формирования в сознании крестьян новых представлений о мире, о нравственных идеалах и культурных ценностях. Но одновременно капитализм насаждал в крестьянской среде индивидуализм, эгоизм, частнособственнические устремления. Один из итогов пореформенного развития российской деревни состоял в том, что крестьяне, кроме старых врагов – помещиков и чиновников, приобрели новых противников в лице сельской буржуазии и кулачества. Сама логика повседневной жизни подталкивала крестьян перейти от утопий и легенд об идеальном общежитии людей к поиску новых путей общественного развития, где не было места “чумазым ленд-лордам” из среды зажиточных крестьян.

Обострение социальных противоречий в деревне в начале XX века, развернувшееся в 1905-1907 гг. массовое аграрное движение свидетельствовали о том, что российское крестьянство сделало выбор: своими революционными действиями оно поддерживало борьбу рабочего класса против самодержавия. В этой связи изучение общественного сознания крестьянства в начале XX века приобретает особую значимость, так как, несмотря на обилие научной литературы по истории дореволюционной русской деревни, эта проблема стала разрабатываться лишь сравнительно недавно. Перед исследователями аграрной истории России начала XX века стоит большая и сложная задача по воссозданию живой ткани исторического процесса в плане всестороннего изучения не только участия отдельных социальных слоев крестьянства в классовой борьбе, но и анализа становления и развития личности крестьянина, который прошел большой и сложный путь от бесправия к свободе, от темноты и бессловесной покорности к осознанию необходимости коренного изменения общества.

Рамки монографии охватывают весьма сложный и драматичный период отечественной истории – с 1900 года по февраль 1917 года. Начальный этап определяется вступлением России в период, когда шел процесс созревания социально-политических и экономических предпосылок первой русской революции. Темпы социально-экономического развития страны в это время ускорились. Произошли такие важнейшие события как русско-японская

Введение

война, революция 1905-1907 гг. Особое место занимает пореволюционный период, когда проводились либеральные реформы (и в том числе столыпинская земельная реформа) и первая мировая война. Эти события оказали решающее влияние на развитие крестьянского движения, воздействовали определенным образом на настроения и социальную психологию масс. К февралю 1917 г. социальный антагонизм углубился, созрели материальные условия для второй русской революции.

В качестве объекта исследования взято крестьянство великорусских губерний Европейской России, где с наибольшей остротой проявлялись социальные противоречия, и территория которых стала ареной массового аграрного движения. В этой связи особую значимость приобретает изучение закономерностей и особенностей социальной психологии крестьянства, проживающих в районах преобладания “прусского” и “американского” путей аграрного капитализма.

Идея написания предлагаемой читателю книги возникла в конце 70-х годов, когда кризисные явления в изучении многих проблем отечественной истории (в том числе и истории крестьянства) проявились уже достаточно отчетливо. К тому времени часть историков стала осознавать необходимость проведения исследований на стыке истории и социальной психологии. Конкретно историческую разработку этих проблем на междисциплинарном уровне подготовили теоретические исследования советских философов и социологов Б.Ф.Поршнева¹, Г.М.Андре-евой², Б.Д.Парыгина³, И.С.Кона⁴ и др.

Вполне понятно, что реализация этой идеи потребовала немало времени. Необходимо было не только изучить теоретико-методологические аспекты проблемы, но и выявить, а затем проанализировать и синтезировать весьма разнородный материал, характеризующий различные стороны как социально-экономического положения крестьянства, так и его духовного облика и социальной психологии. В определенной мере многие сложные и дискуссионные вопросы аграрной истории начала XX века были осмыслены мною во время написания монографии, в которой анализировались аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Специальная разработка исследуемой темы началась в 1984 г. в ходе работы над монографией “Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения”⁵. В 1985-88 гг. мною были опубликованы статьи и учебное пособие по исследуемой проблеме. Эти материалы в переработанном и дополненном виде вошли в настоящее издание. В этой книге ставится цель проследить основные этапы эволюции общественного сознания русского крестьянства в начале XX столетия, когда оно перестало быть сплошной социальной опорой самодержавия и открыто

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

выступало за свержение династии Романовых, уничтожение политического и экономического господства помещиков, городской и сельской буржуазии. Основное внимание сосредоточено на характеристике социальных типов и слоев крестьянства и его духовного облика; анализировались изменения в социальной психологии крестьян на переломных этапах отечественной истории, их поведение и настроения накануне выступлений и в ходе социальных конфликтов. Такой анализ не только существенно расширяет представления о масштабах крестьянского движения, но и позволяет выявить глубинные корни революционного радикализма народных масс России, в полной мере проявившихся в трех российских революциях. С другой стороны, как справедливо отмечает П.В.Волобуев, эта тема позволяет реально показать, как шел настойчивый поиск революционными массами новых форм демократии⁶ и народного самоуправления: крестьянских братств, союзов и комитетов, Советов и крестьянских республик.

Исследование истории крестьянства России начала XX в. имеет давнюю традицию. Ее истоки восходят к дооктябрьскому периоду, поскольку уже тогда русские буржуазные историки и публицисты, представители различных политических партий и течений предпринимали попытки освещения событийной стороны массового аграрного движения, развернувшегося накануне и в период первой буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. В зависимости от политической ориентации они давали неоднозначные оценки масштабов крестьянского движения, участия в нем различных социальных слоев крестьянства. Например, аграрный вопрос и крестьянское движение получили освещение в трудах Б.Веселовского и С.Прокоповича⁷. Характерно, что часть исследователей, наряду с общей характеристикой крестьянского движения, акцентировала внимание на изменениях в настроении крестьян на разных этапах революции 1905-1907 гг. Так, П.Марев пытался проследить изменения в сознании крестьянства⁸. Тогда же социально-психологические мотивы консолидации дворянства на основе противодействия массовому аграрному движению в период первой буржуазно-демократической революции оказались в центре внимания Б.Веселовского и В.Меча⁹. Существенное значение имело то, что авторы этих работ пытались не только проследить направленность и масштабы аграрного движения, но и показать результативность борьбы крестьян против самодержавия и помещиков.

Довольно полное представление о социально-экономическом положении и духовном облике крестьянства дают труды Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и материалы статистики землевладения 1905 года¹⁰. Достоверно и емко запечатлены исследуемые аспекты в

Введение

художественной литературе и публицистике тех лет. При изучении темы нельзя обойтись без привлечения опубликованных материалов Вольного экономического общества, а также приговоров и наказов крестьян Самарской губернии¹¹.

Современный исследователь крестьянства не может не учитывать и работ вождя большевистской партии В.И.Ленина, который уже в 90-х гг. XIX в. отмечал наличие взаимосвязей между социально-экономическим положением крестьянства и его социальной психологией. Так, он подчеркивал, что мысли, представления, чувства людей "...действительно создаются условиями их жизни, данной системой производственных отношений..."¹² Важное значение имеет вывод В.И.Ленина о том, что "революционный момент тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в действии"¹³. В.И.Ленин дал яркие характеристики крестьянского движения в период революции 1905-1907 гг., в годы столыпинских реформ и первой мировой войны. Научную значимость сохраняют его оценки деятельности Всероссийского крестьянского союза и Трудовых групп в I-й и II-й Государственных думах. Пристальное внимание В.И.Ленин также уделял изучению социально-психологических факторов классовой борьбы крестьянства¹⁴.

В современной советской историографии теоретические и конкретно-исторические аспекты проблемы нашли отражение в исследованиях, посвященных истории трех российских революций, эволюции аграрного строя России, классовой борьбы в российской деревне в начале XX в¹⁵.

Вопросы периодизации историографии аграрного движения изложены в работах А.М.Анфимова, И.Д.Ковальченко, К.Н.Тарновского, Т.В.Осиповой, М.С.Симоновой, В.И.Неупокоева, А.М.Соловьевой и др¹⁶. В первый период советской историографии (20-е – середина 30-х гг.) проблемы классовой борьбы изучали видные историки-аграрники С.М.Дубровский, А.В.Шестаков, Е.А.Мороховец, Я.Крастынь и др. В связи с 20-летием революции 1905-1907 гг. опубликованы работы, в которых основное внимание уделялось анализу деятельности РСДРП и ее местных организаций в деревне¹⁷. Наряду с этим А.В.Шестаковым, С.М.Дубровским и Б.Б.Граве были сделаны первые шаги по выявлению и публикации документов и материалов, характеризующих участие крестьянства России в революции в 1905-1907 гг¹⁸. Тогда же вышел в свет сборник воспоминаний крестьян о первой российской революции в разных регионах страны. В трудах историков 20-х гг. внимание акцентировалось на результативности крестьянского движения. В одной из первых своих книг С.М.Дубровский пришел к выводу о том, что в

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

результате проведения столыпинской земельной реформы “в деревне еще более усилился класс деревенской бедноты”¹⁹. Говоря об итогах столыпинского землеустройства, историк отмечал, что в результате к 1917 г. “в деревне еще существовало общинное землепользование у 60% всего крестьянства”²⁰. В другой работе С.М.Дубровский показал особенности борьбы крестьян в черноземной и нечерноземной полосах Европейской России, выделил этапы крестьянского движения. Год 1907-й историк называл переломным, подчеркивая, что он “завершает движение первой революции и начинает собой движение эпохи реакции”. По его мнению, новый подъем революционного движения в деревне произошел в 1908-1909 гг. и достиг наивысшей точки в 1910 г. С.М.Дубровский утверждал, что 1911-1912 гг. имела место “настоящая революционная ситуация”²¹.

Важный вывод о влиянии первой мировой войны на развитие крестьянского движения был сформулирован А.В.Шестаковым: “Распад во время войны производительных сил в сельском хозяйстве явился фактором, усилившим обострение классовых противоречий в деревне, и вызывал усиление революционного настроения крестьянства в центре и на окраинах, что передавалось и в армию”²². В крестьянском движении он выделял два направления: против помещиков и кулачества. Констатируя наличие в деревне двух социальных войн, А.В.Шестаков подчеркивал рост к 1917 г. борьбы внутри крестьянства²³. Новые данные о количестве выступлений крестьян в период первой мировой войны были приведены в работе Я.Крастыня. Он одним из первых обратил внимание на изменения в составе участников крестьянского движения в 1914-1917 гг. Основываясь на изучении документального материала, он доказал, что основную массу участников крестьянского движения составляли старики, женщины и подростки. В то же время им были отмечены новые формы борьбы: выступления против дороговизны и спекуляции. Положительным было и то, что Я.Крастынь выделил в качестве одного из главных требований крестьян прекращение выделов земельных наделов из общины до окончания войны²⁴.

Подводя итоги изучению проблемы в 20-30-х гг., укажем, что в научной литературе по существу не предпринималось даже попыток проследить изменения в социальной психологии крестьянства в начале XX в. Исключение составили вводная статья к сборнику документов по крестьянскому движению в Харьковской и Полтавской губерниях в 1902г., написанная профессором И.И.Цызыровым²⁵, брошюра А.Гайсиновича²⁶, а также книга А.Агрова, в которой подчеркивалось влияние первой мировой войны на хозяйственную деятельность и психологию крестьян. А.Агров считал, что первая мировая война “резко нарушила обычное течение хозяйственной

Введение

преемственности, надолго выбросила множество крестьян из привычной обстановки, являющейся напряженным полем влияния традиционных воздействий²⁷. Война, по мнению А.Агрова, способствовала преодолению таких консервативных черт в социальной психологии крестьянства, как пассивность, индивидуализм, разъединенность и создала возможность для “хотя бы временного крестьянского единства”²⁸.

В 30-х – первой половине 50-х гг. изучение классовой борьбы в деревне в начале XX в. продолжалось, но сдерживалось жестким воздействием культа личности И.В.Сталина. Уже в первой половине 30-х гг. все явственнее стал проявляться схематизм в изложении событий, работы, вышедшие в этот период, приобретали локальный характер. Негативные тенденции в историографии особенно усилились после выхода в свет “Краткого курса истории ВКП(б)”, который стал своеобразным эталоном для советских историков. Из их работ стала исчезать живая ткань исторического процесса – человек, который, по образному выражению В.А.Козлова, представляет собой “интегральный показатель исторического прогресса общества”²⁹. Труды историков все больше стали напоминать сухой экстракт. Объектом анализа стало крестьянство в целом, точнее аграрная политика царизма и столыпинская реформа, а не отдельные социальные слои и типы крестьянства. Эта тенденция прослеживается вплоть до второй половины 50-х гг.

В то же время некоторые историки пытались выйти за рамки канонизированных представлений о крестьянстве. В этом смысле значительный интерес представляет статья П.Н.Першина, в которой анализировались наказания и приговоры крестьян депутатам I-й и II-й Государственных дум³⁰.

В связи с 50-летием революции 1905-1907 гг. Институт истории АН СССР проводил большую работу по выявлению и публикации документов и материалов. Итогом кропотливой исследовательской деятельности стала восемнадцатитомная серия “Революция 1905-1907 гг. в России”. Во всех столицах автономных республик и областных центрах РСФСР были опубликованы сборники документов, в научный оборот вводились сотни новых материалов, характеризующие различные стороны аграрного движения и социальной психологии крестьянства. Публикация этих сборников способствовала расширению спектра исторических исследований; создавались предпосылки для изучения количественных и качественных характеристик крестьянского движения, преодоления локальности и схематизма в освещении участия крестьян в революции в 1905-1907 гг.

В конце 50-х гг. намечились две точки зрения об уровне развития капитализма и особенностях аграрного строя России конца XIX – начала XX века. Дискуссия усилила интерес историков к изучению истории крестьян-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

ства. Так, С.М.Дубровский в ряде работ дал количественную характеристику крестьянского движения в 1900-1917 гг., выделяя в нем как основные его направления выступления крестьян против помещиков, духовенства, кулачества (в том числе против хуторян и отрубников), а также столкновения крестьян с властями, полицией и войсками³¹. Используя эти данные, П.Н.Першин произвел пересчет количественных показателей крестьянского движения и пришел к выводу, что полученные статистические ряды по-разному характеризуют погодное движение крестьянских выступлений. Вслед за С.М.Дубровским он считал, что в 1910 г. было наибольшее число выступлений, хотя удельный вес их по сравнению с 1905 и 1907 гг. составлял 28,8 и 68,8%. П.Н.Першин справедливо подчеркивал, что крестьянское движение в период столыпинской реформы развивалось в новых формах, которые реже встречаются в период революции 1905-1907 гг. П.Н.Першин утверждал, что оно было вызвано новыми явлениями и прежде всего – разрушением сельской поземельной общины³². П.Н.Першин считал, что борьба деревенской бедноты против кулачества в 1910-1913гг. “преобладала во всем крестьянском движении”³³. Эти его наблюдения созвучны с выводом С.М.Дубровского: “Основные противоречия в деревне не только не были устранены, но еще более обострились. Целиком сохранились условия для первой социальной войны в деревне, т.е. демократической революции, а также для второй социальной войны – борьбы за перерастание демократической революции в социалистическую. Нарастание новой революции выражалось в росте громадного возмущения в деревне, в открытых революционных выступлениях”³⁴. Концепция С.М.Дубровского о преобладании капиталистического уклада была поддержана А.Л.Сидоровым. В 70-х – первой половине 80-х гг. появился ряд новаторских работ, авторы которых, наряду с традиционными, использовали математические методы исследования. В них прослеживались как общие закономерности эволюции аграрного строя России, так и его особенности. В частности, в новейшем исследовании о социально-экономическом строе помещичьих хозяйств И.Д.Ковальченко, Н.Б.Селунская, Б.М.Литваков говорят о дуализме помещиков, выступавших в качестве капиталистов-аграриев и помещиков-полукрепостников. Исходя из этого, авторы считают необходимым дать иную трактовку вопросу о соотношении двух социальных войн в деревне. На наш взгляд, вряд ли можно согласиться с тем, что якобы “неправомерно борьбу крестьян против помещиков рассматривать только как первую социальную войну. Эта борьба объективно, несомненно, имела и черты второй социальной войны”³⁵. Дело в том, что их монография написана на материалах Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.,

Введение

помещичье хозяйство дано не в динамике, а в статике, к тому же сохранявшаяся феодальная оболочка не могла не деформировать социально-экономический строй помещичьих хозяйств, особенно тех, где по сути дела имело место сочетание и переплетение капиталистических и отработочных форм. Укажем, что значительная часть помещичьих земель к 1917 г. из-за нехватки рабочей силы и инвентаря не обрабатывалась. В этой связи в 1917 г. в великорусских губерниях объективно получила дальнейшее развитие первая социальная война – борьба за радикальное решение аграрного вопроса, т.е. за уничтожение “живых” остатков крепостничества.

Несколько иной была точка зрения А.М.Анфимова и К.Н.Тарновского. Концепция первого сводилась к тому, что вплоть до 1917 г. капиталистические отношения в аграрном строе России еще не стали господствующими, а в российской деревне преобладали полукрепостнические отношения. Поэтому историк считал, что крестьянство к началу социалистической революции представляло собой единое целое, т.к. его классовое деление “к этому времени еще не назрело и тем более не вышло наружу”³⁶. Те же позиции отстаивал К.Н.Тарновский, полагавший, что “развитие капитализма еще не привело к расколу крестьянства”³⁷. Концепция А.М.Анфимова была основательно аргументирована в ряде монографий, в которых впервые в советской историографии излагались такие сложные проблемы как эволюция крупного помещичьего хозяйства Европейской России, аренды, крестьянское движение в годы первой мировой войны и др.³⁸ Значительный интерес представляет сформулированная К.Н.Тарновским в одной из последних статей концепция о российском типе империализма и о незавершенности аграрно-капиталистического переворота в нашей стране к началу Февральской революции³⁹.

Дискуссия об особенностях аграрного строя России конца XIX – начала XX века поставила перед историками ряд сложных и неизученных вопросов. Объективно она дала мощный импульс к разработке как теоретических, так и конкретных вопросов. И в этой связи нельзя не остановиться на взглядах М.Я.Гефтера, который считает, что в 1861-1893 гг. царизм делал ставку на консервацию патриархальных отношений в деревне⁴⁰. По его мнению, именно своеобразие социально-экономического развития страны и сказалось на позиции крестьянства. “Крестьянская демократия, – пишет историк, – XX в. ценна своим отпором феодализму и крепостничеству, беспощадностью своей борьбы за объективно-буржуазный прогресс...”⁴¹.

К сожалению, оригинальные разработки, которые вели историки “нового направления”, были в начале 70-х гг. искусственно прерваны, а в историографии возобладала концепция о том, что капиталистический уклад стал

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

господствующим в аграрном секторе дореволюционной России. Лишь во второй половине 80-х гг. историки вновь обратились к более углубленному исследованию особенностей аграрно-капиталистической эволюции в конце XIX – начале XX вв.

Я вполне разделяю точку зрения П.В.Волобуева, который отмечает, что в советской историографии “до сих пор не преодолена давняя тенденция к подтягиванию уровня и типа капиталистического развития России к западноевропейскому образцу... В последнее десятилетие историки грешили преувеличением уровня развития аграрного капитализма. При этом игнорировалось, что формирование социальных слоев буржуазного общества у нас еще не завершилось, а тяжесть крепостнических пережитков возросла”⁴².

В научной литературе содержатся полярные точки зрения о русском крестьянстве. Так, М.А.Рахматуллин считает, что оно “оставалось политически индифферентным до 1917г.”⁴³. Есть стремление объявить крестьянство консервативной силой, апеллируя к тому, что в России был необычный синтез крепостничества и капитализма. “Консервативно-капиталистический синдром в сознании людей, – пишет Д.В.Ольшанский, – был силен как наверху – в высших эшелонах монархической власти, – так и в значительно большей степени в низах – в многомиллионных крестьянских массах”⁴⁴. А потому, полагает автор, для крестьян была характерна психология винтиков. Все это напоминает воззрения тех крепостников-дворян, которые доказывали, что русские крестьяне без их опеки пропадут, они-де не способны на самостоятельную творческую деятельность. По мнению Н.Я.Эйдельмана, в России большая доля перемен, как революционного, так и контрреволюционного характера шла “сверху”: “Роль народа огромна, как везде, но проявляется в Российской истории иначе, чем в странах товарности и буржуазной демократии: огромная энергия, но самостоятельности, инициативы куда меньше, чем исполнения воли верхов”⁴⁵.

Подобные суждения можно нередко встретить в публицистических работах Н.Ивановой, И.Михайлова, Н.Шмелева и др. Крайняя точка зрения – безмерное преклонение перед русским крестьянством, “камение” ему. Считаю, что к истории русского крестьянства нужно подходить с объективных позиций, без его “иконизации”, показывая его таким, каким оно было, со всеми достоинствами и недостатками. Только в этом случае историки могут создать объемный портрет русского крестьянства, раскрыть его творческий потенциал, показать, как крестьянство в ходе социальных конфликтов избавлялось от монархических иллюзий, из толпы становилось народом и искало новые формы социального бытия. Словом, используя лучшие традиции советской историографии (я имею в виду научные труды

Введение

Н.М.Дружинина, С.М.Дубровского, П.Н.Першина, А.М.Анфимова, В.Г.Тюкавкина, И.Д.Ковальченко, Э.М.Шагина, В.М.Селунской, К.Н.Тарновского), современные исследователи должны дать объективную характеристику роли и места русского крестьянства в отечественной истории.

В последние годы были опубликованы оригинальные исследования, раскрывающие ход аграрного движения в 1905-1907 гг. и в период реализации столыпинской земельной реформы⁴⁶. Большое значение имеет практический опыт историков, изучавших социально-психологические аспекты крестьянского движения во второй половине XIX – начале XX в. Здесь речь идет о монографиях и статьях Б.Г.Литвака, П.Г.Рындзюнского, В.А.Федорова, М.М.Громыко, В.А.Козлова, В.Н.Фурсова⁴⁷ и публикациях И.М.Ионенко, Н.А.Вахрушевой, В.В.Ниякого, Н.Л.Клейн⁴⁸ и других историков Российской Федерации.

Советскими историками изучены различные аспекты крестьянского движения в начале XX в. Достаточно полно освещена деятельность большевистской партии по созданию союза рабочего класса и крестьянства, прослежены основные тенденции развития крестьянской борьбы и ее направленность, разработана методика подсчета крестьянских выступлений и анализа приговоров и наказов депутатам I-й и II-й Государственных дум. Новейший период развития советской историографии (особенно 70-80 гг.) характеризуется появлением ряда негативных тенденций. В частности, в исследованиях историков на второй план стал отходить главный объект изучения, непосредственный участник событий – российское крестьянство, которое в начале XX в., пройдя через горнило испытаний, получило большой опыт борьбы и восприняло новые идеи и представления, что свидетельствовало о существенных изменениях в его сознании. Анализ социально-психологических аспектов классовой борьбы русского крестьянства показывает, что политические настроения деревенской бедноты и середняков развивались по восходящей линии.

Современный исследователь русского крестьянства не может не учитывать теорий западных крестьяноведов Т.Шанина, Э.Вульфа, А.Мандра, Д.Байрау, Р.Редфилда и Д.Скотта⁴⁹. Я отчетливо осознаю, что изучение крестьянства должно вестись на междисциплинарном уровне, то есть на стыке истории, социологии, социальной психологии, этнографии. Только такой подход позволит создать целостное представление о жизни, интересах и чаяниях русского крестьянства.

Источниковая база исследуемой проблемы обширна. Нами использованы труды В.И.Ленина, архивные и опубликованные материалы, периодиче-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

ская печать, воспоминания участников событий, публицистика и художественная литература. Основное внимание уделялось анализу документов и материалов, вышедших из народных масс, к их числу я отношу жалобы и заявления крестьян, приговоры и наказания сельских сходов, анкеты Вольного Экономического общества, опросные листы, то есть документы, которые наиболее полно отражают изменения в сознании и настроениях крестьян. Широко использовался и другой значительный комплекс источников – жалобы и заявления помещиков, делопроизводственная переписка, - который содержится в опубликованных сборниках документов. Несмотря на тенденциозное освещение событий, эти материалы содержат ценнейшие сведения, их информативная емкость довольно велика и в совокупности с другими источниками исследователь имеет возможность воссоздать по ним социальный портрет крестьянина начала XX в.

Новое прочтение документального материала (а такая задача стоит практически перед каждым историком), как опубликованного, так и архивного, позволяет проследить изменения в настроениях крестьянства в начале XX в., показать, какими путями шел процесс духовного освобождения крестьянства.

Вполне понятно, что автор не может претендовать на всестороннее раскрытие этой большой и сложной проблемы.

Моя признательность научным сотрудникам и работникам центральных и областных государственных архивов, Российской Государственной публичной библиотеки – книга не могла быть написана без их содействия и доброжелательного отношения к автору.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРЕСТЬЯНСТВА

...все устройство нашей жизни зиждется не на каких-либо, как это любят представлять люди, пользующиеся выгодным положением в существующем порядке вещей, юридических началах, а на самом простом грубом насилии, на убийствах и истребаниях людей.

Л.Н.Толстой

В советской исторической литературе, особенно в 60-80 гг. немало внимания уделялось изучению аграрного строя России.¹ В частности отмечалось, что во второй половине XIX – начале XX вв. в стране развернулась борьба двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве – “прусского” и “американского”. Историки констатировали, что в большинстве центральных губерний Европейской России сохранялось помещное землевладение. Это давало повод считать, что в данном районе преобладал буржуазно-помещичий или “прусский” путь аграрной эволюции, при котором помещичье хозяйство “медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства “гроссбуэров” (крупных крестьян)”². В Заволжье, Новороссии, Северном Кавказе развивался аграрный капитализм “американского” типа, при котором “господствовало крестьянское хозяйство (самая низкая в Европейской России доля дворянского землевладения)”. Здесь темпы и уровень развития аграрного капитализма был значительно выше, чем в губерниях с преобладанием прусского типа аграрной эволюции, слабее проявлялись крепостнические традиции, широко применялся труд сельскохозяйственных рабочих и машин.

Изложенная мною схема социально-экономического развития русской деревни получила обоснование в ряде работ советских историков-аграрников³. Вместе с тем уже в ходе дискуссии об особенностях аграрного строя России (1960 г.) А.Л.Сидоров высказал мнение о том, что развитие капитализма в деревне шло своеобразно. А потому вполне можно говорить о существовании русского типа аграрного капитализма. Об этом же позднее писали А.М.Анфимов, К.Н.Тарновский и И.Д.Ковальченко. Но наиболее

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

полная характеристика аграрного строя довоенной деревни содержится в трудах А.В.Чаянова. В 1989 г. редакция журнала “Известия ЦК КПСС” опубликовала записку выдающегося русского экономиста А.В.Чаянова В.М.Молотову от 6 октября 1927 г., в которой была дана характеристика сельского хозяйства довоенной России. В ней А.В.Чаянов отмечал, что в сельском хозяйстве России обозначились “ярко выраженные районы аграрного перенаселения и целые пространства аграрно-недоселенной территории, противоречия между которыми не могли быть сглажены миграционными потоками последнего времени. По мнению автора, в аграрно-перенаселенных районах России (т.е. в центрально-земледельческих губерниях – П.К.) было и некоторое “подобие китайского земельного режима – семейные формы хозяйства, земельный труд, взвинченные цены на землю и пышный расцвет кабальных отношений и докапиталистических форм дифференциации крестьянских хозяйств”.

Сходная ситуация была в губерниях Центрально-Промышленного района, но здесь “аграрный кризис смягчался и в то же время отягощался промышленным отходом населения и широким развитием местных кустарных промыслов, смазывающих выделение классово-чистого промышленного пролетариата и высасывающих из деревни все стоящее выше среднего уровня. Полярное положение к этим двум районам занимал Юг, юго-восток и восток России. Здесь, по мнению А.В.Чаянова, “мы имели быструю эволюцию в сторону американских форм хозяйства, быстрое изживание докапиталистических форм семейного хозяйства, нарастание элементов фермерского типа с машинной техникой и энергичную замену докапиталистических и кабальных форм дифференциации нарастающими элементами дифференциации, доподлинно капиталистической”. Такой подход позволил А.В.Чаянову раскрыть специфику хозяйственного строя района, в котором преобладали фермерские хозяйства: “высокая товарность, инвестирование значительных капиталов кредитного происхождения, развитие вертикальных концентраций как в капиталистических, так равно и в кооперативных формах, словом, начальная фаза всех элементов, составляющих сущность американской организации земледелия. Ничего подобного мы не имели в аграрно-перенаселенных районах, упорно удерживающих докапиталистические формы натурально-семейного режима с туго развивающейся товарностью и кооперацией”⁴.

Своеобразное переплетение и взаимодействие развивающегося аграрного капитализма и остатков крепостничества накладывали яркий отпечаток

Глава I.
Экономическое положение, структура
и социально-психологическая характеристика крестьянства

на социально-классовую структуру русской деревни и на социальную психологию крестьянства.

Несмотря на относительно высокие для того времени темпы промышленного развития, Россия продолжала оставаться аграрно-индустриальной страной, в которой сельское население преобладало над городским. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Европейской России сельское население составляло 82188,3 тыс. чел., городское – 12027,1 тыс. чел.⁵. Абсолютное большинство сельского население занимало и в сословном составе – на каждую тысячу человек приходился 771 крестьянин⁶. Более 3/4 населения страны было занято в сельском хозяйстве⁷.

В конце XIX – начале XXв. темпы естественного прироста населения в России были высокими, примерно в 1,5 раза больше соответствующих показателей европейских государств⁸. Особенно интенсивно прирост населения шел в сельской местности, что вело к аграрному перенаселению в губерниях Черноземной полосы и Центрально-Промышленном районе.

П.Маслов подчеркивал, что оно явилось следствием обезземеления и эксплуатации, “усиленного перекачивания накопившихся средств из деревни в город”. Оказывала также влияние “науперизация части крестьянства и его пролетаризация, приводившая к бегству из деревни в города, к образованию резервной рабочей армии в деревне и в городе...”⁹. Аграрная перенаселенность с наибольшей силой проявлялась в районе преобладания “прусского” типа капиталистической эволюции. Здесь сосредотачивалась огромная армия избыточного населения, лишь частично занятого в земледельческом производстве.

Вопрос об аграрном перенаселении является дискуссионным. В.Г.Тюкавкин правомерно считает, что “перенаселение носило в основном капиталистический характер, было связано с капитализмом и в деревне, и в городе, но оно увеличивалось и в связи с пережитками крепостничества, которые приносили дополнительные бедствия миллионам крестьян”¹⁰. Вероятно, следует согласиться с его мнением о необходимости пересмотра методики подсчета аграрного перенаселения. На наш взгляд, вполне представительными являются данные А.В.Островского. По его подсчетам избыток рабочих рук в деревне колебался от 9,2 до 12,2 млн. чел¹¹. Периодически повторявшиеся неурожаи и экономический кризис 1900-1903 гг. ухудшили обстановку в деревне. В 1901-1902 гг. голод охватил ряд губерний Европейской России. В этой связи в Саратовской губернии, например, 1/3 крестьянских хозяйств была доведена до крайней нищеты¹². В 1906 г. население 8 губерний Европейской России страдало от голода¹³. В начале XX века на

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

границы бедности и нищеты находились 26,6 млн. крестьян, они не могли прокормить свои семьи и были обречены на мучительное существование¹⁴. В качестве депрессоров, сдерживающих развитие капитализма, выступали острое малоземелье и тяжкий налоговый гнет, что вело к разорению и обнищанию русской деревни, а также к миграции крестьян Центрально-земледельческих уездов в промышленные центры, в районы капиталистического торгового зернового земледелия: юг России, в Поволжье, Сибирь, Алтай и Казахстан.

По данным официальной статистики, в конце XIX в. количество отходников и переселенцев ежегодно достигало 8343,7 тыс. чел.¹⁵, из них на долю сельскохозяйственных рабочих приходилось 3,6 млн. чел., а около 4,2 млн. чел. занимались неземледельческим (промышленным) отходом¹⁶. Миграционные процессы усилились в период империализма. В 1897-1916 гг. более 5,2 млн. чел. переселилось из густозаселенных аграрных районов Европейской России на окраины¹⁷. К началу первой мировой войны численность сельскохозяйственных рабочих возросла до 6,5 млн. чел.¹⁸. Наметилась также тенденция к росту удельного веса крестьян, уходящих на заработки в промышленные центры, что было связано с углублением классовой дифференциации в деревне в связи с проведением столыпинской земельной реформы.

Сложившаяся в конце XIX – начале XX вв. демографическая ситуация была непосредственно связана с характером поземельных отношений, сохранением в аграрном строе остатков крепостничества. В пореформенный период дворянское землевладение сокращалось и формировалась буржуазная собственность на землю. Но аграрно-капиталистический переворот в сельском хозяйстве был еще далек от завершения. Дворянам накануне первой российской революции принадлежало 53,2 млн. дес. земли¹⁹, что и являлось основой капиталистической эволюции прусского типа. Хотя социально-экономический строй в помещичьих хозяйствах носил капиталистические черты, но он был опутан живыми остатками крепостничества. Многие помещики-дворяне продолжали сдавать землю крестьянам на кабальных условиях, как правило, выступая в качестве ростовщиков. Широко использовалась и “зимняя” наемка. Крупными земельными собственниками были государство, удел, церковь, которые, по сути дела, имели “полусредневековое крупнейшее землевладение”²⁰.

Переход от сословной земельной собственности к бессословной привел к тому, что в качестве крупнейших земледельцев стали выступать так называемые “чумазые ленд-лорды” – купцы, мещане и крестьяне. Только в рас-

Глава I.
Экономическое положение, структура
и социально-психологическая характеристика крестьянства

порядке 8731 тыс. владений размером свыше 500 дес. находилось 17,9 млн. дес. земли.

Таким образом, в земельном фонде Европейской России владения казны, удела, церкви, дворян и других частных владельцев составляли 68,3%. На долю крестьянского надельного землевладения приходилось 31,7% или 138,8 млн. дес²¹.

В конце XIX – начале XX вв. надельная крестьянская земля находилась в распоряжении сельской поземельной общины, которая также способствовала сохранению пережитков крепостничества. Яркая характеристика консервативных и прогрессивных сторон общины содержится в трудах В.И.Ленина²². К первым он относил ее сословную замкнутость, сохранение традиций косности, забитости и одичалости. Пережитки крепостничества сказывались и в том, что в общине существовала круговая порука, крестьяне не имели права выйти из общины, продав или укрепив свой надел в личную собственность. По существу в правовом положении крестьянства сохранялись многочисленные сословные ограничения: вплоть до революции 1905-1907 гг. не были отменены телесные наказания, земские начальники имели право без суда налагать штрафы на крестьян и подвергать их аресту. Крестьяне не имели права без разрешения сельского схода поступать на гражданскую службу и в учебные заведения, существовали “ограничительные правила о паспортах” и т.д. Отметим, что вся законодательная деятельность самодержавия во второй половине XIX в. была направлена на консервацию социального статуса общины. Это “законотворчество” правительства подкреплялось на практике, как подчеркивал В.И.Ленин, невежественными, наглыми покушениями бюрократии “на мелочную, проникнутую полицейским духом, регламентацию”²³ всей жизни сельской поземельной общины.

И все-таки община являлась важнейшим институтом, ибо для большинства крестьян, оставшихся в деревне, она была законодателем образа жизни – исторически сложившейся структуры отношений, установок и ценностей²⁴.

В начале XX в. внутри общины существовали многочисленные малые контактные группы. Отечественная историография игнорировала их важность и, вслед за В.И.Лениным, формально выделяла группы, формировавшиеся по материальному признаку: зажиточные, середняки, бедняки.

Наиболее важную роль в жизни крестьянина играли неформальные малые контактные группы, например, возрастные и семейные кланы. Самой младшей возрастной группой в общине были дети. В ней шло первичное освоение принципов общения и норм крестьянской культуры, обмен ин-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

формацией. М.М.Громыко приводит такой пример из жизни общины. В конце XIX в. сельская учительница, активная собирательница этнографических и фольклорных материалов Е.И.Резанова, опросила некоторых из жителей деревни Саломыковой Обоянского уезда Курской губернии, наиболее известных своим пением. Выяснилось, что Н.А.Захарова (13 лет), знавшая в это время 71 песню (только три из них не совпадали с репертуаром ее матери), выучила их, по ее словам, от матери, “на вулицы” и на поденной работе у помещика, где ей иногда приходилось бывать; Анна Асеева (12 лет) все 57 песен (из репертуара предыдущих) выучила “на вулицы у девок”; на этот же источник указали и две другие девочки-певуны (9 и 8 лет)²⁵.

Другая большая контактная группа, в значительной степени перенявшая опыт стариков, – это поколение крестьян, зрелых мужчин и женщин, в силу своего возраста уже имевших большой опыт сельскохозяйственной практики.

На средней по возрасту крестьянской группе общины, по существу, держалась основная часть сельскохозяйственных работ. Перенимая практическую мудрость стариков, среднее поколение, а вслед за ним и молодежь в производственной и семейно-бытовой жизни воспроизводили сложившуюся практику обычаев, норм, традиций.

Через малые половозрастные группы шло включение каждого их члена в окружающую социальную среду, приобщение к установившимся образцам поведения в труде, семье, на праздниках.

Родственные кланы были неформальными, но устойчивыми объединениями. Принадлежность крестьянина к тому или иному клану определяла его положение внутри общины, которой принадлежала ведущая роль в защите интересов ее членов. В начале XX-го столетия она участвовала в организации “помочей”, открытии библиотек, регулировала имущественные сделки и даже предпринимала меры по борьбе с пьянством и т.д.

Особенно большую работу сельские общества проводили в области общественного призрения. Так, 10 ноября 1902 г. Подъемский сельский сход Дмитриевской волости Николаевского уезда Самарской губернии учредил опеку “над личностью и имуществом” девятилетней Ирины, одиннадцатилетнего Ефима и двухлетнего Михаила Мурзиных²⁶. Опекуном общества назначило крестьянина села Подъем К.Ф.Мурзина. На протяжении тринадцати лет учетчики сельского общества следили за сохранностью имущества, составляя соответствующие учетные акты.

Строго контролировалась не только сохранность имущества, но и благосостояние детей-сирот.

Глава I.
Экономическое положение, структура
и социально-психологическая характеристика крестьянства

Волостные общины имели возможность субсидировать открытие приютов для вдов и стариков. Так, 19 декабря 1912 г. Дмитриевский волостной сход постановил открыть в селе Дмитриевка приют для престарелых вдов и “не могущих пропитываться от трудов своих”²⁷. На его строительство сход ассигновал тысячу рублей.

Интересы всех малых групп в общине сталкивались на мирских сходах, решавших внутриобщинные вопросы. Сельский сход, по словам Н.П.Дружинина, выступал одновременно и в качестве *избирательного собрания*, назначая должностных лиц и указывая кандидатов для исполнения обязанностей волостных судей; и в качестве *органа хозяйственного управления*, производя разверстку податей и определял способы взыскания недоимок; и как *контрольное учреждение*, производя учет сборщику податей и сельскому старосте; и в качестве *учреждения, обладающего судебной властью*, лишая, в виде наказания, права голоса отдельных сельчан и постановляя приговоры об отдаче “порочных однообщественников” в распоряжение правительства; и в качестве *опекунского учреждения*, назначая опекунов и попечителей над личностью и имуществом малолетних сирот и производя учет и поверку действий этих лиц; и в качестве *сословного учреждения с “государственным значением”*, возбуждая перед правительством ходатайство о местных нуждах²⁸.

Теоретически сход, как селенский, так и волостной, должен был состоять только из общинников-мужчин. Но, как сообщалось в трудах местных комитетов Самарской губернии, на практике их состав ничем не ограничивался: на нем присутствовали и домохозяева, имеющие и неимеющие оседлости, несовершеннолетние домохозяева; домохозяева, имевшие права пользователей, но наделом не пользовавшиеся; женщины, выступавшие как самостоятельные домохозяева при решении вопросов, касавшихся землепользования.

Демократическая процедура сельских сходов с конца XIX в. нарушается. Земские начальники все чаще вмешиваются в их деятельность, оказывая давление на принятие решения или отменяя его. “На сельских сходах председательствовать должен староста, а не волостной старшина, – писал хроникер “Биржевых ведомостей” “Независимый”. На самом же деле действительным председателем и руководителем сходов является земский начальник. Без него ни староста, ни старшина не откроют схода; без него не решается сколько-нибудь важное крестьянское общественное дело”²⁹. В связи с этим меняется отношение крестьян-общинников к сходам: активность сменяется безразличием. Крестьяне, отправляясь на сход, часто не знали его вопро-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

сов, приговоры подписывались без обсуждения и вне зависимости от их согласия или несогласия.

В начале XX-го столетия падает внутриобщинная дисциплина. В селе Успенском Богородского уезда Московской губернии, например, острой проблемой стала неявка домохозяев на сельские сходы. В 1910 г. сход вынес приговор о наложении штрафа в 1 руб. на всех неявившихся. Однако на нем присутствовало всего 88 домохозяев из 264, и по этой причине уездный съезд отменил приговор.

Община вместе с семьей создавала для крестьянства своеобразную культурную среду. Она выступала одновременно и в роли источника информации извне, и института, обеспечивавшего связь поколений.

Культурная общность складывалась за счет тесного переплетения и взаимосвязи потребностей, интересов и идеалов. Она непосредственно связывала культурные нормы с обыденной жизнью, поскольку трудно было разделить крестьянина-певца, крестьянина-сказителя и крестьянина-земледельца. Кроме того, культурная среда искусственно поддерживалась обязательными для всех обрядами. В них коллективная память общины консервировала целые сколки деятельности, поведения и мировоззренческие основы людей прошлых эпох.

Община в России доказала свою жизнеспособность. Ее многофункциональный организм поддерживали отнюдь не правительственные регламентации, а естественная потребность крестьян в трудовой и социальной кооперации. Она была гарантом нравственной чистоты земледельческой культуры, носительницей ее вековых традиций.

В связи с сохранением в русской деревне сословных разрядов и делений (бывших помещичьих, бывших государственных, бывших удельных и др. крестьян) и “другого рода различий, делений, перегородок” наделенное землевладение распределялось неравномерно. Община порождала чересполосицу, дальнотемелье, становилась тормозом для развития производительных сил деревни. “Старая сословная община, – писал В.И. Ленин, – прикрепление крестьян к земле, рутинная полукрепостная деревня пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями”³⁰.

Капитализм властно вторгался во все сферы крестьянской жизни. Он втягивал в свою орбиту все существовавшие в аграрном секторе экономики уклады, существенным образом воздействуя на процессы, происходящие внутри крестьянства, которое в исследуемый период все еще являлось классом-сословием, где были представлены как старые, так и новые социальные типы. Но из-за незавершенности аграрно-капиталистического переворота

Глава I.
Экономическое положение, структура
и социально-психологическая характеристика крестьянства

эти процессы протекали противоречиво, поэтому социально-классовая структура русского крестьянства была неоднородной. Степень и глубина классового расслоения крестьянства были неодинаковы в отдельных районах страны. В зоне торгового зернового земледелия, где возникли и развивались хозяйства фермерского типа, разложение крестьянства находилось на второй стадии образования сельскохозяйственного пролетариата и сельской буржуазии. В этих уездах не было, да и не могло быть места для патриархальных отношений между помещиком и крестьянином, так как рабочая сила выступала в качестве товара. В губерниях Черноземной полосы Европейской России – зоне преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции – процесс был еще на первой стадии, когда появлялись кабально-зависимые товаропроизводители и торгово-ростовщическая буржуазия³¹. Темпы социально-классового расслоения здесь были значительно ниже, чем в Заволжье, Новороссии и на Северном Кавказе, и сохранялись кабальные формы истинно “русского типа”³². Среди деревенской бедноты превалировал крестьянин, который, как отмечал В.И. Ленин, был “сведен отработками и капиталистической эксплуатацией до такого нищенского, голодного уровня жизни, который в Европе кажется невероятным. Там называют подобный социальный тип “пауперами”³³.

С наибольшей силой разорение и обнищание деревни проявлялось среди бывших помещичьих крестьян, и особенно среди крестьян-дарственников, получивших от помещика бесплатный четвертной надел. Как отмечали многие современники, “на этих крошечных наделах была немислима сама жизнь человечества”³⁴. Хозяйственные дела бедноты не могла “поправить” и аренда земли у помещиков, которая имела продовольственный характер. Известно, что часть дворянской земли переходила в собственность к “чумазым ленд-лордам”. Новые владельцы повышали арендные цены в 2-3 раза, так как стремились выжать из купленной земли все, что возможно. “Снял землю, – заявляли они, – значит плати, а мне какое дело, есть у тебя из чего платить, или нет”. Поэтому аренда была для беднейших крестьян убыточной. К тому же выкупные платежи, налоги и другие сборы тяжким бременем ложились на плечи крестьянства, которое вынуждено было продавать хлеб по осенним низким ценам. В отличие от кулаков, имевших добротные дома, иногда даже на кирпичном фундаменте, крытые черепицей или железом, беднота ютилась в крохотных, вросших в землю избушках в одно окно, в мазанках из самана. “На пространстве 7-9 кубических саженой, – читаем мы в записке членов Тульской губернской земской управы, – живет крестьянская семья, достигающая в отдельных случаях значительных размеров.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Спят в два этажа: на лавках, на нарах и печи. Полы всегда земляные, так как в холода в избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова. Сильная скученность населения делает воздух тяжелым и как бы промозглым³⁵. Антисанитарные условия в русской деревне становились причиной возникновения болезней и эпидемий.

Крайне неудовлетворительным было и питание русского крестьянина. Чаще всего своего хлеба едва хватало до середины декабря. Дело в том, что крестьяне вынуждены были продавать зерно и другие сельскохозяйственные продукты по осенним дешевым ценам для того, чтобы уплатить налоги, выкупные платежи, земские и мирские сборы и т.д. Эта вынужденная торговля вела не только к потере средств, необходимых для хозяйства. Бедняки, не имея хлеба и денег, прибегали к кабальной для них “зимней наемке”, или занимались нищенством. Как отмечали земские служащие, в Тульской губернии пищу крестьян “составляют хлеб (не всегда достаточно хорошо пропеченный), картофель, квас, часто капуста и лук, а осенью свежие овощи, если вблизи селения имеется огородник. При этом далеко не всегда можно сказать, что крестьяне едят столько “сколько съедят”³⁶. В голодные 1898-1899гг. в Самарской губ. многие крестьяне питались хлебом из лебеды и лепешками из молотых желудей с незначительной примесью муки. “Мякина и отруби также идут на хлеб”, – писал очевидец бедственного положения крестьян А.С.Пругавин³⁷.

Медицинская помощь крестьянам оказывалась лишь иногда. Так, в 1898 г. в Воронежской и Тамбовской губерниях ею пользовалась лишь четвертая часть населения³⁸. В Рязанской губернии в 1903г. на 100 тысяч человек приходилось 9 врачей и 11 фельдшеров. Они, как правило, вынуждены были обслуживать население нескольких волостей³⁹. Подобная ситуация наблюдалась во всех великорусских губерниях. Расстояния до ближайших медицинских пунктов колебались от 15 до 60 км. Вследствие неудовлетворительных социально-экономических и санитарно-гигиенических условий в деревне была высокая смертность, особенно часто умирали дети до 5-ти лет и женщины⁴⁰. Медико-санитарные обследования, проводившиеся в ряде уездов Европейской России, зафиксировали изменения в физическом облике этой части населения: “народ все низкорослый, малосильный, болезненный, слабый, не способный к продолжительному напряжению, настойчивому труду”⁴¹.

На другом полюсе находились зажиточные верхи деревни. В пореформенный период ярче стали проявляться индивидуалистические черты их собственнической психологии. Причем, в русской деревне, в связи с сохранением дворянского землевладения среди зажиточных элементов преобла-

Глава I.
Экономическое положение, структура
и социально-психологическая характеристика крестьянства

дал кулак-ростовщик, по-существу грессбауэр, заинтересованный в консервации сложившихся на селе отношений, так как это позволяло ему сохранять экономическое господство в сельской общине. Конечно, и в зажиточной среде крестьянства были сильны антидворянские настроения, так как сельские богатеи претендовали на то, чтобы захватить не только большую часть надельных земель, но и стать владельцами барских имений. Пока же они, копируя помещика-дворянина, прибегали к наиболее диким методам эксплуатации, используя отработки, зимнюю наемку и другие полукрепостнические формы.

В начале XX в. в русской деревне наблюдался рост противоречий между помещиками и всем крестьянством, обострились отношения внутри крестьянства – между сельской беднотой и кулачеством. Противоречивость социально-экономического развития капитализма в сельском хозяйстве, сохранение пережитков крепостничества в аграрном строе не могли не оказывать воздействия на процессы, происходящие в сельской поземельной общине. С одной стороны, являясь “пережитком старины”, она сдерживала развитие производительных сил деревни. А с другой стороны, используя сельский сход, община выступала в качестве организатора борьбы против помещиков, объединяя демократическое большинство, точнее наиболее радикальную его часть: бедноту и середняков. Община выступала как определенная демократическая организация крестьянства⁴².

В новейших исследованиях отмечается своеобразный дуализм общины. В.Г.Тюкавкин, в частности, считает, что в ней реально “переплелись два противоположных течения: одно антиобщественное (со стороны кулачества и части бедняков, желавших выйти из общины), другое – за сохранение общины”⁴³. Социальная база второго течения – радикальная часть деревни, ее демократическое большинство.

Известно, что в России отношения между государством и общиной складывались довольно своеобразно. Еще в эпоху феодализма общинное самоуправление постоянно интегрировалось в систему государственных органов власти. “Создавались внутренние противоречивые системы”. Она облегчала подчинение и подавление крестьянства господствующим классом и государством, – отмечают В.П.Данилов и Л.В.Данилова, – и вместе с тем, во время народных возмущений служила готовой организацией для совместных действий против господствующего класса и государства, хотя и в ограниченных, местных масштабах⁴⁴. И все-таки развивающиеся капиталистические отношения приводили к деформации, а затем и к забвению “мирских”, коллективистских отношений в общине, что становилось одним из

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

признаков ее кризиса и разложения. Отходничество, игравшее прогрессивную роль в формировании нового социального типа – крестьянина-отходника, также способствовало разрыву связей крестьян с общиной. О кризисных явлениях свидетельствовал распад патриархальной большой семьи и возрастание удельного веса семейных разделов, что вело к измельчению земельных наделов и обострению земельного вопроса в деревне.

Индивидуалистические черты крестьянина-собственника ярко проявлялись в распределении земли, приобретенной общинами или товариществами у Крестьянского поземельного банка. Например, в Смоленской губ шел процесс концентрации купленной земли у зажиточных хозяев, хотя земля не переставала формально считаться коллективной собственностью⁴⁵. Подобные явления наблюдались и при уплате налогов и выкупных платежей. “Разложение общины достигло такой степени, – отмечал видный историк-аграрник А.М.Анфимов, – когда коллективная собственность пришла в непримиримое противоречие с глубоко укоренившимся индивидуалистическим строем крестьянского хозяйства, с интересами зажиточных и средних крестьян, не желавших платить сборы за разоренную бедноту и отсутствующих в деревне домохозяев-отходников”⁴⁶.

Несколько иначе протекал процесс дифференциации крестьянства в степных районах Европейской России, где интенсивно развивались хозяйства фермерского типа, использующие капиталистические методы эксплуатации сельскохозяйственных рабочих. Остатки крепостничества, главными из которых были самодержавие и помещичье землевладение, сдерживали развитие как хозяйств кулаков-ростовщиков, так и фермеров. Но во всех зонах, где преобладал “пруссский” или “американский” тип аграрной эволюции, сельская буржуазия стремилась занять и упрочить господствующие позиции в деревне. Помимо концентрации в своих руках земли, рабочего и продуктивного скота они стремились попасть в низовой административный аппарат управления, где кулаки могли путем подкупа занимать должности волостных, сельских старост, писарей и мировых судей. Это представляло им право решать в свою пользу многие вопросы, касающиеся землепользования, раскладки налогов и сборов, а также штрафовать крестьян до 1 руб., сажать их под арест сроком до двух дней без суда и следствия, посылать крестьян на ремонт дорог, путей, мостов⁴⁷. Иная расстановка была в уездных земских собраниях, где большинство мест, как правило, принадлежало дворянам или городской буржуазии, поэтому гласные от крестьянской курии практически не могли влиять на решение многих вопросов.

Глава I.
Экономическое положение, структура
и социально-психологическая характеристика крестьянства

Зажиточное крестьянство, насчитывавшее в начале XX в. 1 млн дворов⁴⁸, концентрируя в своих руках надельную, купчую и арендованную землю, рабочий и продуктивный скот, расширяло посевы торговых культур, широко используя труд батраков и помещиков. Именно у этого социального типа крестьян был “крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации”⁴⁹.

Кулак, по сути дела, был хозяином в деревне, он пытался подчинить сельский “мир” своему влиянию на сходах, захватывал “за водку” лучшие земельные угодья (пашни, луга и сенокосы), брал “за бесценнок” или “за процент” надельные полосы бедняков, пас на общинном выгоне свой многочисленный скот и при этом считал себя благодетелем, претендовал на разные почетные административные должности. Не случайно для этой части крестьянства характерны такие высказывания: “вся деревня по уши должна хозяину”, или “я им страшнее бога”. Распространенными были и суждения типа: “полиция - моя правая рука”⁵⁰. Именно таким было поведение кулака И.М.Панова из деревни Ивановка, Епифанского уезда, Тульской губернии. Он держал кабак, брал в заклад вещи, арендовал у односельчан земельные наделы за водку. “По словам крестьян, – сообщал губернатору уездный исправник, – Панов, захватив много места под усадьбу, всюду застраивает места и прогоны, загоняет во двор их скотину, случайно забежавшую на его усадьбу, и не в коем случае скотины не возвращает, требует с них непосильную плату в виде штрафов”⁵¹.

Зловещий облик кулака-самодура предстает перед нами на страницах повести писателя Ивана Вольнова. Паутиной долгов оплел односельчан и крестьян ближайших сел и деревень кулак деревни. Мокрых Выселок, Малоархангельского уезда, Орловской губернии. С.М.Шатров. Эксплуатируя крестьян, он организовывал дикие оргии, в ходе которых творил суд и расправу над ними. “Хозяин, – писал И.Вольнов, – вырос в моих глазах в громадную, всемогущую, злую силу денег, перед которой все преклоняются, с готовностью исполняя капризы и самодурства ее”⁵².

В русской деревне не было, да и не могло быть лада и единения между зажиточными верхами и деревенской беднотой. Отношение бедняцко-средняцкого большинства общины к зажиточным было резко отрицательным: “Нет у меня в душе добра против богатых. Больно-то богатых я и не видел, однако, думаю, что еще хуже... Ему бедный, что дурень, что прямо злодей. Брюха не нажил, значит плохо жил... Много им дадено, а народ самый вредный. И богач на одной ж... сидит, а такой гордый, словно две под им”⁵³.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Среди зажиточных был и сельский предприниматель гроссбауэрского типа, который вел хозяйство, используя труд поденщиков, машины и другой усовершенствованный инвентарь. Его хозяйственная деятельность уже перерастала рамки земельных наделов. Ориентируясь на рынок, такой хозяин постоянно испытывал потребность в расширении земельных владений. Поэтому кроме наделов он имел участки арендованной и купчей земли и его давней мечтой было “соединение наделной земли с купчей”⁵⁴, что свидетельствовало о тяге зажиточных крестьян к созданию участковых (хуторских) хозяйств.

Крайний индивидуализм и собственнические устремления, преобладавшие в сознании зажиточного крестьянства, были отмечены многими комитетами о нуждах сельскохозяйственной промышленности и в ряде отчетов губернаторов царю. Например, саратовский губернатор П.А.Столыпин писал в отчете за 1904 год: “В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, по образному выражению – мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедноты и темноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера”⁵⁵. Однако она была под силу очень немногим. В этой связи укажем, что удельный вес зажиточного крестьянства в зоне помещичье-буржуазной аграрной эволюции колебался от 6 до 12%. Более высокой доля “крепких” хозяев была в районах торгового зернового земледелия - от 22 до 30%. Большинству середняков, а их численность достигала в 1905г. 3,5 млн крестьянских дворов, не только не удалось выйти “в люди”, но и приходилось испытывать постоянный страх разорения, а при плохой хозяйственной конъюнктуре и неурожае хлебов или стихийных бедствий пополнять ряды сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты.

Основная масса безземельного и малоземельного крестьянства сосредотачивалась в центральных, великорусских губерниях. Так, по данным официальной статистики, в 1905 г. в деревне насчитывалось более 6,2 млн крестьянских дворов, которые имели в среднем до 8 дес. земли, как правило, они были безлошадными или имели одну лошадь на двор. “Шестимиллионная масса дворов, – писал В.И.Ленин, – это значит от 24 до 30 миллионов населения. И все это население – пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью”⁵⁶. Конечно, социально-классовая структура крестьянства в период империализма значительно усложнилась и уже в начале XX в. включала пять социальных групп: сельскохозяйственный пролетариат (годовые, сроковые, поденные сельскохозяйственные рабочие); полупролета-

Глава I.
Экономическое положение, структура
и социально-психологическая характеристика крестьянства

рии или парцелльные крестьяне, сочетающие ведение хозяйства на клочке земли с наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях; мелкое и среднее крестьянство; сельская буржуазия⁵⁷.

Итак, в социально-классовой структуре крестьянства накануне революции 1905-1907 гг. происходили качественные сдвиги: формировались новые типы, характерные для капиталистического общества. Но в целом крестьянство представляло собой все еще класс-сословие, в котором имело место сложное сочетание и переплетение старого и нового. Все это нашло отражение в социальной психологии крестьянства.

Яркая характеристика социальной психологии крестьянства России начала XX века дана в трудах В.И.Ленина. В его многочисленных статьях, письмах, заметках, выступлениях раскрыты психологические особенности классов и социальных слоев российского общества, в том числе крестьянства. В психологии крестьянских масс В.И.Ленин различал две группы явлений. В одной, восходящей к докапиталистическим формациям, обнаруживается подавленность людей, приниженность, покорность, привычка к угнетенному состоянию, приверженность “старине” и традициям, боязнь нового. В другой группе были глухое брожение, недовольство, нередко выливающиеся в протест, возмущение, открытые выступления против самодержавного правительства и непосредственного источника бедствий – помещиков и сельской буржуазии, чиновников. Эти элементы социальной психологии обычно проявлялись в те революционные моменты, которые, “тем и отличаются от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в действии”⁵⁸. В.И.Ленин показал революционные и консервативные черты в психологии крестьянства. “Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян, – писал В.И.Ленин в 1899 г., – и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников”⁵⁹. В.И.Ленин считал, что крестьянские массы по-прежнему были способны лишь на раздробленные единичные выступления, “не освещенные никаким политическим сознанием”⁶⁰. Источники революционности русского крестьянства В.И.Ленин видел в его двойственном положении и двойственной роли, в сохранении громадных остатков барщинного хозяйства и всевоз-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

возможных пережитков “крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты, которые вполне объясняют глубокие корни революционности крестьянства как массы”⁶¹.

Консервативные черты были присущи сельской буржуазии и кулачеству – грессбауэрам, преобладавшим в зоне “прусского” типа аграрной эволюции. “Немногочисленные зажиточные крестьяне, – отмечал В.И. Ленин, – находясь среди массы “маломощных” крестьян, ведущих полуголодное существование на их ничтожных наделах, неизбежно превращаются в эксплуататоров худшего вида (выделено мною – П.К.), закабаляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр.”⁶². В зажиточном крестьянстве, которое способствовало консервации сложившихся в сельской общине отношений, В.И. Ленин видел реакционную силу. “Эта масса деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление...”⁶³.

Своеобразным выразителем идеалов, чаяний, настроений, чувств и эмоций крестьянства конца XIX – начала XX вв. являлся выдающийся русский писатель Л.Н. Толстой, литературное наследие которого следует использовать в качестве “пособия” для познания того, как складывались утопии в народной среде в отдаленные времена⁶⁴. Сам писатель в письме к В.В. Стасову 18 октября 1905 г. отмечал: “Я во всей этой революции состою в звании добро- и самовольно принятого на себя адвоката 100-миллионного земледельческого народа”. Известно, что Л.Н. Толстой в своих сочинениях отражал стремление крестьян уничтожить помещичье землевладение, старый строй жизни, старые формы и распорядки и создать гуманный идеал общежития свободных и равноправных мелких крестьян⁶⁵. Его общественно-политические идеалы представляли собой не что иное как социализм феодального типа. В своих философско-религиозных сочинениях он отразил протест патриархального крестьянства против существующей действительности, гневно отмечая, что “все устройство нашей жизни зиждется не на каких-либо, как это любят представлять люди, пользующиеся выгодным положением в существующем порядке вещей, юридических началах, а на самом простом грубом насилии, на убийствах и истязаниях людей”⁶⁶.

Л.Н. Толстой попытался определить причины изменений в сознании крестьянства, которые происходили в период русско-японской войны. По его мнению, введение царским правительством всеобщей воинской повинности бросило вызов христианской концепции “не убий”. В связи с этим народ стал более явственно осознавать противоречие религии и власти: “И среди

Глава I.
Экономическое положение, структура
и социально-психологическая характеристика крестьянства

большинства русского народа началась та невидимая, глухая, не подлежащая взвешиванию работа *освобождения сознания* (выделено мною – П.К.)⁶⁷. Эти сдвиги в сознании крестьянства в немалой степени были вызваны дальневосточной авантюрой самодержавия – русско-японской войной. Л.Н.Толстой констатирует: “Да совсем иное отношение людей к войне теперь, чем то, которое было прежде, даже недавно в 77 году”⁶⁸. И далее он отмечает рост в сознании крестьянства антивоенных, антиправительственных настроений: “Все недовольны, мрачны, озлоблены. Слова: “За веру, царя и отечество”, гимны уже не действуют на людей как прежде: другая противоположная волна сознания неправды и греха того дела, к которому призываются люди, все больше и больше захватывает народ”⁶⁹. В условиях нарастания революционного кризиса среди народных масс зрело недовольство внутренней и внешней политикой правительства: “Теперь все, – писал Л.Н.Толстой, – за самыми малыми исключениями считали всю деятельность преступной и незаконной, признавали виной всех беспорядков одно правительство”⁷⁰. Вторая причина, вызывающая изменения в сознании крестьянства, была связана с лишением “крестьян права пользования землей”⁷¹. У большей части крестьянства, особенно безземельного и малоземельного, вырабатывалось убеждение в необходимости и целесообразности отрицания частной поземельной собственности. При этом речь шла не только о ликвидации помещичьего землевладения, но и об отобрании всех излишков земли у удела, казны, православной церкви и у деревенских богатеев. Идеи социальной справедливости, равенства широко распространялись в крестьянской среде. “Вообще есть стремление подвести всех к одному знаменателю, а потому надо уничтожить все лишнее у соседа побогаче”, – читаем в анкете Вольного экономического общества⁷². Эта тенденция была отмечена и в отчете саратовского губернатора П.А.Столыпина: “У русского крестьянства страсть все уравнять, все привести к одному уровню”⁷³.

Л.Н.Толстой наиболее полно сумел показать всю сложную гамму чувств русского крестьянства, которая была вызвана как сохранением феодальных пережитков, так и развитием капитализма в сельском хозяйстве. Он сумел передать в своих произведениях “весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невиданный, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все устои деревенского быта, несущий с собой разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис – все бедствия “эпохи первоначального накопления...”⁷⁴. Но к классовой борьбе пролетариата и крестьянства Л.Н.Толстой относился отрицательно. В статье “Где выход?” он писал:

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

“Выход не в том, чтобы насилем разрушать насилие, не в том, чтобы захватывать орудия производства или в парламентах бороться с правительством, а в том, чтобы каждому человеку самому для себя сознать истину, использовать ее и поступать сообразно с ней”⁷⁵. В другой статье писатель раскрывает антинародную сущность правительства и здесь же предлагает “радикальные”, по его мнению, методы борьбы с ним. “Не только русское,— писал он,— но всякое правительство я считаю сложным, освященным преданием и обычаем учреждения для совершения посредством насилия безнаказанно самых ужасных преступлений, убийств, ограблений, спаивания, одурения, развращения, эксплуатации народа богатыми и властвующими; и поэтому полагаю, что все усилия людей, желающих улучшить общественную жизнь, должны быть направлены на освобождение себя от правительства, зло и, главное, ненужность которых становится в наше время все более очевидным. *Достигается, по моему мнению, эта цель одним, только одним единственным средством - внутренним религиозно-нравственным совершенствованием отдельных лиц*”⁷⁶ (выделено мною – П.К.). Исходя из своих идеалистических воззрений, он считал, что ни “бунт”, ни революция (а эти понятия для него равнозначны) не приведут к освобождению. Поэтому Л.Н.Толстой призывал народные массы отказываться от участия в правительственной деятельности, от военной службы, проповедовал аскетизм и непротивление злу насилем. Эти “рецепты” с полной очевидностью отражали несостоятельность и противоречивость взглядов самого Л.Н.Толстого. Противоречивость была присуща и социальной психологии патриархально-крестьянства, которое, стремясь к новым формам общения, создавало социальные утопии и легенды и потому “относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому к тому, каким должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать эту свободу”⁷⁷. Таким образом, и в аграрном строе России и в социально-классовой структуре крестьянства причудливо сочеталось старое и новое. Русская деревня (особенно в Центрально-земледельческих районах) находилась как бы в феодальных путах. Живые остатки феодализма пронизывали не только социально-экономические отношения, но и духовную жизнь крестьянства. Но вместе с тем, новое пробивало себе дорогу. Наиболее интенсивно капиталистические отношения развивались в районах торгового земледелия. В целом же незавершенность аграрно-капиталистического переворота сказывалась на экономическом и правовом положении крестьянства, которое уже в начале XX века активнее стало принимать участие в аграрном движении, что было одним из показателей назревания революционного кризиса в России.

ГЛАВА II

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК КРЕСТЬЯНСТВА

В русской деревне появился новый тип – сознательный молодой крестьянин.

В.И.Ленин

Сохранению патриархальных черт в массовом сознании крестьянства способствовала политика самодержавного правительства в области просвещения, в основе которой лежали светобоязнь и стремление сохранить материальную и духовную нищету русского крестьянства. По мнению правящих кругов, “иметь дело с суеверною, невежественною массой гораздо проще, чем с культурным населением”¹.

Развитие капитализма усиливало, однако, потребность в грамотных рабочих и крестьянах, поэтому в пореформенной России постепенно возрастала численность школ. Увеличение сети школьных учреждений в великорусских губерниях связано также с деятельностью земств.

Тем не менее удельный вес грамотных был невелик. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897г. он составлял в 50 губерниях Европейской России лишь 17,4%². В большинстве сел Черноземной полосы количество грамотных и малограмотных мужчин едва достигало 1/3. Как показало исследование, проведенное в начале XX в. в Воронежской губ. “в с. Ново-Животинном Воронежского уезда менее 1/3 всего взрослого мужского населения едва знает грамоту, а среди женщин в десять с лишним раз меньше грамотных, чем среди мужчин”³. В Нижегородской губернии в конце XIX в. удельный вес грамотных мужчин составлял 21,4%, женщин – 3,4%⁴.

Многие крестьяне вполне осознавали целесообразность приобретения начального образования. Разорение крестьянства, отсутствие средств являлось главной причиной, по которой беднота не могла отдавать своих детей в школу. Член Тихвинского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности Н.О.Исаев отмечал, что не все дети крестьян обучаются в школе: “Более состоятельные родители учат детей – это почти правило. Зна-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

чит процент неучащихся детей почти целиком падает на беднейшие слои населения и девочек”⁵. Большая часть крестьян традиционно продолжала считать, что “девочку отдавать в науку незачем”⁶. К тому же в своих детях крестьяне чаще всего видели дополнительную рабочую силу, поэтому дети сельской бедноты позже приступали к занятиям и нередко переставали ходить в школу задолго до окончания учебного года. Попытки учителей вернуть детей в школу не давали результатов, наталкивались на рационалистический подход крестьян к школе, которая не давала, да и не могла дать сразу практическую отдачу в их хозяйстве. В крестьянском сознании крайне медленно преодолевалось недоверие к школе. “Николай Захарович (учитель – П.К.), – писал И.Вольнов, – умолял мужиков на сходке не отнимать у него без времени детей, бегал по деревне из двора в двор и по-разному старался, но мужики ему отвечали:

– Миколай Захарович! Друг! Да разве мы не понимаем, что с грамотою лучше, но только нам не в писаря. “Верую” узнали – с нас и будет... Ты вот говоришь: учеба, подлежащее, рихметика, а мне за сына сулят на барском дворе три синеньких в лето и хозяйский харч, смекни-ка в какую учебу его ткнуть – в твою, ай в барскую, вот то-то и оно! Рихметики”⁷. Когда же крестьяне видели практический результат обучения, недоверие у них исчезало, они “сами стали навязывать “маленько подшустрить” своих детишек”⁸.

Полукрепостнический гнет, пронизывавший все сферы экономической и духовной жизни народа, нищета и голод сдерживали развитие народного образования. Анализируя данные официальной статистики за 1910 год, В.И. Ленин писал: “Итак, детей в школьном возрасте 22%, а учащихся 4,7%, то есть почти впятеро меньше!! Это значит, что около четырех пятых детей и подростков лишено народного образования!”⁹. Из-за нехватки школ и учителей в 1910г. было отказано почти миллиону детей, родители которых желали отдать их в начальные школы¹⁰.

Конечно, общее количество учащихся начальных школ в начале XX в. росло быстрее, чем в пореформенный период. С.С.Дмитриев указывает, что в 1900 г. в них училось 2592,6 тыс. человек, а в 1914 г. – 5942,6 тыс. человек, но этот рост “совсем не соответствовал реальным потребностям, не находился в сколько-либо уравновешенном соотношении с числом детей, нуждавшихся в образовании и лишенных элементарных возможностей для его приобретения”¹¹. Общеобразовательный уровень населения России (особенно крестьянства) к 1917 г. оставался низким: 3/4 населения страны было неграмотным.

Распространением знаний среди крестьянства занимались представители прогрессивной русской интеллигенции и, прежде всего, земские служащие

Глава II.
Духовный облик крестьянства

– учителя, врачи, агрономы, ветеринары. Их деятельность была направлена на то, чтобы расширить ограниченный объем знаний, который давали начальные школы. Известно, что основная цель этих учебных заведений состояла в том, чтобы “утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания”¹². В народных школах преподавали закон божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, четыре действия арифметики, церковное пение. Дополнительными предметами расширенного курса могли быть русский язык (правописание и синтаксис), отечественная история, география, арифметика, естествознание. Как видим, объем получаемых знаний в начальной школе был невелик. Она не давала ни практических знаний, ни общего развития, так как преподавание чаще всего сводилось к выучиванию наизусть закона божьего и почти механическому обучению чтению и письму¹³. Уровень образования зависел также от наличия в крестьянской семье учебников и книг. Не все крестьяне могли приобрести для детей учебную литературу. Например, в селе Ново-Животинном Воронежского уезда из 17 обследованных семей лишь в 11 были учебники. “Вообще книга – не частая гостья здесь. В Животинном неучебные книги нашлись лишь в 30 семьях из 96 дворов, в Моховатке в 14 из 65 дворов”¹⁴. В домах крестьян преобладали библии, евангелие, молитвенники, жития святых, а также лубочные книги, календари и переводные романы. Покупатели книг, а это были преимущественно старики, придерживались традиционного мнения, что “светские книги не дают ничего хорошего, что читая их, научишься только плохому; по их мнению, одно только божественное проливает свет”¹⁵. Это убеждение сохранялось в сознании крестьян отчасти еще и потому, что на книжном рынке превалировала лубочная или бульварная литература, вроде “Пана Твардовского”, “Бовы” и др.

Получив “обрывки образования”, ученики покидали родные места, или, оставаясь в деревне, забывали приобретенные в школе знания. Обучение грамоте было для крестьянских детей тяжелым трудом, но сохранить грамоту в условиях беспросветной нужды и тяжелой повседневной работы было еще труднее. “Темны мы не по своей вине. Я с малых лет ученье любил, сам себя грамоте обучил, а что за помощь в этом деле видел? Все мне ученье было – у сапожника по башке колодкой. А он еще под себя ходит, а над ним с книжкой сидят. И дальше, только захоти, до самого высшего разума доучиться можно”¹⁶. Особенно был велик уход крестьянской молодежи из сельскохозяйственных школ, в которых прививались практические навыки по агрономии, зоотехнии и ведению хозяйства. “Ни одна из существующих школ не может похвалиться тем, – отмечалось комитетами о нуждах сель-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

скохозяйственной промышленности, – что ее выученники из крестьян вернулись в деревню на отцовские надель – все они ушли и уходят на места приказчиков, надсмотрщиков, старост и других служащих в частновладельческих хозяйствах, уходят даже на другие профессии, общего с сельским хозяйством не имеющие, но не в деревню¹⁷. Вероятно, в этой связи крестьяне считали сельскохозяйственные школы роскошью – деревня от них непосредственной пользы пока не получала. Уход из села был связан и с тем, что деревенская среда “заедала” развитых людей. Они с большим трудом вписывались в нее, и она нивелировала их, так как жестко регламентировала все нормы жизни крестьян. Отсюда негативное отношение к “образованным” крестьянам. К тому же многие из них считали, что получить образование мог только больной или увечный, неспособный к тяжелому крестьянскому труду человек. “Представлял он очень хорошо, и казался умней протчих простых людей. А когда до дела дойдет, ни с места. Все расскажет, все придумает, и песню и сказку хорошо складывать мог. А жил только чужим горбом. Такой, может, где в городе и приспособится. Там и лень, где рабочий день. А деревня, она тебя за руки держит. Коли рук-то нет, не прокормишься”¹⁸. К тому же у некоторых крестьян, чуть-чуть понюхавших культуру, рождалось чувство мещанского превосходства, самолюбования, самодовольства в своей образованности: “Друг мой, читал я столько, что теперь я тебя во сто раз умнее... И стыдно мне перед таким невеждой зазнаваться... А душа у меня такая, что сама по себе чести просит”¹⁹.

Темпы распространения знаний в деревне были крайне низкими из-за препятствий, чинимых местными органами власти, духовенством и помещиками. Корреспонденты-крестьяне отмечали, что “правитель-ство нисколько не помогает и даже всячески мешает нам выходить из нашей темноты”²⁰. На открытие школ и библиотек правительство отпускало мизерные суммы. Во многих селах библиотек или вовсе не было, или их открытие затягивалось на несколько лет. Например, Н.П.Рожественский говорил на заседании Чистопольского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности о том, что “читален и народных библиотек у нас нет и разрешение для открытия их ожидается годами”²¹. Цензура не допускала в народные библиотеки и читальни сочинения русских писателей Некрасова, Белинского, Гаршина, Успенского, Добролюбова, романы Джованьоли “Спартак”, Войнич “Овод”²². Круг художественной литературы для деревенских читателей был ограниченным. В деревню допускались только книги, написанные для детей. Но интерес крестьян к художественной литературе, преимущественно к классической, усиливался. Чтение книг отвлекало их от реальной действительности. “Я как лягу, об

Глава II.
Духовный облик крестьянства

чем думаю?.. Хорошо бы, всего лучше, чтобы я так быстро читал, как говорю... Господи, думаю, читал бы я тогда всю свою жизнь, и всю жизнь я свою забывал бы”²³.

Учителя пытались открывать в деревне воскресные школы. Как правило, к просветительским начинаниям интеллигенции администрация относилась с подозрением, а потому не поддерживала их. В с. Поречье Смоленской губернии власти отказывались открыть воскресную школу, мотивируя это тем, что “сама по себе эта идея прекрасна, но устроители школы люди не симпатичные (т.е. политически неблагонадежные – П.К.)”²⁴. В некоторых библиотеках, ставших центрами духовной жизни сел, полиция устраивала обыски. В 1907 г. полиция произвела обыск и изъяла более 200 книг из ставшей популярной среди крестьян библиотеки села Нововишневье Симбирской губ.²⁵.

Духовенство также считало вредными для крестьян проводимые интеллигенцией беседы и громкие читки. “Возмутительные доносы нашего духовенства, – говорил в Самарском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности В.В.Агапов, – заставляют покидать деревню лучших деятелей народной школы. Достаточно учителю взять какую-нибудь книгу, к примеру сказать Дарвина... как уже летит донос по начальству”²⁶.

В нижегородской деревне популярными стали громкие чтения классической литературы, которые нередко сопровождалась беседами о вреде пьянства, но и эта просветительская деятельность находилась под надзором полиции. “Народных учителей травит любой урядник, – писал В.И.Ленин, – любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства”²⁷. Зная это, крестьяне часто тайком собирались для бесед и чтения книг.

В начале XX в. усилилось проникновение в деревню марксистской литературы. Местные комитеты РСДРП(б) накануне и в период первой российской революции распространяли в сельской местности листовки и прокламации, которые способствовали активизации крестьянства, поднимая его на борьбу против самодержавия, помещиков и кулаков. Широкое распространение в деревне получила листовая литература, издаваемая социалистами-революционерами. Эти книги и листовки оставляли глубокий след в сознании крестьянства, особенно молодежи.

Просветительская деятельность представителей демократической интеллигенции среди крестьянства не была бесплодной. Накануне революции 1905-1907 гг. в России возросло число грамотных крестьян, усилилась их тяга к знаниям: чтению не только книг, но и газет, листовок. Этот интерес к событиям внутри страны и за ее пределами возрос в период русско-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

японской войны. Крестьянин дер. Говорково Московской губ. А.Ахов в своих воспоминаниях сообщает, что его брат Василий возил в 1904-1905 гг. из Москвы домой революционную литературу. Их семья выписывала газету "Русь". "В зимние вечера все это читалось в семье. В праздники приходили соседи и родственники. Иногда до полуночи продолжалось обсуждение прочитанного"²⁸. Другой очевидец событий Акныш – житель с.Милорадово Полтавской губ. – писал о коллективных чтениях газет в общественной чайной: "В зимние длинные вечера крестьяне, ежась от ужасов Мукдена, Цусимы, Порт-Артура, слушали "свежие" новости с Дальнего Востока, слушали, содрогались и проклинали войну и тех, кто ее затеял. А внутри, в мозгах, что-то шевелилось, что-то натягивалось"²⁹.

Развитие капитализма в городе и в деревне и остатки крепостничества, влиявшие на процесс классовой дифференциации крестьянства и рост его общеобразовательного и культурного уровня, обусловили появление в деревне нового социального типа – молодых грамотных крестьян, из которых стала формироваться деревенская интеллигенция. Крестьяне называли таких грамотных "умные люди". Им было присуще стремление не только найти истину в книгах и газетах, но и реализовать ее в конкретных делах: прежде всего, им был ненавистен реальный строй экономической и общественной жизни, а потому в их действиях было явственно желание к переустройству существующего порядка вещей. Именно среди этой части преобладали радикальные настроения, которые проявлялись в ходе классовой борьбы. Вот как описывает одного из представителей "умных людей" крестьянин с.Быково, Царевского у., Астраханской губ.: "С.Ф.Егоров – замечательная фигура пытливого, много читавшего, развитого мужика, усердного самоучки, жадного пожирателя скопленных в книжном богатстве знаний... Другая черта, характеризующая Егорова – это чувство крестьянского достоинства. Сознание приниженного положения крестьянства под постылой дворянской опекой еще сильнее разжигало ненависть Егорова к самодержавию и звало его на борьбу"³⁰. К числу "умных людей" относились, как правило, крестьяне-отходники, которые, "поварившись" в фабрично-заводском котле и получив опыт классовой борьбы, быстрее избавлялись от приниженности, робости, страха перед начальством и эксплуататорами. Путиловский рабочий А.М.Буйко, мальчиком принятый на завод, так описывал начало своей работы: "В самые первые годы я чувствовал себя одиноко, испытывая страх перед людьми. Сблизившись с товарищами, найдя общие интересы с коллективом, я ощутил твердую почву под ногами, возникла уверенность: "Я не один, нас много, мы все заодно!"³¹. Подобные суждения можно встретить и в воспоминаниях крестьянина д. Филимоново Дмитри-

Глава II.
Духовный облик крестьянства

евского у. Московской губ. И.Е.Князева. Он восьми лет пошел учиться в школу при имени графа Олсуфьева. “Учился хорошо и школьники дразнили меня умной башкой”. После окончания школы он три года “околачивался” за гроши на барском дворе, а затем сбылась его мечта, мать отвезла его в Москву, где он пытался устроиться учеником в разные мастерские. Случайно встретил старика-дворника, который послал его на пилочный завод “Пресс” у Даниловской заставы. Принять на работу согласились, но Князев увидел общую спальню на 50 учеников - “грязные нары, вывернутые, истлевшие рубахи, забитые лица” и решил вернуться в деревню. Затем он случайно увидел “яркие электрические фонари громадного здания, оказавшегося после чугуно-литейно-механическим заводом Бутырского товарищества “Соколов и К⁰”. “И я решил отказаться от мысли ехать в деревню, подошел к стоявшему у больших ворот сторожу-татарину и, несмотря на то, что до этого, по деревенским предрассудкам, не любил татар, пустился с ним в откровенные разговоры. Так хотелось мне остаться работать в таком огромном и светящемся по вечерам здании. Татарин вошел в мое положение и пустил меня переночевать в сторожку. И татары такие же люди, самостоятельно решил я до той поры неразрешенный в моей голове национальный вопрос”³². И.Е.Князев был принят на завод учеником. Годы заводской учебы на всю жизнь остались в памяти бывшего крестьянина. “Я чувствовал в себе новую, неизвестную до того силу. Я смотрел на своих товарищей, которые также на два дня оставались без пищи, и у которых также от работы перегорала рубаха, и это придавало мне бодрости. Подобных горемык на заводе было много, а в артели и голодать веселей”³³. После окончания заводской учебы И.Е.Князев “вскоре вступил в новую для меня “кипучую жизнь забастовок и безработицы”³⁴.

К числу “умных людей” относился крестьянин с.Старый Буян Самарского у. А.П.Антипов, который в молодости общался с народниками, встречался и беседовал с В.И.Лениным. Дома у него была художественная и историческая литература, которую он давал читать односельчанам. Вероятно, под впечатлением бесед с радикальной интеллигенцией А.П.Антипов от отрицания официальной религии “постепенно перешел к отрицанию царского самодержавия и даже к активной борьбе с ним”³⁵. Среди “умных людей” оказались и участники русско-японской войны. Так, депутатом II Государственной думы был крестьянин Орловской губ. М.А.Карпов. Он участвовал в обороне Порт-Артура, был ранен, награжден тремя георгиевскими крестами. После капитуляции Порт-Артура был взят в плен и находился в Японии вплоть до 10 декабря 1905 г. “Война открыла глаза на многое. В Японии он увидел и новые порядки, и новых людей”³⁶.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Возвращение отходников в родные места всегда вызывало живой интерес у крестьян: собирались родственники и соседи, слушали рассказы о жизни в городах, о стачках рабочих и выступлениях крестьян других губерний, обсуждали прочитанные газеты и листовки. Их рассказы воздействовали на сознание крестьян, в котором сохранялись весьма своеобразные, чаще всего искаженные, представления о стачках в городах и облике забастовщика, насаждавшиеся официальной пропагандой и попами. И.Е.Князев в своих воспоминаниях показывает характерные черты такого восприятия: "...забастовщика деревня представляла очень своеобразно. Во время свадеб, например, кто-либо из ряженных распевал самые охальные песни, а затем кувыркался и, делая необычные выкрутасы, вплоть до ударов кому-нибудь по шапке, уверял почтенных гостей, что он и есть тот самый настоящий забастовщик. Попы также обрисовывали забастовщика по-своему, а наиболее усердные, в подражание начальству, поговаривали нередко о том, что забастовщики хотят перевести всех в японскую веру, и что японцы-де поклоняются идолам и едят православных. Мне и тогда было ясно, к чему направлялись подобные речи"³⁷.

Крестьяне-отходники сыграли немалую роль в усилившемся в деревне процессе "брожения умов", так как именно они по возвращении из городов знакомили односельчан с событиями внутри страны. Для многих деревенских жителей, не покидавших родные места, они были своеобразным окном в большой мир. Отходники оказывали мощное воздействие на развитие массового аграрного движения, так как переносили пролетарские формы борьбы в деревню и закладывали новые нормы поведения и общения, которые коренным образом отличались от традиционных.

О появлении нового социального типа заговорили и публицисты: "Теперь не редкость, – писал С.Н.Прокопович, – встретить мужика, побывавшего и в Одессе, и на Кавказе, и на южных заводах. Это уже не серые рядовые крестьяне, не умеющие ни в чем разобраться. Эти люди вносят в деревню элемент сознания и организованности, и являются тем социальным грибком, который разлагает былые патриархальные отношения и мирозерцание деревни"³⁸. По мнению В.Г.Богораз-Тана, число таких крестьян было велико в окраинных земледельческих губерниях Европейской России: "Я видел, – писал он, – в каждом уезде сотни интеллигентных крестьян, свободно разбирающихся во всех необходимых терминах, оживленно рассуждавших о цензовом праве и о подаче голосов, о прогрессивной и реакционной партиях, о семи свободах и четырех избирательных членах"³⁹. В.И.Ленин в этой связи отмечал: "В русской деревне появился новый тип – сознательный молодой крестьянин. Он общался с "забастовщиками", он

Глава II.
Духовный облик крестьянства

читал газеты, он рассказывал крестьянам о событиях в городах, он разъяснял деревенским товарищам значение политических требований, он призывал их к борьбе против крупных землевладельцев – дворян, против попов и чиновников”⁴⁰.

Просветительскую роль играли и появившиеся в деревне театральные кружки, которые в период империализма “росли, как грибы, и появлялись в самых глухих уездных углах”⁴¹. Они создавались по инициативе деревенской интеллигенции, которая несмотря на отсутствие опыта, средств, пренебрежение со стороны властей, сумела своими спектаклями заинтересовать деревенскую молодежь и привлечь “местные деревенские силы для выполнения некоторых подходящих ролей”⁴². Участие сельской молодежи в постановке спектаклей расширяло объем знаний, полученных в школе, их кругозор, способствовало преодолению суеверий и предрассудков. Деревенский театр был для них как бы продолжением их учебы в школе. “Выбор пьесы, толки об этом, считка, выяснение характеров действующих лиц, участие в обсуждении всего этого на равных правах с людьми высшего познания и развития – разве это не новая полоса в жизни деревенской молодежи”⁴³.

Не только учителя, но и другие представители демократической интеллигенции (врачи, агрономы и ветеринары) выступали с лекциями и беседами, организовывали краткосрочные курсы для сельского населения. Агрономы занимались демонстрацией усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин, распространяли научно-популярную литературу. В условиях острого малоземелья, отсутствия денежных средств беднота не могла воспользоваться советами агрономов и врачей. К тому же многие книги по сельскому хозяйству и “гигиене бедных людей” были написаны для крестьян вообще. Поэтому крестьяне отрицательно оценивали такого рода литературу. О книжке “Как пахать и боронить” они говорили: “Это мы и без книжки сумели – было бы что пахать”⁴⁴. О малопонятных книгах деревенские читатели давали такие характерные отзывы: “Такая-то книжка из разных слов составлена”, далее “в памяти не стоит”, или “читаешь ее – она еще ничего, а прочел 5-6 страниц – про все забыл”⁴⁵. Особую скуку вызывало у крестьян чтение религиозных книг: “Читая жития святых, читатели и слушатели очень утомляются, особенно из молодых”⁴⁶.

Отношение к образованию в крестьянской среде было двойственным. С одной стороны часть крестьян понимала целесообразность получения знания. И хотя грамотный крестьянин, с точки зрения окружающих, плохо вел свое хозяйство, односельчане все-же признавали за ним некое превосходство над остальными. В своих очерках “В голодный год” В.Г.Короленко рас-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

сказал о молодом крестьянине, которому жители его села дали кличку “студент”. Односельцы, как видно, смотрят на него слегка насмешливо, отмечал писатель. “И, однако, лишь только встретилось новое дело, – небывалый еще в селе пример бесплатного кормления, – мысли их тотчас же обратились к “студенту”. Чего лучше: и список прочтет, и продукт запишет, и хлеб развесит, и порядок заведет”. Кузьма Красов, герой повести И.А.Бунина “Деревня”, всю жизнь мечтал о том, чтобы “изобразить свою нищету и тот страшный в своей обыденности быт, что калечил его, делал “бесплодной смоковницей”.

И все же многие крестьяне, особенно беднота и середняки, очень остро ощущали свою социальную неполноценность, ущербность и приниженность. “Эх, да и кому нас любить, больно наружу мы неприглядны. Господ от пищи отбивает мужиковская осанка. Кто и взглянет, а кто и глядит, так не видит”⁴⁷. Иногда предпринимались попытки преодолеть это чувство. В этой связи выдвигался тезис о бессмысленности “учености”, об ученых бездельниках, которые не умеют работать и дельного ничего не знают. Отношение крестьян к культуре было двойственным: она и символ социального престижа, и совершенно бесполезна лично для крестьянина. “Ведь учиться денег стоит, а чего выучивают... не то чтобы работу какую настоящую справить, ноги-руки утрудить, для ради отдыха утомиться, и так сапоги сами по себе одеть не в силах, и постелю им готовят”⁴⁸. Разоренная, подавленная нуждой крестьянская масса рассуждала по принципу: нет и не надо, не очень-то и нужно. Такие воззрения были характерны для крестьян, проживавших в зоне “прусского” типа аграрного капитализма, где забитость и нищета проявлялись ярче (даже внешний их облик был иным, чем например, в южных уездах Саратовской или Самарской губ.), так как среди бедноты преобладали пауперы – крестьяне-”лежебоки”, так как “подавляющее большинство хозяйничает по рутине, по традиции, применительно к условиям патриархальным, а не капиталистическим”⁴⁹. Пульс хозяйственной инициативы здесь едва прощупывался, а в сознании крестьян сохранялись иллюзорные надежды на помощь со стороны государства или барина.

Отношение крестьян к “ученым”, интеллигенции также было очень конкретно, персонифицировано. Случалось, что крестьяне оказывали сопротивление полиции и властям при аресте учителей. Пристав I-го стана Череповецкого у., Новгородской губ. получил приказ произвести обыск и арест учителя школы Успенской слободы Воробьева. 18 сентября 1905 г. он с четырнадцатью стражниками отправился выполнять этот приказ. “Не пройдя со стражниками и трети пути деревни, как в конце деревни раздался на часовне звон тревоги, созывающий народ... Поэтому звону отовсюду стал бе-

Глава II.
Духовный облик крестьянства

жать на нас народ, как, например, мужчины, женщины с грудными ребятами, подростки, имея в руках багры, топоры, колья, вилы, причем ругали нас, кидали камнями в нас, угрожая убить”⁵⁰, – доносил пристав вышестоящему начальству.

Иногда крестьянам удавалось освобождать арестованных учителей. Так, толпа крестьян Борисовской, Тимошенской, Волково-Архангельской волостей Новгородской губ. 25 сентября 1905 г. освободила из-под ареста учителей Саватиева и Журавлева, которые помогали им составлять петицию на имя Николая II⁵¹. По приговору крестьян Первитинской волости была освобождена из-под ареста учительница В.С.Иванова, на квартире которой, как писал черносотенный адвокат в газете “Русское знамя”, собирались “товарищи”, молодые люди, бывшие ученики Веры Ивановой и Дарьи Константиновой. Многие из них сидели впоследствии в тюрьме за хранение оружия и за другие политические художества”⁵². Высокий авторитет был и у учителей с. Царевщина, Самарского у., Самарской губ. братьев писателя Скитальца Валерьяна и Гавриила Петровых. “К ним стали все чаще ходить за книгами, приходили и просто посидеть, побеседовать... Петровы сначала создали хор, разучивший, кроме церковных, и народные песни”⁵³. Осенью 1901 г. в селе была открыта воскресная школа для взрослых. В лекциях по физике В.Петров “постепенно отнимал у увлеченных слушателей веру в бога и все измышления попов, объясняя происхождение жизни на земле, строение материи и т.п.” Г.Попов проводил беседы по истории: “развивал в слушателях недоверие к существующему порядку, показывая, кто выигрывает при царском строе, кому на пользу шли все завоевания”⁵⁴.

Нередко крестьяне относились к интеллигенции настороженно и с недоверием. В статье Ц.Бобровской приводился курьезный случай, который произошел с одним из пропагандистов Тверского комитета РСДРП. “Отправили мы в деревню одного из лучших пропагандистов – интеллигента – для занятий с кружком, – рассказывала она В.И.Ленину. – Назавтра он возвращается с закрытым письмом на имя комитета, а в письме говорится, чтобы больше мы к ним этого барина не направляли – не внушает доверия, “барин он”. “Барство его заключалось в том, что переночевав в крестьянской избе, наш пропагандист, умываясь, вынул из кармана не только мыло, но и щетку, которой стал тереть зубы, – так мол умываются господа”⁵⁵.

Настороженность у крестьян вызывала и городская одежда агитаторов. В воспоминаниях Г.П.Солдатова приведен такой характерный пример: “В первых числах января из Баку в Царевщину был выслан рабочий М.Досов, по происхождению царевщинский крестьянин. Досов был с.-д. Он нашел скоро товарищей из молодых парней и учеников ремесленной школы, при-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

езжавших на лето домой. Досов пытался организовать молодежь, ходил по селам, иногда раскидывал прокламации, но молодость и городской костюм выдавали новых работников...⁵⁶.

Очень часто агитация интеллигентов среди крестьян не давала должного эффекта из-за обилия в речи политической терминологии. Иначе воспринимались выступления “умных людей” из числа односельчан. В с. Царевщине особой популярностью пользовался Л.Н.Щибраев. “Масса была в восторге, видя перед собой не городского интеллигента, речь которого трудно понять, а своего крестьянина-самородка”⁵⁷. Как видим, разброс оценочных суждений очень велик – от полного неприятия до уважения и преклонения: “Замечательный он человек был. Боязно его было, и совестно его было, и не понять, что в нем за сила такая была. Хилый да слабый, на глазах очки, с клюкой всегда. А душа светлая, жалостливая, и большую силу та душа брала”⁵⁸.

Зажиточные крестьяне, расширяя посевы торговых зерновых культур, чаще использовали в своих хозяйствах новейшие агроприемы и сельскохозяйственные машины. Земский агроном Вятской губ. отмечал, что при “столкновениях с крестьянами мне постоянно бросалось в глаза, что в тех деревнях или селах, где были грамотные и читающие “Сельский вестник”, крестьяне скорее понимали меня и я достигал желаемого”⁵⁹. Приниженность и придавленность консервировала в сознании крестьян принципы традиционализма. Они с недоверием относились к нововведениям, заявляя: “Мы люди темные, где уж нам, старики так делали”⁶⁰.

В целом политика царизма в области просвещения способствовала повышению грамотности, главным образом, зажиточной верхушки деревни. Основная же масса крестьянства по-прежнему оставалась безграмотной. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что темнота и забитость в ней причудливо переплетались с высокой многовековой культурой.

Глобальные идеи цивилизации были чужды русскому крестьянину. Его ум волновали простые и ясные вопросы (как получить хороший урожай, накормить семью). Навыки ведения хозяйства, принципы общения и социальной организации крестьянин познавал там, где родился, поэтому так важна была для него внешняя среда. Она формировала его мировоззрение и психологию, диктовала нормы поведения, закладывала основы жизненной ориентации.

Русского крестьянина окружал многообразный и многоцветный материальный мир. Он принимал самые разные формы, порой весьма причудливые. Созданный в результате хозяйственной деятельности человека, этот мир обуславливал его социальные навыки. Как правило, под материальным

Глава II.
Духовный облик крестьянства

миром или миром вещей понимается вся **совокупность предметов, необходимых для нормальной жизнедеятельности индивида и определяющих его жизненный стандарт.**

Для русского крестьянина начала XXв. все вещи имели собственное функциональное значение. Но центральное место в жизни крестьян имел дом – крестьянская изба. Ее размеры, добротность зависели от социального статуса хозяина. Как правило, площадь избы составляла 6-9 квадратных аршин, ее высота достигала 2,5 аршина. Она выполняла не только функцию жилища для крестьянской семьи, но нередко зимой становилась и помещением, где содержался скот.

Крестьянская изба часто топилась “по-черному”. “Когда мать, – вспоминал писатель И.Вольнов, – затапливала печь, мы садились на пол для того, чтобы дым не выедал глаз. Двери отворялись настежь, и дым серым коромыслом тянулся в сени, оттуда на потолок, пробиваясь сквозь трещины и прорехи в крыше”⁶¹. Вследствие этого часто вспыхивали пожары. По данным А.М.Анфимова, из 12,5 млн. хозяйств, насчитывавшихся к 1905 г. в Европейской России, за 15 лет сгорел каждый четвертый дом⁶². Вторая половина XIX и начало XX вв. были ознаменованы деятельностью земств по организации огнестойкого строительства. Разрабатывались проекты “на устройство... деревни с противопожарными мероприятиями”. Такой проект был принят, например, на сельском сходе деревни Подгорной Терновской волости Новоузенского уезда Самарской губернии.

Внутреннее убранство избы отличалось простотой и скромностью. В каждом доме имелся некий центр, средоточие, нечто главное по отношению ко всему жилому и хозяйственному комплексу. Первоначально им была русская печь. Затем средоточием духовных начал стала “божница” в углу над семейным столом, на котором всегда лежали обеденные хлеб-соль.”

В семьях исключительно бедных мебели практически не было.

Более крепкие семьи имели обеденный стол, целый набор лавок (передняя лавка, “конник”, “судник”, “задник”), сундуки для одежды, посуду (горшки, чугуны, ухваты, ложки, блюда).

В начале XXв. внутреннее убранство крестьянских жилищ меняется: в деревню проникают городские вкусы. “Почти каждый крестьянин, даже бедный, – писал местный учитель в этнографических очерках Мещерского края, – перед пасхой непременно пойдет в лавку, чтобы купить 2-3 куса дешевеньких обоев и несколько картин. Перед этим тщательно вымываются потолок и стены дома с мылом”⁶³.

Крестьянские постройки образовывали целый комплекс, куда помимо жилого дома входили и надворные постройки: овин, гумно, амбар. Иногда,

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

если поблизости не было реки, во дворе рыли колодец. Состав этого комплекса всегда оставался неизменным, что обусловило его устойчивость в крестьянском сознании. Он был замкнутым, ощущение завершенности ему придавала изгородь (тын, частокол, забор).

Гумно и овин связывались в единое целое - цикл полевых работ. Гумно предназначалось для обработки снопов, а овин - для их хранения. Амбар имелся не у всех, но каждый стремился его срубить. В амбаре хранились хлеб, лен, кожи (сырые и выделанные), зимой туда помещали мясные туши и мороженную рыбу - покупную и самоловную. В некоторых амбарах лежали холсты, висела одежда. Зерно засыпали в сусеки, льносемя хранили в мешках и в деревянной посуде.

Обойтись без орудий труда – инструментов и инвентаря, необходимого для проведения сельскохозяйственных работ, - крестьянский двор не мог. В принципе, он оставался неизменным, однако со второй половины XIX в. в техническом оснащении крестьянского хозяйства стали появляться и нововведения. Каждое уважающее себя хозяйство должно было иметь телегу, сани, сбрую, дугу для лошади, цепы, косы, домашнюю утварь: кадушки, чугуны, ведра, горшки, ухваты, валец, сечку для капусты, сковороды, сито, решета, прялку, ткацкий стан.

Конечно, новое приживалось в деревне с трудом. И дело здесь не в консерватизме крестьян, а скорее в том, что климатические и почвенные условия вынудили крестьян не рисковать. В то же время А.Н.Энгельгардт отмечал, что крестьяне способны многое перенять, “если на деле увидят, что это хорошо или уверуют в кого-нибудь”⁶⁴.

Неприятие новаций носило скорее экологический характер, нежели представляло собой реакцию консервативного сознания на новшества. Например, в отношении железных плугов и борон можно было услышать следующее: “Железную борону лошадь не одолеет возить”.

О росте интереса крестьян к новым агрономическим приемам и орудиям труда свидетельствуют многочисленные сообщения из губерний. “Наблюдается весьма сильное стремление крестьян к улучшению обработки земли и ведению всего сельского хозяйства на более рациональных началах, – писал в своем отчете самарский губернатор В.В.Якунин. – Ясным доказательством этой жажды улучшения хозяйства служит поспешность приобретения населением усовершенствованных сельскохозяйственных орудий”⁶⁵.

Наибольшее количество новаций в техническом оснащении сельского хозяйства внедрялось в Заволжских степях, Новороссии, на Кубани. Главные производители пшеницы, хозяйства этих территорий, ориентированные на внешний рынок, уже в 1901 г. имели около 12 тыс. машин-двигателей

Глава II.
Духовный облик крестьянства

для сельского хозяйства, к 1904 г. их число увеличилось до 17,5 тыс. Вообще же производство земледельческих машин и орудий возросло в начале XX в. в России в 5-10 раз, общая стоимость их в 1900-1903 гг. составила 12 млн. рублей.

В начале XX в. крестьянство стало проявлять интерес к новым агрономическим приемам. Наряду с традиционным трехпольем некоторые помещики и крестьяне вводили многопольную систему земледелия, при которой наряду с зерновыми высевались травы и технические культуры – подсолнух, картофель, свекла и т.д. Особенно активно новые агроприемы внедрялись в период проведения столыпинской аграрной реформы, в связи с появлением новых земельных собственников из числа землеустроенных хозяев. К тому же в этот период активизировалась деятельность земств по организации опытных хозяйств, полей, созданию прокатных станций и семенных обозов.

Ни одно крестьянское хозяйство не могло обойтись без животных. Во-первых, это была тяговая сила; во-вторых, производитель пищевых продуктов; в-третьих, производитель весьма необходимых органических удобрений. Помимо лошадей и коров в крестьянском хозяйстве были овцы, свиньи, домашняя птица. Крестьяне особенно бережно относились к лошадям и коровам, видя в них и рабочую силу, и одно из ценных приобретений.

Крестьянское хозяйство, самодостаточное по своей природе, полностью обеспечивало крестьянские семьи всеми необходимыми предметами потребления. Почти вся бытовая утварь и одежда изготавливалась членами семьи собственноручно. Каждый русский крестьянин владел несколькими ремеслами.

Материалом для будничной крестьянской одежды (сарафанов, рубах, сермяг, зипунов) служил домотканый холст. Традиционной обувью были лапти. Крестьянская одежда всегда соответствовала сезону года, была удобной и не мешала в работе. В то же время в деревне стали распространяться и товары фабричного производства, в том числе одежда и обувь, которую покупали состоятельные крестьяне. В праздник крестьянин мог приобрести в одежду из фабричной ткани, сменить лапти на сапоги.

Пища в крестьянском доме отличалась простотой и неприязнательностью. Обычно крестьяне употребляли хлеб, квас, капусту, лук. Мясо в рационе появлялось на Покрова и в зависимости от достатка в престольные праздники. Хлебу на крестьянском столе отводилось особое почетное место. Может быть потому, что его часто хватало лишь до Покрова.

Покупка вещей и продуктов питания была существенно затруднена отсутствием в крестьянской семье наличных денег, так как многие крестьянские хозяйства имели дефицитный бюджет. По данным С.Н.Прокоповича,

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

на душу земледельческого населения в России приходилось перед революцией 1905-1907 годов дохода 33 руб. 60 коп., а расхода 48 руб. 84 коп. В Орловской губернии десятина крестьянской земли давала доход 7 руб. 28 коп.

Достаточно большим у крестьян был объем знаний о природе, жизни растений и хозяйственной деятельности. «И конечно же, – писал Василий Белов, – крестьянское хозяйство, многообразное в своей цельности и единое в своей многослойности, было живым организмом, весьма гармоничным в своем даже и не идеальном воплощении. Взаимосвязь всех элементов этого хозяйства была настолько прочна и необходима, что одно не могло существовать без другого, другое без третьего, одно без всего остального, а остальное – без этого одного. Коров, например, во многих местах держали не столько для молока, сколько для навоза, чтобы удобрять землю. Земля в свою очередь давала не только хлеб, но и корм скоту. Есть скот – есть еда и обувь, есть обувь, можно ехать в лес, чтобы рубить дом, в том числе и хлев для коровы: есть корова – будет молоко и навоз. Круг замкнут. Хозяйство все состояло из подобных бесчисленных взаимодействующих и взаимосвязанных кругов.

Такое положение требовало не пустого, механического, а творческого, вдумчивого отношения к работе и жизни. Весь цикл хлебопашского и животноводческого труда покоился на вековой традиции и неумолимости смены времен года. Но это вовсе не значит, что крестьянский труд не требовал к себе творческого отношения, что пахарю и пастуху не нужен талант, а вдохновение и радость созидания для крестьянина звуки пусты. Наоборот, вековая традиция только помогала человеку быстрее (обычно в течение детства и отрочества) освоить наиболее рациональные приемы тяжелого труда, высвобождала время и силы, расчищала путь к индивидуально-творческому вначале позыву, а затем и действию»⁶⁶.

Подобные суждения мы находим в публицистике Фатее Шипунова: «Самое интересное то, что этот социально-трудовой устой села происходил не столько сам из себя, сколько из другого устоя – хозяйственно-экологического. Каждое хозяйство двора было поистине организмом, состоящим из человеческой семьи, домашних животных, растений, в целом земли – кормилицы, и чем сложнее был этот организм, опирающийся на вековое крестьянское знание многих поколений, их хозяйственный экологический опыт, чем талантливее он был устроен, тем более продуктивно он действовал, тем больший был прирост в хозяйстве. Поэтому крестьянство – это одно из величайших искусств, которое было по плечу не каждому. Оно было по силам тому, кто рождался с молоком матери крестьянином,

Глава II.
Духовный облик крестьянства

кто затем жил и творил как знаток земли, который объективно проявлялся крестьянским умельцем. Тут великое крестьянское умение – рдение простекало от столь же великого знания – мудрости⁶⁷. И так, для русского крестьянства было характерно “сочетание, с одной стороны, осмотрительности и осторожности в использовании земли и других природных ресурсов, то есть определенного консерватизма, со сметливостью, способностью гибко, творчески подстраиваться в производстве к меняющимся условиям; с другой стороны, сочетание рачительности, заплывости, некоторой скупости в расходовании средств в предвидении трудной поры – недорода, с готовностью оказать помощь соседу; индивидуализма, выраженного стремления иметь “свое” хозяйство, “свой” производственный объект, “свою загонку, с готовностью к общинному артельному сотрудничеству”⁶⁸. Большие достижения имелись у русского крестьянства по передаче другим поколениям многовекового опыта хозяйственной деятельности: привития глубокой любви к земле-кормилице как к главному богатству семьи и сельского мира, сохранения семейных и “мирских” традиций. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что труд, земля, луга, леса, семья, сельская община являлись основными ценностными ориентирами для многих миллионов крестьян. Если же говорить о трудовых навыках, об отношении крестьян к собственному клочку земли, к дому, домашним животным, то здесь они по сути дела имели “высшее” образование. Их хозяйство было, как правило, безотходным.

Тем не менее, в деревне по-прежнему сохранялось большое количество предрассудков и суеверий. А.В.Чаянов отмечал, что “весь многовековой опыт крестьянской жизни носит характер житейских навыков, скованного, малоподвижного собрания разъединенных утверждений, лишено гибкости в использовании и совершенно не подчиненного логической систематизации”⁶⁹. Далее он указывает, что ему приходилось “слышать от кооперативных работников Волыни, что они в своей работе встречали селения, для жителей которых весь известный им мир ограничивался пятиверстным радиусом. В районах с промысловым отходом этот радиус значительно шире, но содержание крестьянского кругозора остается весьма скудным”⁷⁰. Представления крестьян о мироздании, тех или иных явлениях природы были весьма ограничены и не выходили за пределы образцов, заданных патриархальным укладом жизни. Известно, что мировоззрение крестьян складывалось под сильным влиянием церкви. Но религиозные представления уживались с языческими верованиями, предрассудками, обычаями и обрядами. Например, жители с. Ново-Животинного Воронежского у. при падежах скота “верили, что помор можно уничтожить, если скот прогнать через

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

огонь (смердный окур) в прорытых насквозь курганах. Если таким способом падеж не прекращался, то женщины, а особенно девушки с растрепанными волосами, в белых покрывалах обходили ночью все село с криками и шумом, с косами в руках, а мужчины тем временем опаживали село сохою⁷¹.

В Нижегородской губ., например, крестьяне “не верили, что земля шарообразна, а думают, что она плоскодонна, имеет середину (Иерусалим) и края, стоит на воде и держится на трех рыбах. Когда рыбы производят движение, тогда происходит землетрясение. Не верят также в обращение земли вокруг солнца, а существование антиподов почитают невозможным⁷². Вместе с тем, в сознании части крестьян была представлена наивная космогония в пределах здравого смысла: “Куда ночью солнце уходит, я не скажу. Чего не знаю, того не скажу. Только не верю я тому, что будто мы от солнца сами ночью отвергиваемся и что светит оно тогда другим каким местам. Не может быть того. Когда б и камни на земле говорить стали, и те бы солнца от себя не пускали. А уж тварь-то живущая без солнца и Бога не увидит⁷³”.

Многие крестьяне все несчастья, бедствия, неудачи связывали с провидением – божьей волей. Так, организованные в деревнях пожарные обозы в момент пожара всегда оказывались в неисправности в связи с бытовавшим мнением: “все равно сгорит, если на то воля божья⁷⁴”. В массовом сознании крестьян сохранилось стереотипное представление о том, что те или иные правительственные нововведения, даже направленные на повышение их жизненного уровня, излишни. Эти предрассудки подпитывались и тем, что все расходы на их реализацию возлагались на плечи крестьянского мира, приводя к росту различных налогов и сборов. Отсюда резко отрицательное отношение крестьян к организации врачебных пунктов и к проведению санитарных мероприятий во время различных эпидемий. Крестьяне с. Козловка Бобровского у. Воронежской губ. требовали закрыть пункт (открытый в связи с холерой), мотивируя это тем, что доктора их будут травить. “Не нужно нам ни больниц, – говорили они, – ни приехавших фельдшеров; жили без них и будем жить, пусть уезжают⁷⁵”. Когда же крестьяне осознавали необходимость и целесообразность получения медицинской помощи, то они, никогда не получавшие ничего даром, с большим трудом “усваивали тот факт, что какие-то люди пришли к ним на помощь и ничего за это, кроме опасности заразиться и умереть, не получают⁷⁶”.

Незнание законов природы порождало веру в леших, водяных, домовых, ведьм, и пр. В их сознании наблюдалось своеобразное переплетение суеверий с религиозным мировоззрением. Это связано с тем, что в религии кре-

Глава II.
Духовный облик крестьянства

стьян (особенно женщин) привлекала скорее не ее духовная сторона, так как многие крестьяне не понимали церковных догм, а внешняя – обряды, посты и праздники. Наряду с церковными (годовыми) днями, существовали праздники, возникновение которых связано с дохристианской – языческой эпохой (коляда, масленица, Троицын день, Иван Купала, Петров день, моления о дожде, о сохранении скотины от волков, об отвращении от грозы и пр.). Писатель Владимир Личутин зафиксировал сохранение этих представлений в сознании крестьян русского Севера вплоть до 40-х гг. XX в. «Не смотря на почти поголовную грамотность, Зимний берег – моя отчина, обитель, родина до сороковых годов – не жила без колдунов, в каждой деревне, почитай, мирил и ссорил, заводил козни и суд свой ведун, без него, без вежливого, на свадебных коней не саживались и застоля не правили, чтобы сберечь молодых от сглаза от порухи»⁷⁷. Широко распространена была вера в знахарей и бабок, которые лечили крестьян травами и настояями, спрыскивали с уголька, заговаривали сибирскую язву, рожу, зубную боль, отчитывали порчу. В крестьянском сознании продолжала сохраняться вера в магическую силу слова. «Оно защищало не от одной только зубной боли, – пишет В.И.Белов, – но и от “стрелы летучия, от железа кованого и некованого, и от синего булату, и от красного и белого, и стрелы каленная, и от красной меди, и от проволоки, и от всякого зверя и костей его, и от всякого древа, от древ русских и заморских, и от всякой птицы перья, в лесе и в поле, и от всякого роду человеческого, русского и татарского, и черемисского, и литовского, и немецкого, и всех нечестивых еленских родов, и врагов, и супостатов»⁷⁸. Крестьяне верили также в колдунов, которые по их мнению могли навлечь на людей разные несчастья и болезни, присушить девушку к юноше и, наоборот, “испортить” кого-либо⁷⁹. Основная масса крестьянства стремилась сохранить старый привычный уклад жизни.

В сознании большинства крестьян по-прежнему продолжали сохраняться царистские иллюзии, которые искусственно поддерживались и пропагандировались самодержавием и православной церковью. Крестьяне наивно верили в легенду о царе-избавителе и считали, что царь их союзник и даже защитник от произвола помещиков⁸⁰. Социально-утопическая легенда, распространяемая среди народа, воссоздавала облик царя-батюшки, покровителя патриархального “мира”.

Конечно, в связи с обострением нужды и бедствий, усилением классовой борьбы в деревне происходили существенные сдвиги в сознании крестьян, но сохранение старых представлений, привычек, традиций сдерживало развитие революционной инициативы. В начале XX в. увеличилось количество судебных дел по обвинению крестьян в “заочном оскорблении государя

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

императора”, оскорблении и явном неуважении “к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности”. Отметим, что многие крестьяне отделяли представителей местных органов власти от самодержца-царя. У них выработалось убеждение, что действия чиновников противозаконны, направлены против интересов крестьянства, что они искажают волю царя-батюшки. Неслучайно появление пословиц, характеризующих деятельность чиновников: “Закон, что дышло, куда поворотил, туда и вышло”, “закон как колесо, в какую сторону хочешь, туда и вертишь”. По мнению многих крестьян, чиновники искажали волю царя, и, оскорбляя чиновника, они выступали против непосредственного источника бедствий, против нарушителя царской воли, а не ее выразителя. Поэтому накануне первой российской революции крестьяне по-прежнему мотивировали свои выступления против помещиков-дворян тем, что у них “царь” приказал отобрать землю⁸¹, как это было в Дмитриевском уезде Курской губернии.

В крестьянском сознании наблюдалось своеобразное переплетение старых и новых представлений. С развитием капитализма в сельском хозяйстве у крестьян сложилось убеждение в праве завещания надельной земли по наследству без согласия сельского схода, они требовали предоставления им гражданских и имущественных прав наравне с представителями других сословий. Крестьянин Н.М.Иванов, выступая на заседании Сарапульского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, заявил: “Мы, крестьяне, стеснены в своих правах и всегда находимся под опекой других”. Подобные суждения прозвучали и на заседаниях Ковровского комитета: “Теперь крестьянин опутан, как тенетами, всевозможными чисто сословными правилами и законами, а между тем в нем живет сознание, что он ничем не отличается от представителей прочих сословий, живущих на основании общих законов”⁸². В ряде выступлений содержалось требование отменить телесные наказания крестьян, как не соответствующие их нравственному и культурному уровню⁸³. Крестьяне испытывали глубокую неприязнь к дворянам, считая помещичью землю “ничьей”, “божьей”. Рознь порождала недоверчивость и озлобление деревенской бедноты против помещиков и сельских богачей.

В связи с ростом социальных конфликтов в деревне в начале XXв. возрастает число активных форм протеста. Часто накануне выступления крестьяне проводили сельские сходы, на которых обсуждались приговоры, обязывающие всех жителей села принимать участие в движении. М.Горький в романе “Жизнь Клима Самгина” приводит пример, когда один из жителей деревни Ермаков попытался уклониться от участия в выступлении крестьян. Тут же последовал возглас:

Глава II.
Духовный облик крестьянства

“ – Ирмаков! Братцы – Ирмаков отклоняется!

Через плетень на улицу перевалился человек в красной рубахе, без пояса, босой, в подсушенных до колен штанах; он забежал вперед толпы и, размахивая руками, страдальчески взвизгнул:

– Ежели Ирмаков, так и я отклоняюсь!

Печник наотмашь хлестнул его связкой веревок, человек отскочил, забежал во двор, и оттуда снова раздался его истерический крик:

– Отклоняюсь... Неправильно-о!

– Приведите Ермакова, – сказал печник так слышно, как будто он был где-то очень близко от Самгина⁸⁴. Жители деревни сорвали замок с двери магазина и самовольно взяли хлеб.

Сохраняли свое значение и индивидуальные формы протеста, выражавшиеся в стремлении развитой личности уйти от беспросветной крестьянской нужды.

Уже в конце XIX в. современники отмечали рост в “крестьянской среде сектантства и рационализма”⁸⁵. Эти явления усилились в начале XX в., что свидетельствовало об углублении кризиса православной церкви, падении ее авторитета среди крестьянства. Будучи крупным землевладельцем, церковь проповедовала смирение и терпение, но российская действительность, условия жизни крестьянина, полукрепостной гнет порождали “против его воли и помимо сознания – действительное озлобление против поборов (духовенства – П.К.) и готовность решительной борьбы с средневековым”⁸⁶.

Изолированное положение крестьян в деревне, разобщенность, тяжелый однообразный труд, приковывавший его к клочку земли, рутинное состояние техники способствовали тому, что в сознании крестьян сохранялись косность, безразличие, равнодушие. Русская деревня находилась как бы в спячке. “Где уж нам, – говорили крестьяне, – не до жиру, быть бы живу”⁸⁷.

Низкий уровень грамотности, однообразие жизненного уклада, слабое проникновение политических знаний порождали в сознании крестьянства черты патриархальности, доверчивости и терпеливости, простодушия и покорности, питая монархические иллюзии. Опора на “старину”, доверие “старине”, иногда слепое следование “старине” создавали феномен психологической устойчивости крестьянского мира, а само предпочтение “старинь” как образца для подражания вытекало из рутинного уклада жизни с его сезонной цикличностью, “круговоротом” дней и лет. Крестьянин осознавал, что бывшее вчера повторится завтра. Загнанный в рамки естественного течения хозяйственного цикла, ограниченный единичными формами практики, он стремился к неизблемости, повторяемости. Неразрешимость извечных проблем его жизни (земля и воля) выработывали потребность к поиску

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

выхода из-под гнета помещиков и кулаков, к борьбе с ними. Существовали традиционные формы крестьянского движения. Борьба оканчивалась неудачей. Слепое следование традиции, столь эффективное в быту, поворачивалось обратной стороной. Крестьянская мысль томилась в поисках выхода, но не находила его, стремилась к утопии, но достичь ее не могла. Так продолжалось до начала XX в., когда деревня с опаской и напряженностью услышала о стачках в городах, когда не “студенты”, вызывающие недоверие, а свой брат “трудящийся” все чаще и чаще поднимался на борьбу против угнетателей. Выход был найден, но понадобилось 17 лет борьбы и поражения для того, чтобы крестьяне смогли осознать, что только в совместной борьбе с пролетариями они смогут уничтожить самодержавную власть и избавиться от гнета помещиков и буржуазии.

Капиталистический уклад, проникая во все сферы крестьянской жизни, “разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу”⁸⁸. Усиливающийся процесс вовлечения крестьян в товарно-денежные отношения, развитие отходничества и промыслов способствовали укреплению связей деревни с городом, ломке и вытеснению патриархальной старины. Эти явления, так или иначе, расширяли кругозор крестьянина, рождая в его психологии новые черты, чувство личности, собственное достоинство.

Противоречивость социальной психологии крестьянства проявлялась в духовном его облике, так как в “живой жизни все свойства “крестьянина” как они не различны, как они не противоречивы, слиты в одно целое”⁸⁹. Наиболее ярко эти свойства обнаружились в ходе массового аграрного движения, когда часть крестьянства в 1905-1907 гг. поддержала борьбу российского пролетариата против самодержавия, городской и сельской буржуазии. Процесс пробуждения крестьянства и вовлечения его в революционную борьбу протекал неравномерно, но затронул все слои и категории деревни⁹⁰. Организатором выступлений крестьян против помещиков стала сельская поземельная община – ее демократическое большинство, выступавшее за решительную ломку поземельных отношений, перестройку правовых норм и всех основ государственной жизни России.

ГЛАВА III

ГОДЫ ВЕЛИКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ

*Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими выпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозь Артуром и Цусимой,
Грозь Девятым января...*

А.Блок

Раз поняв, что большинство испытываемых народом бедствий происходит от правительства, русский народ уже не мог перестать понимать причину испытываемых им бедствий и не желать освободиться от нее.

Л.Н.Толстой

Начало XX столетия – важная веха в истории русского крестьянства. По существу это был подготовительный период, когда революционная активность масс резко возросла, что являлось важнейшим показателем складывающейся революционной ситуации. Преобладающей в аграрном движении стала борьба крестьян за землю (74,2% от общего количества выступлений). Одновременно усилилось движение крестьян против административного аппарата (15,5%)¹. Рост социальных конфликтов в деревне совпал с подъемом революционного движения в промышленных центрах, с развертыванием более широкой пропаганды социал-демократов и других левых течений, распространением работы В.И.Ленина “К деревенской бедноте”, газеты “Искра”, листовок большевистских комитетов.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Наиболее ярко недовольство, осознание необходимости ведения решительной борьбы против самодержавия и помещиков проявилось в ходе восстаний крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях. Здесь в полной мере сказывались последствия развития аграрного капитализма “прусского” типа: с одной стороны сохранилось крупное дворянское землевладение и кабальные формы эксплуатации, а с другой – крестьяне остро ощущали малоземелье. Неурожай 1901 г., охвативший ряд губерний Европейской России, ухудшил социально-экономическое положение крестьянства. Неудовлетворительная хозяйственная конъюнктура, промышленный кризис привели к тому, что многие рабочие вынуждены были увольняться и уходить в деревню. Большая часть крестьянских семей голодала, не хватало фуража для скота. Правительственные учреждения не замечали голода, а если и оказывалась помощь голодающим, то она была мизерной. Помещики взвинчивали цены на сельскохозяйственные продукты. Все это не могло не сказаться на настроении крестьянства, в котором накануне восстания доминировали сознание безысходности, мрачная озлобленность, отчаяние. Поэтому уже в конце 1902 г. крестьяне стали жадно воспринимать известия, принесенные из городов отходниками: они читали и комментировали на свой лад содержание появившихся в деревне листовок. В Полтавской губернии распространением нелегальных изданий и агитацией занимались высланные из столиц студенты². Крестьяне по-разному мотивировали необходимость выступления против помещиков и царской администрации: “крайней необходимостью”, тем, что “есть нечего”, “дайте хлеба”, или “дети пухнут”, “наши отцы работали панам, работали и мы, а пропадем с голоду, никто нам не поможет”³. По мнению писателя В.Г.Короленко, который был посредником между крестьянами и адвокатами (защищавшими крестьян во время следствия и суда), доведенные до отчаяния крестьяне, старались хоть чем-нибудь “обратить внимание “благодетеля царя” на свое положение”⁴.

Вновь, как и прежде, на первый план выступила идея “слушного часа”. Поводом для выступления послужили слухи о появлении царского указа, который, якобы, предоставлял крестьянам “право” на изъятие у помещиков хлеба и кормов для скота. В деревне распространялись и другие слухи: царь уехал куда-то (“к теще”) и все оставил “управляющему” великому князю Михаилу Александровичу, который якобы стоит во главе крестьянского движения и руководит им. Крестьяне полагали, что он находится где-то среди них, “ходит в шинели, а под ней царские медали. От него идет сияние”. У него дело организовано, при нем “генералы”, а помогают “студенты”⁵. Конечно, трудно четко определить группы крестьян, в которых преобладали те или иные настроения. Крестьянское сознание в этот период еще

Глава III.
Годы великого пробуждения

не вышло за рамки традиционных представлений о добром монархе, в нем превалировало бессознательно-доверчивое отношение к царю, иллюзии, характерные для наивного монархизма.

На наш взгляд, появление, а затем и распространение слухов не является случайностью. Слухи об указе, “управляющем” и генералах как бы подвели правовую основу, придавали действиям крестьян “законный” характер, являлись актом “народной совести” и “осуществлением права”⁶. Восстания крестьян вспыхнули в марте-апреле 1902 г. Было разгромлено 56 экономий в Полтавской губ., 24 – в Харьковской. Тактика крестьян сводилась к тому, что они вначале пытались вести переговоры с помещиками, стремились убедить их добровольно отдать им зерно и фураж или ключи от амбаров. Просьбы сменялись угрозами. Затем в действиях крестьян наступила пауза. Как правило, помещики и местные чиновники пытались уговорить крестьян, но их действия не давали эффекта. Исключительно важное значение для крестьян имела сила примера, так как подъем и развитие крестьянской борьбы прямо и непосредственно зависели от ее заразительности. Очень часто крестьяне приступали к активным действиям лишь тогда, когда узнавали о разгроме соседних помещичьих экономий или когда во главе находился “бывалый” человек, ранее принимавший участие в крестьянском движении.

В восстаниях 1902 г. участвовали практически все жители сел и деревень: мужчины, женщины и дети. Иногда первыми выступали женщины-крестьянки, как это было в имении Трепке при с.Ковалевке Полтавского у. Управляющий имением Пастернацкий сообщал следственной комиссии: “...сначала явились бабы и занялись мелким хищением, а мужчины прятались, выглядывая по временам из-за изгородки и вошли в дело лишь тогда, когда убедились в безнаказанности баб”⁷. При нападениях на помещичьи усадьбы крестьяне, как правило, забирали хлеб и корм для скота, так как считали, что остальное брать “не по закону”. На начальном этапе в действиях крестьян прослеживалась нерешительность, робость и боязнь; не сразу решались сбивать замки, ждали “бывалого” человека, который ранее видел, как их сбивают. Увидев на дверях амбара одной из усадеб печати с государственным орлом, крестьяне решили хлеб не брать, так как “это “казенное” – брать нельзя”⁸. Довольно высокой была степень организованности и при распределении зерна. “Разбор совершался в замечательном порядке и чинился по самой строгой справедливости”⁹.

Видный историк-аграрник А.М.Анфимов, анализируя причины и ход восстаний 1902 г., выявил шесть характерных признаков, присущих этому движению: рост классового самосознания, умение видеть своих классовых

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

врагов, главным из которых был класс помещиков, стихийность восстания, с одной стороны, и первые проявления организованности с другой, выделение храбрых вожakov движения; массовость движения, вовлечение крестьян целых волостей, организация групп нападения, достигавших нескольких тысяч человек; рост недоверия и враждебности к царским властям (увещевания, во время восстания, как правило, не действовали); героизм многих участников восстания¹⁰. Эти признаки в той или иной степени проявлялись в выступлениях крестьян Воронежской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской и других великорусских губерний.

В начале 1902 г. аграрное движение в Воронежской губ. развивалось традиционно. Крестьяне Бобровского у. самовольно рубили помещичий лес, жители с. Курлак оказали сопротивление полиции. Но как только крестьяне узнали о событиях в Харьковской и Полтавской губ., их борьба против помещиков стала усиливаться. «Распространившиеся затем толки о беспорядках в Полтавской и Харьковской губерниях, – доносил в штаб Московского военного округа вице-губернатор А.А.Хвостов, – а также разосланные в апреле месяце в значительном числе на имя крестьян из Воронежа и других мест преступных прокламаций, в которых проведена та мысль, что помещики неправильно владеют землею, которая составляет достояние лишь тех, кто ее обрабатывает, усилили брожение».

В Поволжье уже в 1900-1901 гг. увеличилось число поджогов помещичьих усадеб. По данным министерства юстиции, в 1900 г. в Самарской губ. произошло 82 поджога, в Саратовской – 93, Симбирской – 57, Пензенской – 48, Казанской – 36. Все чаще крестьяне выдвигали требования о снижении арендной платы за землю, или вовсе отказывались платить ее. В неурожайный 1901 год применялась такая форма аграрного движения, как захват казенных и помещичьих складов с хлебом. В Казанской губ. в 1901-1903 гг. произошло более 15 выступлений. О размахе движения в Симбирской губ. свидетельствует тот факт, что только в 1902 г. окружной суд вынес приговоры 58 участникам выступлений. Крупные выступления крестьян против произвола местных органов власти и гнета помещиков состоялись в Пензенской губ. О борьбе крестьян с.Майдан Инсарского у. писала газета «Искра». В начале 1902 г. жители села отказались платить налоги, мотивируя свои действия бедственным положением. «Чтобы выплатить подати, – писала «Искра», – крестьянам приходится продавать последний хозяйственный скерб, сводить со двора последнюю овцу и корову»¹¹. В 1902-1903 гг. в Пензенской губ. увеличилось число поджогов имений. Губернатор сообщал в департамент полиции, что крестьяне приходили на пожары с песнями «и не скрывали своего удовольствия по поводу происшедшего несчастья и не

Глава III.
Годы великого пробуждения

только уклонялись от участия в тушении пожаров, но иногда явно противодействовали таковому”¹².

Заметно усилилось крестьянское движение в саратовской деревне. Здесь, как и в других губерниях Поволжья, распространялись листовки и прокламации комитета РСДРП и нелегальная литература. Увеличилось число выступлений крестьян в Самарском, Ставропольском, Бугульминском уездах – в районах преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции, там где противоречия между крестьянством и помещиками обострились до предела. Активизировалась борьба крестьян и в районе торгового зернового земледелия, например, в Николаевском у.¹³

Весной 1902 г. в Балашовском, Сердобском и Аткарском уездах Саратовской губ. вспыхнули крупные выступления крестьян против помещиков. Так же, как и в Самарской губ., здесь борьба разгоралась интенсивнее в тех уездах, где сохраняли свои позиции дворяне-помещики. Так, в Балашовском у. в течение 1903г. было совершено 75 поджогов на “аграрной почве”, в Сердобском у. 30 поджогов помещичьего имущества¹⁴. Саратовский губернатор П.А.Столыпин вынужден был признать в отчете Николаю II, что причинами крестьянских волнений являются малоземелье и тяжелое экономическое положение большинства крестьянства: “все крестьянские беспорядки, агитация среди крестьян и самовольные захваты, – писал П.А.Столыпин, – возможны только на почве земельного неустройства и крайнего обеднения сельского люда. Грубое насилие наблюдается там, где крестьянин не может выбиться из нищеты. Там он обозлен и верит всякой пропаганде, а отчасти полагает, что насилием заставит власть имущих обратить внимание на свою обездоленность”¹⁵. В 1904 г. крестьянскими волнениями были охвачены все уезды Саратовской губ. Крестьяне громили помещичьи имения, захватывали их хлебные амбары, в ряде сел произошли вооруженные столкновения с полицией и войсками¹⁶. В некоторых экономиях крестьяне применяли пролетарские методы борьбы. Особенно этот вид борьбы характерен для степной полосы Европейской России, где был реально представлен “американский” путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Острое недовольство крестьян стало проявляться как в ходе социальных конфликтов, так и в отношении крестьян к царю, представителям административного аппарата власти, к русско-японской войне. Так, в Нижегородской губ. в 1903-1904 гг. за оскорбление царя были привлечены к судебной ответственности 22 крестьянина. Крестьяне Саратовской губ. нередко укрывались от призыва в армию, не желая идти служить царю. “Наш царь правитель – крестьянский грабитель, – говорилось в народной песне, которую можно было услышать тогда среди крестьян”¹⁷. Показательно, что ан-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

тимонархические и антипомещичьи настроения сливаются в одно целое. В январе 1904 г. крестьянин с.Гремячева Ардатовского у. говорил односельчанам, что “бог уродил землю для всех, а император ею один пользуется, а с них, мужиков, последнюю одежду раздевают – безобразничают”¹⁸.

Рост антимонархических, антипомещичьих настроений был связан также с падением престижа православной церкви и распространением свободомыслия среди крестьянства. Но отход крестьян от церкви совершался медленно и незаметно. Церковные власти, создавая видимость благополучия, очень часто в отчетах отмечали, что “благочестие паствы” не внушает опасений¹⁹. Так считал, в частности, орловский епископ Кирион, в чьей епархии менее чем через год развернулось мощное аграрное движение²⁰. Накануне 1905 г. антиклерикальное движение шло, как правило, в рамках борьбы крестьян против самодержавного правительства и помещиков, выливаясь в активные формы протеста. Например, один из участников крестьянского движения, житель д.Гламаздино Дмитриевского у. Курской губ. “бил палкой об иконы, заявляя, что это главные “супостаты” крестьян”²¹.

Особое недовольство крестьян вызвала дальневосточная авантюра царизма – русско-японская война. Причем среди них стали преобладать такие суждения: “Дурак наш государь: из-за какой-то полоски земли волнует всю Россию и завел войну, – говорил крестьянин с.Крутец Княгининского у. В.С.Матвеев. – Меня вот возьмут, что должна делать жена с тремя детьми и кто их будет кормить”²². Антиправительственные высказывания против царя, чиновников и духовенства деформировали обыденное сознание крестьян; традиционалистические воззрения крестьян о добром монархе выветривались, что в конечном счете способствовало формированию в их сознании новых представлений.

Русско-японская война обострила до предела все противоречия, вызвала гнев и возмущение народных масс, усилила внутреннее брожение и недовольство. Накануне революции 1905-1907 гг. в сознании крестьян стали превалировать революционные настроения. Своеобразной почвой, подпитывающей их, являлись слухи, распространяемые отходниками, которые возвращались в деревню из промышленных центров, сообщения в периодической печати об усиливающейся стачечной борьбе рабочих в городах и выступлениях против помещиков в сельской местности, листовки, прокламации и нелегальная литература, более активно проникающие в крестьянскую среду накануне революции. Все это не могло не сказаться на “брожении” умов, на росте недовольства масс. В то же время в сознании крестьян возникали смутные надежды на то, что уже в 1905 году земля у помещиков будет отобрана и передана в их распоряжение. Изменения в настроениях

Глава III.
Годы великого пробуждения

русского крестьянства были зафиксированы во многих отчетах, донесениях и сообщениях губернаторов, уездных исправников и земских начальников. Причем, как и прежде, слухи принимали традиционную форму: “Царь приказал отобрать землю у помещиков”²³ – как это было в декабре 1904 г. в Дмитриевском у. Курской губ. Но были случаи, когда отходники на сходках или митингах открыто обращались к крестьянам с тем, чтобы “разделить помещичью землю”. С таким призывом выступили Т.Захаренков и А.Игнатенков 26 февраля 1905 г. в деревне Запрудье Смоленского у.²⁴

Характерной особенностью массового аграрного движения, развернувшегося в 1905-1907 гг., является то, что в нем нашли отражение противоречивые свойства социальной психологии русского крестьянства. В их сознании ненависть к помещикам сочеталась с наивной верой в царя, а возрасшее озлобление против Николая II – с ожиданием от него же реформ, в ходе которых, по мнению крестьян, земля должна перейти в руки тех, кто ее обрабатывает.

События 9 января 1905г. стали началом глубокого перелома в отношении массы крестьян к монарху, углубили сдвиги в их сознании. Вполне очевидно, что эти “изменения коллективных настроений произошли в форме взрыва”²⁵. Кровавое воскресенье ускорило агонию “искренней крестьянской веры в царя-батюшку”²⁶. Выветривание наивных иллюзий сопровождалось усилением революционной энергии крестьянства, которое стало осознавать необходимость вооруженной борьбы против самодержавия. Но на начальной стадии революции в крестьянском сознании продолжали преобладать консервативные черты, так как ломка традиционных стереотипов поведения проходила крайне медленно. Консерватизм нашел выражение в пассивном ожидании крестьянами земли и воли, надеявшимися на то, что и без их активного участия произойдут перемены, которые улучшат положение дел.

Интересные наблюдения о настроениях крестьян в первые месяцы революции содержатся в воспоминаниях А.Ахова. С развитием новых, капиталистических по своему характеру, производственных отношений возрастал интерес крестьян к чтению книг и газет, как к источникам информации. При обсуждении новостей, почерпнутых из периодики и литературы, крестьяне соглашались с тем, что их обдирают, обманывают и держат в нищете. Как правило, спор разгорался вокруг царя и попа.

“ – Зачем бога и царя трогать? Тут царь не причем. Захотел царь-освободитель народу волю дать, а его взяли дворяне-помещики да и убили, – говорит один крестьянин.

– Что царь, что бог – все равно: царь на земле, а бог на небе, – добавляет моя мать.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

– Надо царю прошение написать.

– Что же вы забыли про то, что я вам читал месяц тому назад: рабочие пошли к царю, да не одни, а с попами и иконами, а царь их пушками встретил, – пришлось заметить мне. Дело было в январе, у всех на памяти кровавое воскресенье. Все молчат. Наконец один из сообразительных заявил безапелляционно: – Царь знал, что студенты хотят его убить, ну и думал, что как только он выйдет, сейчас его и “тюк”²⁷.

Многие исследователи аграрного движения в период революции 1905-1907 гг. фиксируют рост политических настроений в деревне. Известно, что Б.Д.Парыгин выделил такие формы проявления политических настроений: активная защита; пассивная защита, нейтралитет; глухое недовольство, ропот; открытое недовольство, противодействие: а) тайное, б) с оружием в руках. Конечно, в период революционного вихря классовая борьба в деревне довольно быстро перешагнула от низших форм и стадий движения к высшим, а политические настроения крестьянства развивались по восходящей линии. В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением Д.В.Ольшанского о том, что в период капитализма в России воспроизводились старые, крепостнические способы протеста против угнетения. “Не сравнительно демократические, хронологические и политические методы борьбы за свои права, а “черные бунты” огромной разрушительной силы (“красный петух”), насилием и смертями “кровососов” и “мироедов” стали первыми формами антикапиталистической борьбы трудящихся в России”²⁸. Поэтому, автор считает, что для русского народа (в том числе крестьянства) была характерна философия взбунтовавшегося “винтика”, что он не был способен на революционное творчество. Конечно, ареал патриархальной психологии на начальной стадии революции был еще достаточно широким.

Но революционный вихрь, втягивая в орбиту своего воздействия все новые и новые слои крестьянства, ускорял процесс политического просвещения деревенских тружеников. И в этой связи количественные и качественные изменения происходили как в формах, так и в самом содержании аграрного движения. В советской исторической литературе отмечается, что массовое аграрное движение началось позднее рабочего. Но оно развивалось более динамично, чем в предреволюционный период, и с каждым месяцем приобретало наступательный характер. По данным С.М.Дубровского и С.М.Тропина, в январе 1905 г. произошло 17 выступлений, в феврале – 109, марте – 103, в апреле – 144, в мае – 299, в июне – 492, в июле – 248, в августе – 155. Несмотря на то, что эти данные не являются полными, тем не менее они отражают размах и масштабы развертывающегося массового аграрного движения, на которое уже в меньшей степени

Глава III.
Годы великого пробуждения

влияла цикличность сельскохозяйственных работ. Советскими историками проделана большая работа по разработке методики подсчета крестьянских выступлений, но она еще далека до завершения. Тем не менее укажем, что уже в 1972 г. М.С.Симонова произвела подсчеты крестьянских выступлений, которые нашли отражение в публикациях документов и исследованиях, и пришла к выводу о том, что их число в 1905-1907 гг. составило 18 тысяч²⁹. Новейшие исследователи аграрных отношений в России В.Г.Тюкавкин и Э.М.Щагин приводят данные о 22126 выступлениях крестьян³⁰. По их мнению, в начале XX века в среднем в год происходило 241 волнение, а “в период революции – более 9000 – в 40 раз больше”³¹.

Русское крестьянство, имея громадный опыт борьбы против самодержавного правительства, помещиков и зажиточной верхушки деревни, наряду с традиционными использовало и новые формы и методы борьбы, включая вооруженное сопротивление властям и воинским командам, разгромы и уничтожение помещичьих экономий, сельскохозяйственные стачки, митинги и демонстрации, изгнание из местного административного аппарата мировых судей, волостных, сельских старшин, старост и писарей, провозглашение крестьянских республик, организацию крестьянских съездов и союзов, Советов, комитетов, братств и боевых дружин. В этих революционных действиях в полной мере проявилась правотворческая инициатива крестьянства. Исключительно важное значение для политического просвещения крестьянства имела выработка крестьянской программы в революции 1905-1907 гг., в которой нашли отражение их политические и социально-экономические требования, представлявшие в совокупности хотя и в расплывчатой форме концепцию революционно-демократического обновления России. И в этой связи особое значение приобретает изучение всего комплекса наказов и приговоров крестьян, а также деятельность трудовиков в I и II Государственных думах.

В целом крестьянское движение носило волнообразный характер. В ряде мест уже в первые месяцы революции произошли столкновения крестьян с полицией и войсками, вылившиеся в восстания. В конце лета и осенью 1905 г. число таких выступлений резко возросло, они переросли локальные рамки отдельных сел и деревень и уже охватили территорию нескольких волостей и групп уездов, по существу, представляли собой партизанское движение.

Если говорить о территориальных границах крестьянского движения, то массовый характер оно стало принимать уже на начальной стадии революции в губерниях Центрально-Черноземной полосы, в Поволжье, на юге Европейской России. В меньших масштабах оно охватывало Центрально-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Промышленный район. Здесь наибольший накал классовых конфликтов приходится на период высшего подъема революции.

Несколько иначе разворачивалось крестьянское движение в Курской и Орловской губ. Здесь оно началось в конце 1904 г., сразу же выливаясь в активные формы протеста. Поводом для выступления послужили распространявшиеся в деревне листовки и прокламации, в которых содержался призыв отбирать землю у помещиков и купцов, конфисковывать в экономиях запасы хлеба и овса с тем, чтобы землевладельцы не могли засеять поля и “заставить их волей-неволей уступить земли крестьянам”³⁵. Под влиянием этих листовок крестьяне сел Сальное, Холозовка и Доброе Поле назначали сборные пункты. “В назначенную ночь собирались все с факелами и трубили в рожки или били в набат, чтобы созвать народ. Экономии, предупрежденные заранее, почти везде отдавали продукты без сопротивления”³⁶.

В Бирючинском уезде Воронежской губернии поводом для выступления крестьян послужила статья, опубликованная в газете “Биржевые ведомости”, в которой описывались причины и ход крестьянского движения в Курской губ. Жгучий интерес у крестьян вызвала та часть статьи, в которой сообщалось, что “будто бы царь просит крестьян придти к нему на помощь и отобрать у помещиков землю”³⁷. Известно, что крестьяне Курской губ., узнав о приеме Николаем II так называемой “рабочей делегации”, расценили этот факт в том смысле, что “действительно сам царь не запрещает грабить господ”³⁸.

Возглавляли борьбу крестьян против самодержавия и помещиков крестьяне-отходники, прошедшие через горнило фабричной жизни, и в той или иной степени принимавшие участие в стачечной борьбе пролетариата. В Дмитриевском у. Курской губ. активным агитатором был крестьянин с. Ветви Оводов, который, вернувшись из Одессы на родину, по его выражению, “будил крестьян”³⁹. В ходе восстаний, вспыхнувших в Курской и Орловской губ., в полной мере проявилась тяга крестьян к организованности и сплоченности, они стремились выступать против помещиков всем миром, на основании приговоров сельских сходов. В то же время все чаще раздавались призывы к разгрому имений помещиков, правда эти призывы звучали на сельских сходах иногда от имени царя и царских генералов. На начальном этапе движения крестьяне старались проявить сдержанность и не выходить за рамки привычных норм поведения. Но под влиянием возбуждения и обостренных отношений с помещиками “страсти разгорались и тогда уже происходил разгром в самом полном смысле этого слова”⁴⁰. Так, только в феврале-марте 1905 г. крестьяне разгромили 29 имений в Севском, Дмитриевском и Трубчевском у.⁴¹ Февральско-мартовские события отчетливо вы-

Глава III.
Годы великого пробуждения

явили главную тенденцию – огромную ненависть крестьян к своим угнетателям, неукротимое стремление стереть с лица земли паразитическое помещичье землевладение”⁴².

Весной 1905 г. В.И. Ленин отмечал, что крестьянскому движению присуще в целом всеобщее, но туманное стремление к “земле и воле”⁴³. Дело в том, что в русской деревне в первые месяцы революции еще не была осознана в полной мере противоположность интересов с одной стороны крестьянства – монарха и дворян, а с другой стороны – демократического большинства деревни и зажиточного крестьянства. Процесс осознания себя как социально-психологической общности эксплуатируемых, противостоящей эксплуататорам помещикам и кулакам протекал в крестьянской среде значительно медленнее, чем в пролетарской.

Характерная особенность крестьянского движения – изживание бессознательно-доверчивого отношения к самодержцу. Уже к лету 1905 г. в крестьянских выступлениях изживается монархическая окраска, все реже крестьяне мотивируют их ссылками на Николая II. Освобождение от монархических иллюзий – важнейшее завоевание русского крестьянства, которое свидетельствовало о глубинных изменениях в сознании и настроении многомиллионных масс.

На психологию крестьян влияли, как известно, многие факторы, но определяющее значение имели условия жизни, полукрепостные формы эксплуатации, то, что раздробленная, “единичная мелкая эксплуатация приковывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности объединиться, поняв, что причина угнетения – не та или другая личность, – а вся хозяйственная система”⁴⁴. Это и объясняет тот факт, что в других великорусских губерниях крестьянское движение в январе – марте 1905 г. развивалось в традиционных формах и не переросло в восстания (преобладали поджоги, порубки леса, захват земли и т.д.). Но в ходе борьбы новое решительно пробивало дорогу. В заявлениях крестьян, подаваемых на имя губернаторов, в приговорах крестьян под флером покорности судьбе и начальству явно просматривается стремление перейти к решительным действиям. Крестьяне с.Беливцы Вяземского у. Смоленской губ. 15 апреля 1905 г. направили письмо губернатору, в котором наряду с проявлением покорности и смирения потребовали возвратить им 20 дес. спорной земли. Одновременно было заявлено, что если это требование не будет удовлетворено, то они поступят “по примеру курских и орловских крестьян”⁴⁵.

Как видим, ломка старых представлений в крестьянском сознании происходила медленно. С.Н. Прокопович в этой связи отмечал, что в некоторых местах традиции крепостного права оказались еще живучими: “В Козлов-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

ском у. во время забастовочного движения частновладельческие экономии были расписаны по селениям сообразно “старым межам”. В Саратовском у. бывшие крепостные добывали землю бывшего своего крепостного барина”⁴⁶. Подобные явления наблюдались и в Щигровском у. Курской губ. Жители села Успенского, так крестьяне соседней деревни решили разгромить имение помещика Емельянова. “Как? Что? – загалдели успенцы. – Да чтобы мы да кому-нибудь уступили свою землю, все имущество нашего барина?.. Да ни в жисть... Первым делом порешили разобрать стога сена, сложенные на зиму прямо на лугу... Всем миром приступили к разбору без всякого дележа. Кто сколько возьмет. Первое время брали, а сами как-то опасались”⁴⁷. Когда же прибыли урядник и пристав, их “прогнали с гиканьем и криком”⁴⁸.

Крестьяне мотивировали свою борьбу против помещиков тем, что “земли мало”, или “земля ничья, божья”. Широко распространенным было суждение: “земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает”. Исходя из этого в мотивации действий присутствует обоснование их причин. Крестьяне слободы Семеновка Павловского у. Воронежской губ. заявляли: “паны захватили всю землю и владеют ею”, а потому ее надо у них отобрать, так как “земля наша и лес наш”⁴⁹. В сознании крестьян сохранились воспоминания о том, как в 1861г. в пользование помещиков отводились лучшие земельные угодия, а крестьяне получали неудобья. Суждения о том, что помещики не имеют никакого морального права владеть землей, были основаны на резком несоответствии крестьянского труда и материальных затрат помещиков, особенно из числа дворян, среди которых преобладал тип лежебоки Обломова с ярко выраженными ростовщическими наклонностями. В этой связи крестьяне полагали, что помещики не имеют никаких прав на владение земельной собственностью. “Крестьянин находит, – писал С.Н.Прокопович, – что это право является источником всех его бед, – не будь его, он имел бы землю, а следовательно, и хлеб”⁵⁰. От констатации социальной несправедливости они переходили к активным революционным действиям. 13 марта 1905 г. крестьяне сел 1-го и 2-го Никольского Тамбовского у. пришли в имение Н.А.Ветчиной и потребовали отдать им 1000 дес. пахотной земли. Если же весной это требование не будет удовлетворено, то “они самовольно запашут землю и не будут допускать к работе в имении посторонних лиц”⁵¹.

Еще больше ненавидели крестьяне помещиков из числа купцов, мещан и крестьян – личных собственников, которые, покупая имения дворян, спешили возратить с лихвой затраченный капитал. Они или расширяли капиталистическую запашку, что вело к сокращению арендного земельного фонда, или сдавали купленную землю в аренду по высоким ценам. Нена-

Глава III.
Годы великого пробуждения

висть к “чумазым ленд-лордам” порождалась не только экономическими, но и чисто психологическими причинами. У большинства крестьян вызывали чувство протеста успехи тех, кто совсем недавно в социальном плане стоял с ними наравне. Так, по наблюдениям С.Н.Прокоповича, специальным предметом вражды крестьян являлись имения с интенсивным хозяйством, прекратившие сдачу земли в аренду⁵².

В борьбе против новых угнетателей в сознании крестьян продолжала сохраняться наивная вера в доброго чиновника со стороны: “вот придет барин, барин нас рассудит”. Так, крестьяне села Никольское Бобровского у. Воронежской губ. мотивировали самовольный покос лугов купцов Н.И.Шкарина, Е.А.Шкариной, В.Н.Колесникова, Н.И.Колесникова тем, что они отказались снизить арендную плату⁵³. Крестьяне наивно полагали, что об их действиях сообщат губернатору, который узнает об их тяжелом положении и защитит от эксплуататоров. Эти иллюзии на начальной стадии революции нашли отражение и в многочисленных жалобах и заявлениях крестьян. Крестьяне села Михайловки Мокшанского у. Пензенской губ., надеясь на помощь губернатора, жаловались на помещицу С.Н.Азаревич, которая “чересчур стесняет наше общество, приводит его ежегодно постепенно в сильный упадок и бедность”⁵⁴.

В апреле-августе 1905 г. аграрное движение все более и более приобретало наступательный и открытый характер. В нем стали доминировать активные формы борьбы: захват и запашка помещичьих земель, сельскохозяйственные стачки, разгромы имений, поджоги, открытые столкновения с полицией и войсками. Началось движение крестьян против уплаты повинностей и так называемые “рекрутские забастовки” и др. В борьбу включаются все сословные разряды крестьян, которые объективно выступали за решительную ломку сложившихся поземельных отношений, за уничтожение экономического господства дворянства. В выступлениях принимали участие все жители сел и деревень, включая женщин и детей. Очень часто волнения крестьян продолжались несколько дней. По данным В.М.Гохлернер, в северо-западных уездах Саратовской губ., где преобладал помещичье-буржуазный тип аграрной эволюции, выступления крестьян против помещиков повторялись неоднократно⁵⁵. Та же тенденция просматривалась во всех губерниях черноземной полосы Европейской России. В ходе аграрного движения менялись традиционные нормы общения и поведения крестьян как внутри социума, так и за его пределами – при столкновении с помещиками и представителями царской администрации. Революция на первый план выдвигала крестьян-отходников и молодежь, сознание которых менее всего было отягощено предрассудками. Под их непо-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

средственным воздействием рабское послушание и немота вынуждены были уступить место новым представлениям, и прежде всего осознанию себя как гражданина, как творца. В крестьянском сознании формируются убеждения о том, что все люди должны иметь равные права, возрастает чувство человеческого достоинства. В этой связи преодоление социально-политической немоты являлось одним из важнейших факторов в становлении нового типа личности русского крестьянина, в его духовном освобождении. Крестьяне деревни Юрцево Покровского у. Владимирской губ. в ответ на запрет земского начальника производить покосы лугов в имении помещика П.П.Соловьева заявили, что “теперь время не такое”, и они не боятся казаков. Крестьяне подчеркнули, что косить Соловьеву не дадут, позовут на помощь жителей соседних сел: “... пусть полиция не является, а то косою скосим голову”⁵⁶. Иногда эти угрозы давали желаемый эффект. Так управляющий имением княгини Щербаковой и имением княгини Мальцевой жаловался нижегородскому губернатору Л.Ф.Утербергу на крестьян Балахнинского у., которые заставили его выдать документ на право беспрепятственного пользования землями и лесами экономии⁵⁷. Крестьяне проявляли твердую волю и при грубом нажиме со стороны царской администрации. Саратовский губернатор П.А.Столыпин потребовал на сельском сходе села Урлейка Петровского у. составить приговор о ссылке активных участников аграрного движения. В ответ ему “общество основательно заметило, что у них голод, и что не могут собрать сумму, нужную на высылку семейных главных виновников”⁵⁸.

Как известно, на начальной стадии революции крестьяне выступали преимущественно с экономическими требованиями, суть которых сводилась к повышению заработной платы, снижению арендных цен, возвращению им спорных земельных владений. Весной и летом 1905 г. характер требований резко меняется. Например, 18 июня крестьяне села Нижний Кисляй Воронежской губ. нисколько не стеснялись присутствия прокурора и полиции, не просили, а требовали землю и в желаемом количестве⁵⁹. Все чаще крестьяне громили помещичьи имения, все чаще на сельских сходах звучали призывы к немедленной ликвидации помещичьего землевладения, а иногда и к физическому истреблению помещиков. 26 июня 1905 г. на сходе крестьян Иванинской волости Ельинского у. Смоленской губ. решался вопрос о прекращении работ в имениях помещиков. Созвавшие сход учитель И.Бондарев и столяр П.Власюков призывали крестьян “уничтожить всех помещиков и разграбить их имения и только тогда будет достигнута цель”⁶⁰.

Глава III.
Годы великого пробуждения

В крестьянском движении возрастает удельный вес пролетарских форм борьбы, что, по мнению исследователей, было одним из проявлений гегемонии пролетариата в революции⁶¹. Стачечное движение получило широкое распространение не только в районе торгового зернового земледелия (на юге Европейской России, Кубани и в Заволжье), но и в Центрально-Черноземной полосе, Прибалтике, Юго-Западном крае и на Украине. Как справедливо подчеркивает М.Н.Шумилов, вопрос о земле занимал важное место в движении сельскохозяйственных рабочих, а потому переплетение интересов местных крестьян и сельскохозяйственных рабочих “не ослабляло, а усиливало революционное движение”⁶². В зоне преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции наблюдались совместные действия пришлых сельскохозяйственных рабочих и крестьян, которые были заинтересованы в съеме всех служащих и рабочих в имениях, а также в увеличении зарплаты постоянным и поденным рабочим. Эти действия, по их мнению, должны были привести к тому, что “хозяйство не может выдержать такой платы, а потому помещики уйдут и земля останется крестьянам”⁶³. Участились случаи солидарности, когда в выступлениях принимали участие крестьяне нескольких сел, а иногда даже волостей или уездов. Так, крестьяне деревень Цщернье и Теремошка Сурожского у. Черниговской губ. давно враждовали с помещиком Лисовским из-за неразмеженной земли. К ним присоединились крестьяне с.Синий Колодезь. “Три деревни согласились поддерживать друг друга, не уступать помещикам”. На вопрос губернатора, как они смеют бунтовать, последовал ответ: “Мы не хотим делать никаких беспорядков, но только укажите нам нашу землю. Вся земля не размежена, и помещик где хочет, там и берет”. Когда губернатор пытался арестовать 8 крестьян, то поднялся шум, раздался набатный звон и послышались возгласы: “Бери же всех, коли наших взял! Сажай нас в тюрьму, а там студенты сидят, они нас научат, что делать”⁶⁴.

К осени 1905 г. поведение крестьян, пробудившихся от вековой спячки и втянутых революционным вихрем в бурный водоворот событий, приобретает новый характер. В крестьянских выступлениях преобладают новые тенденции. Во-первых, они протекают более скоротечно и бурно. Во-вторых, окончательно исчезает робость и нерешительность. В-третьих, в организации массового аграрного движения возрастает роль сельской поземельной общины, рабочих, отходников и представителей демократической интеллигенции. В-четвертых, усиливается тяга крестьян к организованным формам борьбы, к созданию крестьянских союзов, комитетов и других организаций. Все это не могло не сказаться как на характере, так и на масштабах крестьянского движения, которое охватило практически все уезды Ев-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

ропейской России, в нем явственно проступали политические черты. В целом в аграрном движении крестьянства преобладали выступления против непосредственного источника бедствий – помещиков и местных органов власти, т.е. доминировала первая социальная война, которая наибольших размахов достигла в Саратовской, Тамбовской, Самарской, Симбирской, Казанской, Уфимской, Рязанской, Пензенской, Тульской, Черниговской и Полтавской губерниях. Во многих официальных документах – донесениях губернаторов и исправников, жалобах и телеграммах помещиков зафиксированы новые нормы поведения крестьян. Пронский уездный исправник сообщал в ноябре 1905 г. рязанскому губернатору: “Крестьяне чувствуют себя господами положения, стали грубы, дерзки и своевольны и не редкость уже услышать от крестьянина должностному лицу, что “нынче все господа и все равны”... Безошибочно можно сказать, что нет в уезде селения, в котором бы крестьяне не намеревались вырубить помещичий лес или разгромить усадьбы, и в особенности в последнее время, когда в селениях начался наплыв мастеровых и другого рабочего люда из столиц, так как много фабрик и заводов закрыто”⁶⁵.

Итак, в губерниях черноземной полосы, в Центрально-промышленном районе, на Украине и в Белоруссии крестьяне приступили к разгрому помещичьих имений. Иной характер носила борьба крестьян в Прибалтике и в степных уездах Европейской России. Здесь преобладали пролетарские методы борьбы – сельскохозяйственные стачки.

Анализируя ход крестьянских выступлений в Макарьевском уезде Костромской губернии, заведующий политической частью департамента полиции П.И.Рачковский пришел к выводу о том, что “дерзость крестьян дошла до того, что авторитет всякой власти в их глазах исчез окончательно, и они перестали уже принимать какие бы то ни было вызовы к суду и повестки, продолжая свои самоуправства”⁶⁶. Крестьяне с Черкасской Судженского у. Курской губ. 27 июля 1905г. “открыто и дерзко” заявили уездному предводителю дворянства и исправнику, что пастьбу скота на полях помещика они не прекратят⁶⁷. Были случаи, когда крестьяне заставляли помещиков или управляющих имениями выдавать им документы на право пользования землей, лугами и лесом. Революционное творчество масс проявилось и в том, что крестьяне пытались отстранить скомпрометировавших себя волостных и сельских старшин, старост, писарей и мировых судей⁶⁸. Все явственнее проявлялось стремление крестьян к поиску новых организационных форм. Уже в мае-июне на волостном, уездном и губернском уровнях созывались крестьянские съезды, которые представляли демократические объединения масс. Такие съезды состоялись в Московской и Курской губерниях, в Сум-

Глава III.
Годы великого пробуждения

ском уезде Харьковской губернии⁶⁹. Меняется не только характер, но и содержание выступлений: отрабатывается и видоизменяется тактика крестьянской борьбы. Крестьяне, осуществляя решительный штурм “живых остатков” феодализма, пытались заставить владельцев отказаться от права собственности на землю. Одновременно предпринимались меры по защите наиболее радикальной части крестьянства от репрессий. Как правило, попытки властей арестовать руководителей крестьянского движения наталкивались на ожесточенное сопротивление сельского “мира” (социума), включая детей, женщин и мужчин⁷⁰. Черниговский губернатор, например, пытался арестовать крестьянских вожаков в с.Медведево Стародубского у. “Такое распоряжение вызвало волнение в толпе, которая, бросившись к арестованным, смешалась с ними”⁷¹, а затем почти все крестьяне, проявляя солидарность с арестованными, шли с ними более 20 верст. Итак, к осени 1905 г. крестьянство приобрело большой опыт классовой борьбы и выступало уже в новом качестве: развитие его революционных потенций, энергии и правотворчества вступило в новую фазу.

Рост самосознания русского крестьянства зависел как от его непосредственного участия в революции, так и от деятельности политических партий, течений и групп. С осени 1905 г. крестьянское движение стало носить ярко выраженную политическую окраску, на первый план выступили активные формы борьбы, основное содержание которых сводилось к тому, чтобы уничтожить помещичье землевладение и другие пережитки крепостничества.

Элементы сознательности и организованности вносились в крестьянскую среду пролетариатом и его авангардом – большевистской партией. Реализуя решения III съезда РСДРП, большевики активизировали агитационно-пропагандистскую работу в деревне.

По подсчетам Л.Т.Сенчаковой, организации социал-демократов находились в 551 населенном пункте: 79 - в губернских городах, 312 - в уездных, 160 - в сельской местности. “В целом же за годы революции, – пишет автор, – прошло не менее 222 (47 – в 1905г., 139 – в 1906г., 36 в первой половине 1907г.) областных, губернских, окружных, городских, районных и другого рода конференций и совещаний социал-демократических организаций, на которых поднимались вопросы крестьянского движения и организационной деятельности партии в деревне”⁷².

В 1905 г. усилилось влияние среди крестьянства Московского окружного комитета РСДРП, Ивановско-Вознесенского, Тверского комитетов. В Поволжье Саратовский комитет РСДРП установил связи с 50 деревнями и селами, Самарский – с 10, Казанский – с 40⁷³. При многих комитетах созда-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

вались аграрные группы, члены которых вели пропаганду и агитацию в сельской местности, выступали на сходах и собраниях, участвовали в организации митингов и демонстраций, распространяли листовки, прокламации, марксистскую литературу. Важную роль в развитии классовой борьбы в деревне сыграла конференция аграрных групп Урала и Поволжья, созванная в октябре 1905г. по инициативе Восточного бюро ЦК РСДРП. В ней приняли участие представители Нижегородской, Иваново-Вознесенской, Вятской, Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской, Борисоглебской, Саратовской, Астраханской большевистских организаций. На конференции были определены конкретные формы и методы деятельности партийных комитетов по организации агитационно-пропагандистской работы среди крестьян⁷⁴. И все-таки в 1905г. большевики не смогли из-за нехватки кадров агитаторов и отсутствия практического опыта работы в деревне охватить своим влиянием все крестьянство. Заметим, что социал-демократы при распространении нелегальной литературы, листовок и прокламаций, учитывали то почтение и благоговение, которое нередко испытывали крестьяне при виде любой официальной бумаги. Поэтому на многих книгах и листовках были оттиски печатей губернских комитетов РСДРП. Например, в деревне Каменки Порецкого у. Смоленской губ. у крестьянина А.Трофимова была изъята брошюра В.И.Ленина “К деревенской бедноте”, на которой был изображен оттиск печати “Смоленский комитет РСДРП”⁷⁵.

Проводниками революционных настроений в деревне стали рабочие, возвращающиеся из города в родные места. Член Нижегородского комитета РСДРП П.М.Лебедев-Керженцев высоко оценивал деятельность агитаторов рабочих, которые после объявления локаута владельцами Сормовского завода разошлись по деревням: “Городские пришельцы несут свои знания. Они щедро раздают их. Охотно делятся со всеми. Они дают работу мысли. Они будят ее. Они заставляют работать крестьянскую голову. Переоценивать сложившиеся традиционные взгляды”⁷⁶. В калужской деревне чтецами большевистских листовок и агитаторами были рабочие-калужане, проживавшие в столицах и крупных промышленных центрах и приехавшие в деревню на празднование пасхи⁷⁷. Кроме рабочих, в калужской деревне в качестве агитаторов – “сеятелей смуты” – выступали сельские учителя, которые читали крестьянам газеты и нередко участвовали в составлении приговоров сельских сходов и собраний⁷⁸. Вести о революционных событиях в городах несли в деревню крестьяне-отходники. Земский начальник Ряжского у. доносил рязанскому губернатору: “С прибытием крестьян с отхожих промыслов в селениях вдруг начинают откуда-то всплывать разного рода вздорные слухи о всеобщем переделе, который последует после войны, об

Глава III.
Годы великого пробуждения

установлении рублевой поденной платы сельским рабочим⁷⁹. В Рязанском у. активную роль среди крестьянства играли рабочие московских и коломенских фабрик, в Рязском у. – железнодорожные служащие, в Сапожковском – шахтеры⁸⁰. В Смоленскую губ. прокламации привозили отходники из Петербурга. Так, крестьяне И. и Я.Кулешовы, А.Карпов, Д.Дементьев распространяли их во время крестного хода вокруг церкви в с.Власово Юхновского уезда⁸¹. Весной 1905 г. Воронежский губернатор сообщал А.Г.Булыгину о том, что крестьяне “усердно читают прокламации и толкуют их содержание по-своему”⁸². Тверской губернатор также отмечал, что листовки и сообщения в газетах “действуют на сельское население возбуждительно”⁸³.

Отношение крестьян к агитаторам было различным. Они охотно слушали своих односельчан. Недоверие и настороженность возникали при появлении приезжих городских рабочих и интеллигентов. Большевик В.Войтинский вспоминал о своей работе среди новгородских крестьян: “В школу собралось человек 100 мужиков. В углу особняком держалась кучка мастеровых, одетых по городскому. Мы начали с вопроса о земле – и то, что мы говорили, по-видимому, понравилось мужикам. Постепенно враждебная настороженность, с которой они нас встретили, исчезла. Раздавались даже отдельные возгласы сочувствия. Затем мы говорили о Манифесте (17 октября – П.К.), о Государственной думе, об Учредительном собрании. Казалось, крестьяне слушают с возрастающим интересом”⁸⁴.

Приход отходников в родные места усиливал брожение в деревне. Крестьяне уже не таясь обсуждали те или иные события, под влиянием отходников у них исчезали робость и нерешительность, их действия принимали более организованный, наступательный характер. Как правило, накануне выступления крестьян социал-демократы распространяли листовки, вели доверительные беседы, затем выступали на сельских сходах или митингах, где вырабатывались требования крестьян. Сельский староста села Луховицы Зарайского у. Рязанской губ. Е.В.Креслин на следствии сообщил об агитационно-пропагандистской работе среди крестьян коломенского завода А.В.Минофьева, который “посещая коломенские митинги, переносил смуту и волнения в деревню; вел себя в селе возмутительно, пел революционные песни, собирал деньги на павших борцов за свободу, возмущал крестьян против законных властей”⁸⁵. Кроме А.В.Минофьева, в с.Луховицы пропагандой занимался социал-демократ И.Г.Корнеев. Под их влиянием осенью 1905 г. настроение крестьян заметно поднялось. Сельский сход принял ряд приговоров о передаче крестьянам земли, о неуплате земских и государственных повинностей за 1905 г. и о выдаче продовольственного капи-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

тала в распоряжении общества. Авторитет И.Г.Корнеева настолько возрос, что к нему за советом ходили крестьяне соседних деревень⁸⁶. По наблюдениям С.Н.Прокоповича, стачечная борьба пролетариата в октябре 1905г. оказала сильное воздействие на характер крестьянского движения. В Саратовской губ. крестьяне “толпами сходились к станциям железных дорог встречать делегатские поезда, подвозившие делегатов со всех линий Рязано-Уральской железной дороги к Саратову. Они расспрашивали делегатов о том, что происходит в городах, и расходились по домам, взволнованные их рассказами. Расходились и разносили идею всеобщей забастовки по своим селам”⁸⁷. 7 ноября 1905 г. Дмитровский уездный исправник сообщал Орловскому губернатору: “В уезде начинается сильное брожение крестьян, почти вся крестьянская молодежь возвратилась из южных губерний, где находилась на заработках. Идут усиленные толки о том, что можно и следует начать разгром экономий”⁸⁸.

О возрастающем влиянии пролетариата в деревне свидетельствуют новые формы агитационно-пропагандистской работы. Во многих селах проходили массовые митинги и демонстрации, нередко над ними реяли красные флаги. Очень часто на митингах звучали революционные песни, осуществлялся сбор средств для бастующих рабочих или на усиление деятельности аграрных групп РСДРП⁸⁹. Агитаторы знакомили крестьян с политической обстановкой в стране, призывали их к свержению царского правительства, активизации борьбы против помещиков, распространяли в деревне листовки, прокламации, нелегальную литературу.

Сельские сходы, собрания, митинги и демонстрации сыграли важную роль в пробуждении от вековой спячки, ускорили процесс выветривания иллюзий и традиционных представлений из сознания крестьянства. Становление и развитие митинговой демократии сочеталось с решительными действиями крестьян против царизма и помещиков.

Исключительно важную роль в активизации классовой борьбы в деревне сыграл Всероссийский крестьянский союз, образованный на Учредительном съезде в Москве 31 июля – 1 августа 1905 г. Известно, что В.И.Ленин отмечал большое значение Всероссийского крестьянского союза в деле организованной борьбы крестьянства. “Крестьянский союз, – писал он, – рос со сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно “почвенная”, реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные

Глава III.
Годы великого пробуждения

методы борьбы, не сужавшая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам”⁹⁰. Возникновение и деятельность Всероссийского крестьянского союза по времени совпали с подъемом революционного движения в городах. По данным Е.И.Кирюхиной, к ноябрю 1905 г. Крестьянский союз насчитывал III волостных и 359 сельских организаций, в которых объединялось около 200 тысяч человек⁹¹.

Как правило, крестьяне мотивировали необходимость создания крестьянских союзов и братств тем, что им необходимо “добиться *своего освобождения от политического и экономического рабства*” (выделено мною – П.К.) В создании Бобровского волостного союза в Каминском у., Тверской губ. приняли участие крестьяне дер.Боговиц, Павловка, Глибени, Горшовка, Корнелки, Зубцова. Крестьянский союз возглавил священник А.И.Голиков. На первом организационном сходе, состоявшемся 17 ноября 1905 г., крестьяне утвердили Устав. Протокол схода был отпечатан и расклеен в деревнях. Решения схода изменили настроение крестьян, которые почувствовали свою силу”⁹². Помещики вынуждены были считаться с постановлениями Крестьянского союза и повысили зарплату сельскохозяйственным рабочим.

Организация Всероссийского крестьянского союза и его отделений в провинции объективно способствовала укреплению позиций революционно-демократического лагеря в борьбе против самодержавия, буржуазии и помещиков.

В 1905-1907 гг. заметно активизировалась деятельность эсеров среди крестьянства. По подсчетам М.И.Леонова, они организовали в 38 губерниях Европейской России 1415 братств, в 9 губерниях – 10 волостных комитетов, в 11 губерниях – 62 районных комитета; в 20 губерниях в братствах числилось 18466 крестьян, создавались также и боевые крестьянские дружины. “Эсеры, – пишет историк, – приобрели заметное влияние в ряде местных комитетов Всероссийского крестьянского союза, оказали определенное влияние на Трудовую группу в обеих Думах, но подчинить своему влиянию эти организации не сумели”⁹³.

В советской исторической литературе пока еще не в полной мере преодолены традиционные подходы в освещении проблемы соотношения стихийности и организованности в аграрном движении в период революции 1905-1907 гг.⁹⁴ А.З.Кузьмин, например, писал о том, что какого-либо плана выступления крестьяне не имели. “Каждая деревня или ряд деревень выступали самостоятельно и стихийно”⁹⁵. В.И.Попов, характеризуя крестьянское движение в Рязанской губ., пришел к выводу о том, что крестьянские выступления протекали неорганизованно и стихийно. Но здесь же, противоре-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

ча себе, он отмечает: “Крестьяне выступали целыми селами, предварительно определив свои действия решениями общих сходов”⁹⁶. Выводы исследователей о преобладании стихийности в крестьянском движении возникли не случайно. Историки, как правило, использовали документы, вышедшие из правительственного лагеря: донесения правительственных чиновников и жалобы помещиков, которые оценивали выступления крестьян как стихийный бунт (сохранялась терминология XVIII в. – дворяне считали, что крестьяне выступали скопом, толпой), не видя в нем скрытого механизма организованности и сознательности. С.М.Дубровский писал, что уже в первые месяцы революции крестьянские выступления, казавшиеся стихийными, “на деле оказывались довольно организованными”⁹⁷. Иногда крестьяне, чтобы избежать наказания, на следствии сами говорили о своей “несознательности” и “невежестве”⁹⁸.

С.М.Дубровский, П.Н.Першин, А.В.Пясковский, В.Г.Тюкавкин, М.С.Симонова и другие историки отмечают, что в годы первой буржуазно-демократической революции в России борьба крестьян носила наступательный и более организационный характер, чем в предреволюционный период. Выше я писал, что выступления крестьян против помещиков и царской администрации возглавляли рабочие, крестьяне-отходники, представители демократической интеллигенции – врачи, учителя и другие земские служащие. С возникновением крестьянских комитетов крестьяне все чаще, наряду с аграрным террором, использовали такие методы борьбы, как стачка, бойкот. Они сочетались с предъявлением экономических требований, суть которых сводилась к тому, чтобы снизить арендную плату на землю, повысить зарплату сельскохозяйственным рабочим. Так впервые возникли формы организованной борьбы, нашедшие широкое применение в 1917 г. и представлявшие собой в известной мере перенос выработанных пролетариатом форм борьбы в деревню. Они объективно отражали отход крестьянства от господствующей идеологии, восприятие в ходе революции новых политических идей. Быстрее шло изживание из их сознания монархических иллюзий и других традиционных представлений.

Конечно, новые формы организации крестьянства сыграли положительную роль в период революции 1905-1907 гг., но в качестве организатора борьбы крестьян против помещиков и царской администрации продолжала выступать сельская поземельная община, сельский сход, на котором позиции демократического большинства (бедноты и середняков - П.К.) существенно усилились. Один из исследователей крестьянского движения в Центрально-Черноземном районе П.Н.Абрамов отмечает наличие элементов организованности во всех формах крестьянских выступлений, включая и

Глава III.
Годы великого пробуждения

разгромы. “Задуманные выступления предварительно обсуждались, начинались они обычно по сигналу (набат, выстрел, поджог соломы), выставлялись сторожевые пикеты, чтобы перехватить посыльных и предупреждать о появлении полиции”⁹⁹. С.М.Дубровский, анализируя ход крестьянского движения в Курской губ. в феврале 1905 г., указывает на то, что выступления, казавшиеся стихийными, на деле “оказывались довольно организованными”¹⁰⁰. По данным В.С.Попова, в рязанской деревне поджоги и разгромы имений совершались по постановлениям крестьянских сходов и проводились по заранее разработанному, определенному плану¹⁰¹. Как правило, крестьяне на сходках вырабатывали конкретный план действий и утверждали приговор, в котором выдвигали экономические требования. Например, крестьяне сел Алексеевка, Константиновка и Бобровка Сапожковского у. в июне 1905 г. потребовали от помещика Шиловского снизить арендную плату и в связи с этим сократить экономическую запашку. Когда помещик отклонил эти требования, крестьяне подожгли его имение¹⁰². О том, что сельская поземельная община выполняла функции организатора крестьянских выступлений, свидетельствуют и данные анкеты Вольного Экономического общества¹⁰³. Довольно высокой степенью организованности была в Центрально-Промышленном районе, где влияние крестьян-отходников проявлялось сильнее. Организованно проходили выступления крестьян Новосильского, Богородицкого, Одоевского и Епифанского у. Тульской губ. – здесь крестьяне обсуждали требования и план своих действий на сельских сходах или митингах. В Одоевском уезде на сходах утверждались приговоры, в которых регламентировались условия найма на сельскохозяйственные работы и аренды земли у помещиков¹⁰⁴. В Калужской губернии были случаи, когда выступления крестьян носили стихийный характер и протекали без предварительного обсуждения на сельских сходах. Исключение составляли Терликовская волость Мосальского уезда, Глубоковская волость Лихвинского уезда, Грабовская волость Жиздринского уезда, Чемодановская волость Мешовского уезда. В них движение носило организованные формы, в качестве инициатора борьбы выступала сельская поземельная община: накануне выступлений созывались сельские сходы¹⁰⁵. В Рязанской губернии аграрное движение также приобрело организованный характер в ряде волостей Рязанского, Рязского, Данковского и Ранненбургского уездов, крестьяне которых принимали решения об участии в борьбе против помещиков и царской администрации на сельских сходах, а в Егорьевском, Спасском и Рязском у. составлялись приговоры¹⁰⁶. Крестьяне Псковской и Новгородской губерний выступали по предварительному соглашению, иногда созывались сельские сходы. В Мышкинском уезде Ярославской губ.¹⁰⁷, стовариваясь на

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

сельских сходах, целыми деревнями “бедняки и состоятельные рубили лес бывшего помещика”¹⁰⁸. Тяга крестьян к организованным формам протеста, когда во главе движения оказывался сельский мир – “социум” – прослеживается и в Центрально-Черноземных губерниях, где “живые остатки” феодализма проявлялись с большей силой. Например, в Воронежской губернии предварительные соглашения о выступлениях были достигнуты крестьянами Землянского, Бобровского, Задонского и Богучарского уездов. Приговоры сельских сходов составлялись в Воронежском, Острогожском и Богучарском у.¹⁰⁹ Подобная тенденция прослеживается и в Орловской губернии – в Кромском, Карачевском у. крестьяне предварительно договаривались о выступлениях, в Малоархангельском, Мценском и Елецком составлялись приговоры сельских сходов¹¹⁰. В Мокшанском и Пензенском у. Пензенской губ. программа действий против помещиков вырабатывалась на сельских сходах¹¹¹.

В крестьянском движении можно выделить несколько этапов. Во время первого, подготовительного этапа брожение выливалось в открытое недовольство, здесь достигалось соглашение между крестьянами о выступлении на сельском сходе, на котором вырабатывались основные требования. На втором этапе предъявлялось конфидициальное заявление помещику, в котором содержались их требования. Обычно крестьяне приходили в имение помещика и излагали свои нужды. В этой связи интересно поведение землевладельцев, для которых были характерны крайний испуг, озлобление. После ухода крестьян они отправляли телеграммы в адрес губернатора с требованием ужесточить репрессии. Как правило, в приговорах сельских сходов, предъявляемых помещикам, сформулированы требования о повышении зарплаты поденщикам и другим сельскохозяйственным работникам, о снижении арендных цен на землю и сенокосы, о разрешении рубить частновладельческий лес и т.д. Разным было отношение к помещикам и поведение крестьян во время предъявления требований. Корреспондент Вольного Экономического общества писал, что “... к одним шли с угрозами, бранью, иногда и разбоем, к другим спокойно, деловито, даже вежливо; иногда “забастовка” не проводилась вовсе, а все-таки крестьяне собирались, шли в экономию “потолковать”, как бы желая при этом показать свою силу при случае; последний способ применялся к помещикам и арендаторам, умеющим ладить с крестьянами”¹¹². Отказ помещиков удовлетворить требования крестьян стимулировал их переход к третьему этапу борьбы: к активным действиям – захвату имения, съему сельскохозяйственных рабочих, установлению новых отношений с помещиком: снижению арендных цен на землю, повышению зарплаты и т.д. Осенью 1905 г. этот этап завершился чаще

Глава III.
Годы великого пробуждения

всего разгромом имений. Четвертый этап характеризуется острыми столкновениями крестьян с полицией и войсками, применявшими репрессивные меры против активных участников аграрного движения. Ярко выраженную политическую окраску носили выступления крестьян против органов власти самодержавного правительства, которые убедительно свидетельствуют о возросшей социально-политической активности и правотворчестве масс. Характерно, что осенью 1905 г. резко возросло число выступлений против царской администрации. Причем, наряду с угрозами в адрес помещиков, на сельских сходах, митингах и собраниях все чаще стали звучать резкая критика и порицание, высказываемые в адрес чиновников, которые вместе с помещиками являлись традиционными противниками крестьянства; поэтому на каждом сходе и митинге наблюдалось и “словесное волнение”, “общий словесный ропот”, “шум в народе”, наконец, “колебание умов”¹¹³.

Резкое недовольство вызывал и скомпрометировавший себя связями с чиновничеством низовой административный аппарат. В основе массового движения против чиновничества было стремление крестьян заменить низовой аппарат, демократизировать и лишить его полицейских функций, а также снизить расходы на его содержание. Конечно, крестьяне жадно впитывали новые идеи, распространявшиеся агитаторами, но пока еще они продолжали комментировать их на свой лад. Новые слова: свобода, равенство, республика, Учредительное собрание, Государственная дума, звучавшие на митингах и в газетах, по-разному понимались крестьянами. Поэт Николай Клюев, распространявший прокламации в Олонецкой губ., описывает, как крестьяне воспринимали революционные идеи: “Мне памятен случай на одном устроенном местным кружком (социалистов-революционеров) митинге. Оратор, крестьянин, мужчина лет 30, стоял на камне посреди густой толпы, кричал: “Зачем вы пришли сюда, зачем собрались и что смотреть? Человека ли, в богатые одежды облаченного? Так ведь такие живут во дворцах, вы же чего ищете, чего хотите?

“Чтобы все было наше”, – кричали в ответ – не два, не три, а по крайней мере сотни четыре людей. “Чтобы все было наше” – вот крестьянская программа, вот чего желают крестьяне”¹¹⁴. И далее поэт указывает, что под словом все крестьяне подразумевали: “чтобы не было податей и начальства, чтобы съестные продукты были наши, а для выдачи можно контору устроить, препоручив ее людям совестливым. Чтобы для желающих были училища и чтоб одежда у всех была барская, – т.е. хорошая, красивая. Много кой-чего и другого копошится в мужицком сердце; мысленно им не обделен никто: ни вдовица, ни сирота, ни девушка-невеста. О республике же в нашей губернии знают не больше как несколько сот коренных крестьян, про-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

свещенных политическими ссыльными из интеллигентов и городских рабочих. Республика - это такая страна, где царь выбирается на голоса, вот все, что знают по этому предмету некоторые крестьяне нашей округи. Большинство же держатся за царя не как за власть карающую и убивающую, а как за воплощение мудрости, способной разрешить запросы народного духа. “Он должен по думе делать”, – говорят про царя. Это значит, что царь должен быть умом всей русской земли, быть высшей добродетелью и правдой”¹¹⁵. Как видим, и в этой окраинной губернии Европейской России крестьяне выдвигали радикальные требования.

В деревне менялось отношение и к царю – он уже казался “предвестником последнего времени”. Само движение, в котором просматривалось стремление обновить местные органы власти, имело глубинные корни, восходящие к коллективистским традициям и демократизму сельской общины, к вечевому строю народных масс. “Мир прошлых веков, – пишет историк Н.Покровский, – (и особенно допетровского времени) – весьма демократичная и вместе с тем достаточно жесткая организация. Все мирские власти – старосты, сотские, десятские, целовальники – выбирались на общем сходе членов общины, и критерии выбора были всегда весьма строги. На мирском сходе слово имел каждый, но за выполнением принятого решения всеми членами община следила очень внимательно, ослушников ждало суровое наказание. Мир нес полную ответственность за все действия выборных. Подчас это бывала весьма значительная материальная ответственность, и поэтому община строго контролировала действия тех, кто управлял ею или представлял ее финансовые, экономические и прочие интересы во внешнем мире – обеспечивал взаимоотношения общины и государственной власти”¹¹⁶. К началу XX века разрыв между общиной и выборными в местный аппарат власти усилился. Росло недовольство в крестьянской среде, так как волостные и сельские старосты, мировые судьи беспрекословно выполняли приказания администрации. Тяга к обновлению аппарата местного самоуправления, к его демократизации и независимости от царских чиновников проявилась уже в апреле 1905г.

“Многие крестьяне, – доносил земский начальник Рязанского у., – теперь открыто говорят, что настало такое время, что они могут и не считаться ни с властью старосты и старшины, ни с властью полиции и даже с самим земским начальником, так как достаточно им явиться всем миром в город, чтобы настоять на своем и заставить удовлетворить их желание”¹¹⁷.

В борьбе крестьян против административного аппарата власти можно выделить два этапа. На первом – крестьяне выступали за снижение должностных окладов волостным и сельским старшинам, старостам, писарям и мировым

Глава III.
Годы великого пробуждения

судьям и за их переизбрание. На втором – крестьяне начинали осознавать необходимость создания нового аппарата власти, избранного демократическим путем, и принимали акты, в которых определялись функции и компетенции новых органов власти. Именно на этом этапе народные самоуправления перерастали в крестьянские республики.

Осенью 1905 г. движение за изгнание сельских и волостных старшин и старост, мировых судей, писарей и избрание в местные органы власти народных представителей приобрело массовый характер. Оно охватило все уезды Псковской губернии. Наиболее активно смена волостных и сельских властей протекала в Гусаковской, Жеребцовской, Сонинской, Прокшинской, Вышгородской волостях Островского уезда, в Матюшинской, Печано-Горайской, Покровской, Красногородской, Сине-Никольской волостях Опочецкого уезда, в Ручьевской волости Порховского уезда. Произошли перевыборы местной администрации во всех волостях Псковского у. 17 декабря 1905 г. в Оршанской волости Новоржевского у. был созван волостной сход, на котором присутствовала большая часть крестьян. Сходом руководили как агитаторы из числа местных крестьян, так и рабочие, прибывшие из г.Новоржева. Сход переизбрал волостного старшину и утвердил приговор о сокращении зарплаты должностным лицам¹¹⁸. Подобные сходы прошли в Посадниковской, Гривинской, Новинской, Туровской, Духновской и других волостях¹¹⁹. В Зуевской волости Холмского у. на должность волостного старшины был избран М.А.Александров. Крестьяне отобрали у прежнего старшины должностной знак, надели его на шею Александрову и внушали ему: “Вовсе не знать начальства, а угождать только миру, на что Александров выразил согласие, а сходчики постановили его не выдавать и защищать в случае надобности”¹²⁰. Земский начальник пытался отменить решения волостного схода, но крестьяне открыто выразили недовольство его действиями. Земский начальник отмечал в донесении, что “агитаторы и несколько других лиц держали себя вызывающе, кричали “так ли ребята” и заставляли поднимать руки в знак согласия с их мнением, а толпа шумела, выражала одобрение”¹²¹. Когда же эмоциональное возбуждение спало и у крестьян появлялись признаки колебаний и усталости, крестьянин Богданов вновь пытался поднять настроение односельчан: “Ну что же помните, что говорили, пятиться назад что ли будете”. В результате сельский сход постановил не платить жалованья мировым судьям и сельским старостам.

Движение за переизбрание сельских властей охватило губернии Центрально-Промышленного района. В Мышкинском уезде Ярославской губернии крестьяне Рождественской волости решили сократить жалованье всем выборным должностным лицам. В Важеновской, Георгиевской, Мед-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

ведитской волостях Колгривского уезда произошла смена волостных старшин и писарей “за угодничество начальству”. Массовое аграрное движение развернулось осенью 1905 г. во Владимирской губернии. Оно охватило все селения Ильинской и Натальинской волостей Юрьевского уезда. Крестьяне отказывались уплачивать повинности и налоги. В Давыдовской, Симкинской и Городищенской волостях были сменены все волостные и сельские должностные лица. В октябре 1905 г. крестьяне переизбрали волостных старшин и сельских старост в Бобровской волости Кашинского уезда Тверской губернии, где активную работу среди крестьян развернул волостной крестьянский союз. Смена сельских старост произошла в Льговском и Путивльском, а также в Тимском уезде Курской губернии. Крестьяне сократили жалованье должностным лицам на 50% и более. Были произведены переборы сельских властей¹²² в Саратовском и Петровском уезде Саратовской губернии; случаи смены сельских властей наблюдались в селах Ефимовка и Максимовка Бузулукского уезда Самарской губернии, а также в селе Тамбовка Ставропольского уезда, с. Малый Толкай Бугурусланского уезда; в селах Старая Бинарадка Ставропольского уезда и в Большой Каменке крестьяне уменьшили жалованье волостным старшинам¹²³.

Как справедливо подчеркивал поэт Николай Клюев, к представителям сельских властей народ относился резко отрицательно: “старшин, старост, сборщиков податей, волостных писарей, становых, земских, урядников ругает их в глаза и заглазно, уважения же к этим господам не питает никто, ни старший, ни малый”¹²⁴. В Рязанской губернии крестьяне изгоняли с должностей старшин и писарей, мотивируя это тем, что это “любимцы земских начальников и утверждались без согласия волостных сходов”¹²⁵. Корреспондент Вольного экономического общества писал, что в Скопинском у. в период революции “на поверхность мирской жизни всплыли низшие и средние крестьянские слои, которые *сами хотят заведывать мирской жизнью* (выделено мною – П.К.). Молодежь успешно “оттирает” стариков”.

Движение за переизбрание органов местного самоуправления охватило и Северный Кавказ, где, по подсчетам Б.А.Трехбрата, в 34 случаях выступления против властей закончились учреждением революционных крестьянских самоуправлений, из них в Черноморской губ. – 21, в Ставропольской – 8¹²⁶.

В целом в массовом аграрном движении преобладали разрушительные тенденции, но вместе с тем крестьянство стало создавать новые формы народовластия. В.И.Ленин в работе “Пролетариат и крестьянство” писал: “Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни”¹²⁷. Творческая активность крестьян ста-

Глава III.
Годы великого пробуждения

ла особенно осязаемой при организации крестьянских республик. Например, для Самарской губ. знаменательным событием стало образование Старобуянской республики, которая просуществовала с 26 ноября по 8 декабря 1905 г. Она возникла под непосредственным воздействием агитации социал-демократов и эсеров. Лаврентий Щибраев, один из организаторов Старобуянской республики, в “Прощальном письме”, опубликованном в листовке Самарского комитета РСДРП, объяснял причины, побудившие крестьян к организации республики: “От бессовестного поведения старшин и писарей, от режима земского начальника народ не стал выносить более угнетения и без земского начальника своєю властью сменил волостных опивалов и огребалов; мир поставил своих добросовестных людей”. При этом организаторы республики исходили из того, что “крестьянскую жизнь лучше всего могут устроить сами же крестьяне”¹²⁸. Состоявшийся народный съезд принял “Временный закон” по Старобуяновскому волостному народному самоуправлению. Власть в волости была передана революционному органу – народному правлению. Все земельные угодья до созыва Учредительного собрания поступали в пользование крестьян на уравнительных началах. Для защиты революционных завоеваний была создана милиция. Большевистская газета “Борьба” так оценивала это событие: “Многие деревенские округа вполне сознательно относятся ко всему происходящему в России теперь. Из них некоторые, например, Старый Буян, ввели революционное самоуправление, выработали для себя нечто вроде временной конституции”¹²⁹. Крестьянская республика была установлена также в Мариинской волости Саратовской губернии. Центром ее стало село Николаевский городок. Крестьянское восстание было подготовлено аграрной группой Саратовского комитета РСДРП и местной социал-демократической организацией¹³⁰, в ее создании принимали участие эсеры. Широкую известность завоевала Марковская республика, установленная в селе Марково Волоколамского у. Московской губ. Она функционировала с 31 октября 1905 г. по 18 июля 1906 г. Инициатором создания республики стала волостная организация Всероссийского крестьянского союза. Здесь, так же как и в других крестьянских республиках, царская власть была парализована, прекратилась уплата выкупных платежей, арендной платы помещикам, поставка рекрутов¹³¹.

Крестьянские республики возникли в Больших Сорочинцах Полтавской губ., в селе Люботино Сумского у. Харьковской губ., в селе Пески Воронежской губ., в селах Мазсалвце и Руйиене в Латвии. Была создана Гурийская республика в Грузии. В Тверской губ. 22 ноября 1905 г. был избран Новинской волостной Совет, объединивший депутатов от 30 сел и деревень.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Крестьяне пришли к волостному правлению с красным флагом и потребовали волостного старшину и писаря. На состоявшемся митинге деревенские старосты были лишены власти, избран волостной Совет крестьянских депутатов, председателем которого стал крестьянин дер. Щекотово И. Филиппов, секретарем – большевик И. Д. Хромов. На волостных собраниях крестьянские депутаты приняли решение отказаться от уплаты податей, от выполнения воинских повинностей, потребовали улучшить положение дел в сельских школах. Они проводили сбор средств и продовольствия для рабочих Твери. 15 декабря 1905 г. пытались помешать продвижению войск из Петербурга в Москву: от 300 до 400 крестьян пилили телеграфные столбы, стремились устроить завал на железной дороге или разрушить мост¹³².

В целом эти формы крестьянской борьбы, как и все аграрное движение, развивались под непосредственным влиянием революционной борьбы пролетариата, но в крестьянском сознании не были преодолены в полной мере робость, приниженность и придавленность; продолжала сказываться местная замкнутость, еще была слаба связь с городскими пролетариями. Вероятно, следует согласиться с мнением В. Г. Тюкавкина, что российский пролетариат во главе с партией большевиков осуществлял роль гегемона, но не смог полностью сплотить вокруг себя миллионные массы крестьян¹³³.

Осенью 1905 г. массовое движение в деревне вступило в период высшего подъема. В острых формах протекала борьба крестьян против помещиков во всех великорусских губерниях, но наибольшего размаха она достигла в Саратовской, Тамбовской и Самарской губ. Об этом, в частности, свидетельствуют телеграммы тамбовских помещиков. Дворяне Арбенеvской волости Кирсановского у. телеграфировали губернатору: “Кругом идет ужасная пугачевщина. Находимся постоянно в опасности смерти”¹³⁴. О масштабах крестьянского движения говорит и донесение начальника карательного отряда тамбовскому губернатору: “...Мне теперь везде оказывают вооруженное сопротивление. Веду малую войну”¹³⁵. Под малой войной каратель подразумевал поджоги домов крестьян и расстрелы. Помещики Болховского у. Орловской губ. сообщили 10 ноября 1905 г. предводителю дворянства: “В Орловском у. у госпожи Бек крестьяне в открытую явились и заявили, что будут громить имение, чем вынудили ее войти с ними в сделку о продаже им земли”. И далее они делают характерное признание: “...жить стало страшно. Многие укладывают свои вещи как в Пугачевщину и собираются уезжать из имений”¹³⁶. Как доносили правительственные чиновники, разгромы экономий и были “выражением реакции со стороны крестьян против расширения владельческих запасек”, и далее они отмечали, что “крестьян-

Глава III.
Годы великого пробуждения

ство охвачено было желанием подчеркнуть, что оно также нуждается в земле”¹³⁷.

Настроение поместного дворянства достаточно полно нашло отражение в записках монархиста В.В.Шульгина, который считал, что русский народ во время войны с Японией предал свою родину. По его мнению, он якобы “шептал гнусные змеиные слова: “Чем хуже, тем лучше”, который ради “свободы” жаждал разгрома своей армии, ради “равноправия” – гибели своих эскадр, ради “земли и воли” – унижения и поражения своего отечества... Мы ненавидели такой народ и смеялись над его презренным гневом... Не свободы “они” были достойны, а залпов и казней”...¹³⁸. Призывы к беспощадному подавлению крестьянских выступлений стали все чаще раздаваться на многих губернских дворянских собраниях, а затем и на всероссийских съездах землевладельцев и объединенных дворянских обществ.

В ходе революции менялись традиционные нормы общения крестьян с помещиками и царской администрацией. Так, 9 ноября 1905 г., когда пристав Бегичев разьяснял крестьянам с. Дубовое Скопинского у. Рязанской губ. суть Манифеста 3 ноября и говорил об ответственности за порубки частновладельческого леса, крестьянин Дмитрий Маркин заявил ему: “Что нам манифест, читали мы их давно, нам не то нужно – хлеба и топки”. Слова эти вызвали “общее сочувствие крестьян”. Поднялось сильное волнение, раздались голоса, призывающие идти в имение дворянина Мясникова за хлебом и дровами. Крестьяне проникли в дом помещика. “Вскоре в прихожую вышел помещик Мясников. Толпа встретила его криками, громко требуя хлеба и дров, причем слышались угрозы устроить в противном случае “забастовку” (т.е. разгром – П.К.). Шум этот и крики остановил Константин Шариков, который, выдвинувшись из толпы, приказал ей замолчать и заявил, что будет говорить с владельцем. Толпа смолкла и Шариков, обращаясь к Мясникову, сказал ему: “Евгений Николаевич, вот я приехал из Тамбовской губ., там крестьяне прогоняют владельцев, грабят их и жгут так, что они все уехали в Москву. Мы этого не хотим делать, но ты дай нам муки для пропитания и весь лес твой “Городище” на топку, а если не дашь, то имение твое будет разбито и разграблено”¹³⁹. Мясников потребовал, чтобы переговоры с ним вели уполномоченные. Крестьяне избрали уполномоченных и заставили помещика написать им расписку о передаче хлеба и леса. Пристав посоветовал Мясникову подчиниться, но в расписке написать, что она выдана под угрозой насилия. Тогда Шариков открыл дверь и крикнул крестьянам: “Эй ребята, иди скорее, вышвыривай его подлеца. Мы тут хозяева”. Затем он вместе с Маркиным кинулся на пристава с кулаками: “Как ты смеешь давать такие советы? Мы погоня с тебя сорвем, на части

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

тебя разорвем, не посмотрим, что ты пристав, мы тут хозяева”¹⁴⁰. 10 ноября крестьяне, вооружившись кольями, дубинами, вместе с женами и детьми вновь пришли в имение и потребовали приказчика Горюшкина: ”Где Горюшкин? Давай его, мы его разорвем!” О.Маркин стучал дубиной и кричал: “Крестьянская кровь даром не пропадет”. Напуганный помещик Мясников выдал крестьянам новую расписку взамен утерянной.

По данным В.М.Гохлернер, в Саратовской губ. в октябре – декабре 1905г. крестьянское движение охватило все уезды. Всего в эти месяцы насчитывалось 509 выступлений, из них 440 приходилось на зону преобладания прусского типа аграрной буржуазной эволюции¹⁴¹. В эти месяцы революционные настроения крестьян выливались в разгромы, поджоги помещичьих имений. Крестьяне захватывали хлеб, скот, уничтожали жилые и хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, забирали предметы домашнего обихода. Своеобразно восприняли крестьяне манифест 17 октября 1905 г. Вот как характеризует социально-психологическое состояние крестьян дер. Филимонова И.Е.Князев. “Выпуск манифеста застал меня в деревне. В ознаменование этого события в церкви было молебствие, а в виду того, что раньше об этом было предупреждение, церковь была полна. Поп, доктор и господа поздравили крестьян со “свободой”, а крестьяне чесали задумчиво затылки и никак не могли раскусить: что бы все это значило?” И далее автор отмечает: “Настроение крестьян после поздравлений приподнялось. Не знали лишь твердо, с какого конца приступить, а выходило так, что как ни кинь, а почин надо было делать с земли”¹⁴². Как видим, растерянность у крестьян быстро прошла. Они расценили манифест как правовую основу, которая санкционировала их активные действия против помещиков. Не случайно в крестьянской среде стали распространяться такие заявления: “Отошла пора дворянам править крестьянами”, или “довольно натешились, теперь крестьяне станут господами”. В селе Кротовка Самарской губ. крестьянин Шаров так разъяснял односельчанам суть манифеста: “Теперь свободно, айдате, ребята, валите к помещикам и разграбляйте их добро – за это теперь ничего не будет”¹⁴⁴. В Юрино Нижегородской губ. крестьяне восприняли манифест следующим образом: “Губернаторов, исправников и судей уволили, так что за помещиков теперь некому заступиться”¹⁴⁵. По мнению крестьян, разгромы имений были наиболее эффективными методами борьбы, так как они считали, что после разгрома имений их владельцы уже не возвратятся более в свои владения. Широко распространенным было убеждение, что после издания манифеста 17 октября 1905 г. вся земля и все имущество принадлежит по закону крестьянам. Нередко крестьяне в ответ на “увещевания” царской администрации

Глава III.
Годы великого пробуждения

заявляли: “Вы нас не уговаривайте, мы не остановимся, а будем продолжать начатое дело до конца”¹⁴⁵. Основная цель крестьян сводилась к тому, чтобы уничтожить помещичье землевладение¹⁴⁶. “К сожалению, – огорченно писал В.И. Ленин, – крестьяне уничтожили тогда... только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения”¹⁴⁷.

П.Н.Абрамов, анализируя крестьянское движение в Центрально-Черноземном районе, пришел к выводу о том, что даже в условиях ожесточенной борьбы против помещиков в сознании крестьян продолжало сохраняться наивное представление о том, что можно землю у частных владельцев отнять и без изменения политического строя, путем “выкуривания” их из имений¹⁴⁸. Так, крестьяне Бобровского у. Воронежской губ. говорил: “Нужно их разграбить и сжечь, и тогда они не вернуться и земля достанется крестьянам”¹⁴⁹.

Несмотря на репрессивные мероприятия самодержавия, уровень социальных конфликтов в деревне в 1906 г. продолжал оставаться высоким. Как и прежде, доминировали выступления, относящиеся к первой социальной войне. Во всех великорусских губерниях – в Центрально-Промышленном, Центрально-Черноземном районах, в Поволжье, и южных степных Европейской России борьба против помещиков сочеталась с острыми столкновениями с полицией и войсками. Социальные конфликты значительно обострились и в связи с полным или частичным неурожаем зерновых культур. В количественном отношении масштабы массового аграрного движения несколько снизились по сравнению с высшим подъемом революции, но они еще превосходили число выступлений крестьян на начальной стадии революции, весной и летом 1905 г. В то же время в ряде губерний (например, в Рязанской) количество активных форм протеста увеличилось по сравнению с 1905 г. в 5 раз¹⁵⁰. Во многих губерниях поджогам и разгромам помещичьих имений предшествовали сельские сходы, на которых утверждались приговоры. Эти документы расценивались крестьянами как правовая основа в борьбе против помещиков. Наряду с разгромами, поджогами имений крестьяне отказывались от уплаты налогов и податей, от поставки в армию рекрутов, производили порубки леса и покосы лугов частных владельцев. Если крестьянство продолжало вести активную борьбу против помещиков, то правительство П.А.Столыпина, в свою очередь, усиливало репрессии против революционно-демократического лагеря. Так, П.А.Столыпин 30 июля 1906 г. написал такую резолюцию на телеграмме курского губернатора Борзенко: “Телеграфировать, что аресты вожakov (крестьянского движения

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

- П.К.) я считаю главнейшею и самую настоятельную мерою при настоящем положении вещей”¹⁵¹. К усилению репрессий против крестьян призывали как корпоративные дворянские организации в губерниях, так и Совет объединенного дворянства.

Сохраняли значение и пролетарские методы борьбы – сельскохозяйственные стачки, которые в июне 1906 г. охватили уезды Черноземной полосы Центрально-Промышленного района, Поволжье и Закавказье. Как и в 1905 г., при развитии стачечного движения важное значение имела заразительность этой формы борьбы, когда, начавшись в одном имении, она довольно быстро распространялась на группу волостей, уезды и соседние губернии. Как и в городах, стачечная борьба носила волнообразный характер. Так, 18 июня сельскохозяйственная стачка началась в селе Щучьем Бобровского уезда Воронежской губернии, а затем к июлю она охватила территорию радиусом до 150 километров¹⁵². Тактика крестьян Козловского у. Тамбовской губ., находившихся под влиянием агитаторов, сводилась к тому, что на сельских сходах вырабатывались условия о найме на сельскохозяйственные работы, затем выборные объявляли их помещику. Если же он отказывался удовлетворить требования крестьян, то у него снимались с работы рабочие. Крестьяне устанавливали высокие цены за работы, с тем, чтобы “создать для землевладельцев невозможные условия хозяйства”¹⁵³. В Рязанской губ. сельскохозяйственной стачкой оказались охвачены южные уезды. Крестьяне на сельских сходах составляли приговоры производить работы в имениях помещиков только по установленным ими ценам. Когда же губернатор заявил, что составленные приговоры незаконны, что это “самоуправство”, то крестьяне ответили: “Даром на бар (они – П.К.) работать не будут”¹⁵⁴. Корреспондент газеты “Козловская жизнь”, анализируя стачечное движение в Тамбовской губ., пришел к выводу о том, что со стороны крестьян это была “попытка мирным путем добыть землю... Крестьяне, – писал он, – видели в забастовке действительное средство избавиться от помещиков...” И далее он отмечал рост у них чувства собственного достоинства: “Крестьяне находили, что им “пора уже научиться ценить свой труд”¹⁵⁵.

Наиболее полное отражение политические и социально-экономические требования крестьянства нашли в приговорном движении. Анализ наказов и приговоров крестьян депутатами I-й и II-й Государственных дум, а также адресованных революционным партиям и организациям позволяет проследить изменения в социальной психологии крестьянских масс, в их взглядах, чаяниях, стремлениях. Этот комплекс крестьянских документов дает наиболее

Глава III.
Годы великого пробуждения

полное представление об общественном сознании крестьянства в период первой российской революции.

Говоря о тактике крестьянства в 1905-1907 гг., В.И. Ленин отмечал: “Меньшая часть крестьянства действительно боролась хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала и посылала “ходателей” – совсем в духе Льва Николаевича Толстого”¹⁵⁶. Конечно, распространение среди крестьянства конституционных иллюзий способствовало отвлечению его от активной борьбы. С другой стороны, обсуждение на сельских сходах политических и социально-экономических требований подняло крестьянское движение на новый уровень, свидетельствовало о росте политического сознания крестьянских масс. Приговорное движение существенно активизировало сельскую общину, так как помимо традиционного круга вопросов, касающихся внутренней жизни крестьянского мира, сельские общины весьма активно участвовали в выработке и обсуждении по существу революционно-демократической программы обновления России.

В приговорах и наказах вскрывались причины бедственного положения крестьян. К их числу относились засилье помещиков (сохранение дворянского землевладения), малоземелье, бесправие. В ходе приговорного движения крестьяне вполне осознали, что “недостаточно упразднить “земского”, уменьшить кое-какие налоги, а необходимо изменить весь правовой строй государства, заново переделать всю податную систему: наконец они могли даже сказать, хотя бы в общих чертах, как сделать то и другое”. Эти выводы видного русского историка К.Сивкова сохраняют научную значимость и в наши дни. Они вполне подтверждают тезис о том, что русское крестьянство не было пассивным участником событий. Его творческие потенции вполне раскрылись в ходе первой буржуазно-демократической революции. “Крестьяне понимали, – писал в 1907 г. К.Сивков, – что реформа должна быть всеобъемлющей; что если, с одной стороны, необходимо всеми мерами и возможно скорее поднять материальное благосостояние народа, то, с другой стороны, неотложно необходимы гражданская и политическая свобода”¹⁵⁷.

Острая дискуссия вспыхивала на сходах при обсуждении аграрного вопроса. Почти во всех приговорах и наказах крестьяне, констатируя факт малоземелья, выдвигали требование о наделении их землей. “Полный недостаток надельной пахотной и сенокосной земли, а также недостаток леса для топлива и возведения наших крестьянских построек, – жаловались кре-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

стьяне д. Панькова Макарьевского у. Костромской губ., – приводит нас в полную нищету и разорение”¹⁵⁸.

Крестьяне Самарской губ. пристально следили за работой I-й Государственной думы, посылая в ее адрес заявления, прошения, приговоры и наказания. “Дума все может” – это мнение разделяло большинство крестьян. Известно, что политические партии пытались оказывать влияние на “приговорное” движение, включая в наказания и приговоры свои программные требования. По мнению А.И.Нильве, включение в приговоры и наказания требований о дополнительном наделении крестьян землей “в потребном количестве” свидетельствуют о том, что влияние среди крестьян либеральной буржуазии было велико. “Они (крестьяне – П.К.) не понимали, что отчуждение части помещичьих земель оставило бы власть помещиков, а вместе с тем и остатки крепостничества в землевладельческом строе”¹⁵⁹. Но были случаи, когда требования крестьян шли в разрез с программами буржуазных и социалистических партий. I съезд Всероссийского крестьянского союза (июль 1905 г.), руководимый эсерами, принял решение об изъятии земли у помещиков по справедливой оценке. Позиции эсеров в Поволжье были весьма сильны. Несмотря на это, крестьяне в приговорах и наказаниях депутатам I-й Государственной думы выдвигали требование о конфискации всех земель без выкупа, что являлось симптомом влияния пропаганды социал-демократов.

Нельзя не отметить стремления крестьян к пересмотру всех устоев общественно-экономической и политической жизни России. Так, крестьяне поселка Софийского Ставропольского у. Ставропольской губ. на сходе 29 июня 1906 г. требовали: “Чтобы чиновники нами не верховодили, нашей жизни они не знают, наше горе им не понять. Мы хотим, чтобы со всей России собрались выборные от всего народа. Землю помещичью, монастырскую, удельную, казенную распределить между всем народом, дать надел и женщинам, так же они работают как и мы, выкупа на землю не давать, а тем помещикам, которые захотят работать, дать равный с крестьянами надел, сословия уничтожить, поборы поповские отменить, пусть и попы живут по правде, образование должно быть низшее, среднее и высшее, должно быть для всех бесплатное, постоянное войско заменить милицией, суд и администрации должны быть выбраны от всего народа”¹⁶⁰. Таким же подлинно революционным духом были проникнуты призывы крестьян с. Селезники Николаевского у., которые требовали предоставления Думе законодательной власти, ответственности правительства перед Думой, осуществления на деле свободы слова, печати, совести, уничтожения сословий и привилегий, всеобщего обязательного бесплатного образования. О довольно высокой

Глава III.
Годы великого пробуждения

зрелости части крестьян, хорошо понявших суть манифеста 17 октября 1905 г., свидетельствует приговор безземельных крестьян с. Исаклы Бугурусланского уезда: "...познакомившись с манифестом 17 октября, – писали крестьяне, – заявляем, что будем продолжать борьбу, пока не добьемся вместо дарованной правительством Государственной думы, в которой нет места истинным защитникам народных интересов, своих требований"¹⁶¹.

Многие крестьяне считали, что только Государственная дума способна решить их социально-экономические и политические требования. В народе жила вера на исправление слагавшейся веками несправедливости. Крестьяне наивно полагали, что царь утвердит выработанные Думой законы, по которым крестьяне получат и землю и волю. "Торжественно отпраздновала деревня день открытия Государственной Думы: молебствия в церквях, красный колокольный звон, процессии с красными знаменами – символ победы"¹⁶².

Эта уверенность была поколеблена уже в первые дни работы I-й Государственной Думы. Полоса "просветления" сознания крестьян началась после непринятия царем адреса Государственной думы. Среди крестьян стали распространяться настроения решимости и возмущения. Л.Н.Толстой отмечал в 1905 г., что по понятиям крестьянства "только тот самодержавный царь, который мог разбить крепостное рабство, может и отнять землю у господ и отдать мужикам"¹⁶³. Правительственная политика по земельному вопросу оставалась замшелой-заскорузлой: традиционно самодержавие пыталось как можно полнее удовлетворить интересы дворянства, защитить их земельную собственность. В ходе революции в сознании русского крестьянства происходили существенные изменения: вера в доброго и справедливого монарха, заступника, "царя-батюшку" начала рушиться, особенно после событий 9 января 1905 г.

Поражение в русско-японской войне, жестокое подавление выступлений рабочих и крестьян в городе и деревне, непопулярная социальная политика в еще большей степени способствовали падению престижа династии Романовых. В сознании крестьянства стало явственно проявляться недоумение, озлобление и готовность подняться на решительную борьбу. "Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, – писали крестьяне д. Куниловой Старицкого у. Тверской губ., – то придется нам, крестьянам, все земельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нас от злых кровопийных помещиков"¹⁶⁴.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Итак, в ходе революции рушились традиционные представления крестьян о царе. Крестьяне стали осознавать, что ждать им от царя нечего. Негативное отношение к самодержавию усилилось после роспуска I-й и II-й Государственных дум, которое вызвало у крестьян не только недоумение, но и озлобление. В.И. Ленин в этой связи отмечал, что крестьянство “приобретает теперь то, что теряет самые вредные иллюзии”¹⁶⁵. В ходе “приговорного” движения в деревне шел процесс разработки революционно-демократической программы, что привело к “сокращению сферы влияния старой патриархальной идеологии”¹⁶⁶, к активизации роли сельской общины, от имени которой в большинстве случаев составлялись приговоры, наказания и другие документы, возникшие в результате революционного творчества народных масс.

Важной составной частью массового аграрного движения стала борьба крестьян за ликвидацию церковного и монастырского землевладения. Одновременно с этим крестьяне выступали с требованиями проведения церковных реформ: они хотели дешевой церкви, отмены налогов на нее, настаивали на выборности священников и права отстранения их от службы¹⁶⁷. Религия тормозила развитие политического сознания и формирование революционных настроений масс. Но под влиянием революционных событий из сознания крестьян выветривались царские иллюзии, они теряли уважение к духовенству, которое призывало к покорности и повиновению, защищало церковную и помещичью собственность от посягательств на нее со стороны крестьянства. Л.И. Емелях справедливо отмечает, что борьба против церковного землевладения находилась в зависимости от имущественного положения и уровня политической сознательности крестьян. “Кулаки были не против того, чтобы поживиться за счет монастырей, забрав их землю, но все это они хотели сделать мирным путем, не выходя из рамок “закона”¹⁶⁸.

Выше мы отмечали, что крестьяне мотивировали захваты угодий и разгромы помещичьих и церковных имений тем, что земля, “политая кровью их дедов при крепостном праве”, является “божьей”, “ничьей”, а потому должна принадлежать им. В приговорах и наказаниях содержится большое количество фактов отрицательного отношения к духовенству и в то же время сохраняются религиозные традиции, особенно при обосновании социально-экономических требований. Так, крестьяне с Владимирского Самарского у. Самарской губ. писали в приговоре в июне 1906 г.: “Нам кажется, что нужно изменить земельный порядок теперь же, и так, чтобы земля была доступна всем, кто желает работать сам, и совсем бы была отобрана от того, кто наймом обрабатывает или же сдает землю в аренду. Земля – дар божий,

Глава III.
Годы великого пробуждения

а не создание рук человеческих, и поэтому она вся должна принадлежать всему народу и не составлять небольшого числа лиц”¹⁶⁹. Здесь прослеживается типичная попытка обосновать революционные требования религиозным авторитетом, получить божественную санкцию. По данным Л.И.Емелях, требования об отобрании церковных и монастырских земель содержались в 350 приговорах и наказах крестьян, направляемых царю, министрам, в Государственную думу и другие правительственные учреждения.

Захватам церковных земель нередко предшествовали выступления крестьян против проповедей священников. В декабре 1905 г. на Первом северном областном съезде Всероссийского крестьянского союза делегат Гдовского у. Петербургской губ. говорил: “Народ у нас бедный, тяжелый... кулаки да попы одолели. А в школе учат плохо “а” да “бе” только. Батюшки больше о божественном толкуют, терпению поучают... А чего уж? Натерпелись мы немало... Кто помоложе глядь и скажет батюшке: “Будет, мол, батюшка, будет; слышали мы от тебя это; вот нам бы о политическом чего рассказал”¹⁷⁰. В церковной печати, отчетах архиереев можно встретить сообщения, что крестьяне не соблюдали постов, отказывались “исполнять христианский долг святых тайн причастия”, церковь и ее служители все чаще стали подвергаться насмешкам. “В наши дни оскудело народное благочестие, теперь даже в селах храмы пустуют, исчезают данные привычки и обычаи религиозно-патриархального быта”¹⁷¹. Вместе с тем были десятки случаев, когда сельские священники выступали в качестве руководителей крестьянского движения, участвовали в составлении приговоров и наказов. Нередко их избирали в I и II Государственные думы.

Итак, в период революции часть русского крестьянства перестала соблюдать религиозные предписания, другая часть крестьян открыто осуждала священников за защиту самодержавия и помещиков, требуя конфискации церковных земель и проведения церковной реформы. Все это убедительно свидетельствует о том, что из-под идеологического влияния церкви вышло революционно настроенное крестьянство. В ходе революции крестьяне стали постепенно осознавать, что царь, помещики, попы и чиновники всегда выступают заодно, а поэтому они находятся во враждебном лагере. Участие в аграрном движении формировало социальную позицию крестьянства. По мере развития революции усиливается процесс осознания социально-психологической общности “мы” и “они”, т.е. крестьянство более четко противопоставляет себя царю, помещикам, духовенству. Уловив эти глубинные изменения в психологии крестьян, Л.Н.Толстой писал в феврале 1906 г.: “Раз поняв, что большинство испытываемых народом бедствий

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

происходит от правительства, русский народ уже не может перестать понимать причину испытываемых им бедствий и не желать освободиться от нее¹⁷². Нельзя преувеличивать масштабы изменений в социальной психологии крестьянства, так как процесс высвобождения сознания от монархических иллюзий и патриархальных традиций и привычек сложен и длителен. Крестьянство в массе своей еще не осознало, почему необходимо уничтожить самодержавие, но тем не менее элемент сознательности был внесен в его социальную психологию.

Каков же был результат крестьянского движения? Здесь следует выделить как экономические итоги, так и политические, которые свидетельствовали об изменении настроения крестьянства. Что касается экономических итогов, то среди них необходимо выделить долговременные и кратковременные. К числу первых следует отнести полную или частичную ликвидацию 1/15 общего числа помещичьих имений. Кроме того, в годы революции под натиском крестьян помещики-дворяне вынуждены были приступить к распродаже земель. За этот период по 47 губерниям Европейской России на земельном рынке было продано 3899,9 тыс. дес. земли, большая часть ее была приобретена Крестьянским поземельным банком, что стало свидетельством протекционистской политики царизма по отношению к дворянам.

Кратковременное значение имели уступки помещиков крестьянам при найме на сельскохозяйственные работы, аренде земли, лугов, установлении цен на сельскохозяйственные продукты. Например, во Владимирской губ. были вынуждены пойти на повышение до 25% зарплаты сельскохозяйственным рабочим¹⁷³. В Вологодской губ. удел понизил арендную плату на 50-60%, повысил зарплату сплавщикам на 10-20%¹⁷⁴. Повсеместное повышение зарплаты и снижение арендных цен в великорусских губерниях в 1905-1906 годах констатировал С.Н.Прокопович¹⁷⁵. Но затем в 1907 г., с отступлением революции, между помещиками и крестьянами устанавливаются прежние отношения.

К числу политических итогов следует отнести то, что в ходе революции царизм вынужден был пойти на реформы, приступить к изменению политической системы. Один из итогов – консолидация демократического большинства сельской поземельной общины (бедноты и середняков), активизация ее деятельности. Пробуждение крестьянства в годы революции и его активное участие в революционном движении объективно способствовало выветриванию цезаристских настроений в среде правящего класса. Вот почему Совет объединенного дворянства высказался за резкое изменение пра-

Глава III.
Годы великого пробуждения

вительственной политики по аграрному вопросу. Эти требования объединенных дворян были поддержаны правительством П.А.Столыпина, которое стало претворять в жизнь политику проведения либеральных реформ, и в том числе – столыпинской земельной реформы, цель которой состояла в том, чтобы сохранить экономические привилегии дворян за счет уничтожения сельской общины, с тем чтобы существенно расширить слой земельных собственников в деревне.

Важным итогом 1905-1907 гг. стал рост самосознания крестьянства, которое прошло большой путь от единичных выступлений к массовому аграрному движению, где преобладали коллективистские формы борьбы, все более приобретающие политическую окраску. При всей ограниченности и наивности попыток не выходя за пределы своего села или волости добиться земли и свободы, крестьяне решительными действиями по организации новых органов народовластия – крестьянских республик, комитетов, союзов, братств стремились поднять крестьянское движение на качественно новую ступень.

ГЛАВА IV

НА КРУТОМ ПОВОРОТЕ

Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября – помещичий закон... и только начинают его применять в нашей местности, как у новых помещиков, как говорят наши крестьяне, горят дома.

*Из речи депутата
III Государственной думы
А.Е.Кропотова*

Дальнейшему развитию социальной активности крестьянства способствовала столыпинская земельная реформа. Идя навстречу эгоистичным устремлениям поместного дворянства, нуждавшегося в дешевой рабочей силе, самодержавие в пореформенный период предприняло ряд мероприятий для сохранения сельской земельной общины. Помещики считали, что “мужику пока необходима опека “мира”, мужика пока еще рано выпускать на свободу: исключение можно сделать только для сильных, трудолюбивых семей...”¹ Взгляды дворян резко изменились уже в первые годы XX в., когда кризисные явления в аграрном строе России стали проявляться с большей силой. Нараставшая борьба крестьян за землю вынудила правительство приступить к разработке аграрной реформы и с этой целью созвать “Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности”, которое попыталось выявить причины возникновения кризиса и определить пути выхода из него. Тогда же были созданы уездные и губернские комитеты, большинство мест в которых получили дворяне и чиновники. В ходе работы комитетов наметилось стремление дворян к разрушению сельской земельной общины. Как отмечает М.С.Симонова, в правительственных кругах отчетливо “определилось разочарование в крестьянской общине как форме хозяйствования”². Традиционно дворяне-помещики видели выход из

Глава IV.
На крутом повороте

кризисной ситуации в сохранении помещного землевладения, расширении своих сословных привилегий, увеличении льгот при получении кредитов и уплате процентов по ним, развитии агрономической и ветеринарной помощи. На смену общинному землевладению должны были прийти участковые хозяйства хуторского типа. Правительство было вынуждено, в связи с ростом социальных конфликтов в деревне, пойти на некоторые уступки крестьянам и отменить такие остатки феодализма, как круговую поруку (закон от 12 марта 1903г.) и телесные наказания (манифест от 11 августа 1904 г.)³. Необходимость разработки нового аграрного законодательства была осознана и некоторыми политическими деятелями, к числу которых относился саратовский губернатор П.А.Столыпин. Но конкретная разработка основных направлений земельной реформы началась лишь в ходе революции 1905-1907гг., когда на съездах Совета объединенных дворянских обществ были сформулированы основные принципы столыпинской земельной реформы.

Надо сказать, что на разработку нового земельного законодательства большое воздействие оказали дебаты по аграрному вопросу в I Государственной думе. Прежде всего не оправдались надежды правящих кругов на крестьянских депутатов как на опору самодержавия. Развевались иллюзии и у либеральной буржуазии, которая рассчитывала перетащить их в лагерь оппозиции. Самое главное состояло в том, что их революционный настрой опирался на мощное приговорное движение, которое развернулось в ходе избирательной кампании. Таким образом, между выступлениями крестьян-трудовиков в Думе и приговорами и наказами прослеживается генетическая связь. В.И.Ленин высоко оценивал значение выступлений депутатов-крестьян в Думах: “Речи крестьян в Думе имеют огромное политическое значение, так как в них выражается то страстное желание избавиться от помещичьего гнета, та пламенная ненависть к средневековью, бюрократии, та стихийная, непосредственная, часто наивная и не вполне отчетливая, но в то же время бурная революционность простых крестьян, которая лучше, чем длинные рассуждения, доказывает, какая потенциальная разрушительная энергия накопилась в крестьянских массах против дворянства, помещиков и Романовых”⁴.

Столыпинское аграрное законодательство означало, что господствующие классы предприняли еще один шаг по пути развития капитализма по “прусскому” образцу. Но это отнюдь не означало, что в России в пореволюционный период практически отсутствовали альтернативы социально-экономического и политического развития. Борьба за “прусский” или “американский” тип аграрной буржуазной революции вступила в новую

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

фазу⁵. Это означало, что правительство П.А.Столыпина пыталось сгладить остроту революционного кризиса путем реформирования деревни. Несмотря на то, что в этот период в известной мере произошел спад революционного настроения масс, в русском крестьянстве сохранялись революционные потенции, а само крестьянство было объективно подготовлено к новому революционному подъему⁶. Преодолевая сомнения, разочарование, крестьянство искало новые методы борьбы, от наступательных форм все чаще прибегая к оборонительным. Крестьянство сумело понять реальную опасность осуществления на практике столыпинской земельной реформы для сельской поземельной общины.

Новый поворот в правительственной политике состоял в том, что самодержавие, пытаясь спасти экономические и политические привилегии дворянства, вынуждено было перейти от охраны старых общинных порядков к решительной ломке общины. Таким образом столыпинское земельное законодательство было направлено на то, чтобы сохранить помещичью земельную собственность, расколоть и уничтожить общину, усилить позиции земельных собственников из числа крестьян в деревне. Правительство рассчитывало отвлечь крестьян от борьбы против помещиков⁷. Оно пыталось расширить слой земельных собственников в деревне за счет хуторян и отрубников, которые и должны были стать новой социальной опорой самодержавия. Новая аграрная политика должна была по существу дать экономическую свободу тем крестьянам, которые пытались вырваться из под опеки общины, но инициаторы реформы вольно или невольно ставили задачу разрушить и уничтожить сохранявшиеся в крестьянском сознании коллективистские традиции и те ценностные ориентиры, которые защищал сельский “мир”.

Эти идеи Совета объединенного дворянства и П.А.Столыпина вполне отвечали устремлениям консервативной части поместного дворянства. “Мы, провинциалы, - писал В.В.Шульгин, - твердо стали вокруг Столыпина и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли “через волю” они не получают, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли – в “отрубках”, в “хуторах”, как тогда говорили и, наконец, что “волю” народ получит только “через землю”...⁸.

В последнее время в публицистике предпринята попытка расценить столыпинские реформы и, прежде всего, аграрное законодательство как “революцию сверху”. В частности, Н.Я.Эйдельман считает, что в 1905-1907 гг. “история предложила России три варианта развития”: 1) продолжение рево-

Глава IV.
На крутом повороте

люции снизу, что представляется весьма реальным; 2) контрреволюция сверху; в какой-то степени она осуществляется: переворот 3 июня 1907 года – разгон II Государственной думы – довольно отчетливый пример. Однако большего по сложившемуся соотношению сил правители себе позволить не могли. Кроме нового избирательного закона, увеличившего представительство в Думе крупных землевладельцев и буржуа, никаких серьезных контрреформ не последовало. Совсем ликвидировать Думу, отнять ряд отвоєванных свобод – об этом мечтали лишь самые безумные черносотенцы и оголтелые члены Союза объединенного дворянства; 3) при угрозе новой революции снизу и скромных успехах контрреволюции сверху делается попытка третьего пути – еще одной революции сверху...”⁹.

Такой подход явно противоречит исторической истине. Во-первых, вряд ли было возможным продолжение революции снизу в условиях того времени. Общеизвестно, что с 1906 г. начинается отлив революционного настроения, наблюдается усталость масс, в известной мере проявляются скептицизм и разочарование. Манифест 17 октября 1905 г., выборные кампании в I и II Государственные думы возрождали в сознании народа, в том числе и крестьянства, иллюзорные надежды на Думу. Конечно, политическая система в России видоизменялась: дворянская монархия эволюционировала в буржуазную. Но вместе с тем Государственная дума, по образному выражению американского историка А.Рабиновича, “была бледным подобием западных парламентов”¹⁰. Второе замечание касается взаимоотношений П.А.Столыпина с Советом объединенного дворянства. Основные направления столыпинской реформы обсуждались правительственными кругами и дворянством еще до революции. Они были существенно дополнены на съездах объединенного дворянства. На мой взгляд, деятельность П.А.Столыпина в 1906 – первой половине 1907 г. (именно в это время в Совете объединенного дворянства весьма активно обсуждалась концепция обновления России, а правительство издавало указы, ставшие основой нового земельного законодательства) была очень близка к интересам Совета объединенного дворянства. В этот период взгляды П.А.Столыпина совпадали с идеями Совета объединенного дворянства. Поэтому я говорю о генетической связи между столыпинским земельным законодательством и аграрной программой объединенного дворянства. Кстати сказать, сопоставительный анализ статей Положения 19 февраля 1861 г. и Указа 9 ноября 1906 г. позволяют сделать вывод о том, что самодержавие шло торной дорогой. Так называемые столыпинские “новеллы” были повторением старого, так как Положение 19 февраля 1861 г. разрешало после выплаты выкупных платежей выход крестьян из общины и сведение наделов в один участок.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Разногласия между П.А.Столыпиным и Советом объединенного дворянства (о проводимой политике и реформах) были, но их нельзя рассматривать как антагонистические противоречия.

Столыпина и объединенных дворян сближало главное: как можно быстрее загасить революционное движение и создать союз между буржуазией и дворянством для того, чтобы оформить такую политическую систему, которая позволяла бы эффективно осуществлять новые реформы. И наконец, реформы Столыпина не могли существенно изменить прерогатив власти монарха и дворян, они оставляли в неприкосновенности помещичье землевладение и имели паллиативный характер. Фактически была торпедирована Государственным Советом и реформа местного самоуправления. Поэтому говорить о том, что реформы Столыпина есть не что иное, как революция сверху, вряд ли имеет смысл. Наконец, третье замечание касается того, что, по мнению Н.Я.Эйдельмана, столыпинская земельная реформа насаждала фермерство¹¹. Общеизвестно, что в центральных уездах России сохранявшееся помещное землевладение создавало реальные возможности для развития не фермерских, а хозяйств grosсбуэров.

В обширной научной литературе по истории столыпинской аграрной реформы имеется несколько точек зрения об итогах землеустроительных работ. Совсем недавно публицист В.Селюнин, основываясь на данных официальной статистики и материалах русских буржуазных историков-экономистов А.А.Кофода, А.Изгоева, Б.Бруцкуса, явно преувеличил итоги реформы. Он считал, что к лету 1917 года 62,5% крестьянской земли “находилось в частной собственности и личном владении, то есть не в общинах”¹². Конечно, если суммировать все крестьянское личное землевладение, а оно стало формироваться еще в пореформенный период, то действительно получится весьма внушительная цифра, которая может поразить воображение впечатлительного публициста. Эти данные не соответствуют действительности. Вероятно, автор суммировал земли, купленные крестьянами после реформы 1861 г., и земли столыпинских выделенцев. Между тем, первая категория купленных земель принадлежала когда-то помещикам, а вторая – общинам.

Безусловно, в 1907-1917гг. наблюдался рост частного крестьянского землевладения и это было одним из итогов проводимой правительством столыпинской земельной реформы. Этот рост произошел за счет продажи казной крестьянам 246430 дес. земли. Кроме того, как известно, в ходе землеустроительных работ в рыночный оборот были включены надельные земли: в 1907-1915 гг. на земельный рынок поступило 4159954 дес. надельной земли. Существенно возросла активность Крестьянского поземельного бан-

Глава IV.
На крутом повороте

ка: за этот же период он продал отдельным домохозяевам 2931316 дес., а товариществам и обществам - 447412 дес. земли. Отдельные домохозяева также при содействии Крестьянского банка купили у помещиков и других частных владельцев 805245 дес., а товарищества и общества – 3802040 дес. Суммируя эти данные, получаем 1239239 дес. земли. Но из этой цифры необходимо исключить 240757 дес. земли, которая была отобрана Крестьянским банком у тех покупателей, которые не могли уплатить в срок платежи по полученным ссудам. Итак, крестьянское частное землевладение в 1907-1915 гг. возросло на 12151640 дес. земли.

По данным С.М.Дубровского, к 1 января 1916 года из общины вышли 2008432 домохозяина. Кроме того, по закону 14 июня 1910 г. получили удостоверительные акты 463792 домохозяина. Всего воспользовались правом выхода из общины и укрепили землю в личную собственность 2478224 домохозяина или 22% на площади 15919208 десятин, т.е. 14% общинной земли¹³. Эти данные говорят о том, что самодержавию не удалось уничтожить общину. Да это и понятно. Ведь реформирование аграрного сектора экономики должно было вестись, по мнению П.А.Столыпина, около 20 лет. Проведению реформы помешали мировая война и революция 1917 г.

Мотивы выхода крестьян из общины были различны. Указом от 9 ноября 1906 г., а затем законом 14 июня 1910 г. воспользовались как беднота, так и средние и зажиточные хозяева. Беднейшие хозяйства укрепляли наделы в личную собственность с целью продажи ее и переселения на земли Крестьянского поземельного банка, или в связи с переселением в Сибирь, или же уходом в промышленные центры. В конечном счете, готовность к выходу из общины определенной части бедноты, независимо от целей, которые преследовал Столыпин, создавая для этого выхода правовую основу, свидетельствует об углублении процесса разрыва патриархальных связей индивида и социума (общины) и появлении некоторых новых явлений в духовной жизни деревни.

Вызывают возражения и отдельные тезисы В.Г.Сироткина. В частности, говоря об итогах реформы, историк ставит ряд вопросов: кто давал товарную продукцию, кто кормил город, чей хлеб шел на экспорт? “Общины? Да нет же, у общинных крестьян Центральной России и своего хлеба до Покрова не хватало. Кормили город и экспортировали хлеб крупные помещики-аграрии (“экономии”, как их называли на Украине) и столыпинские “кулаки”-хуторяне”¹⁴. Обратимся к трудам таких авторитетных ученых, как И.Д.Ковальченко и В.С.Немчинов. И.Д.Ковальченко убедительно доказал, что в эпоху капитализма роль помещичьего хозяйства в производстве сельскохозяйственных продуктов падала, а крестьянского повышалась¹⁵. По

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

подсчетам В.С.Немчинова, помещики производили до революции 600 млн. пудов (12%), зажиточные крестьяне – 1900 млн. пудов (38%), середняки и беднота - 2500 млн. пудов (50%)¹⁶. Как видим, удельный вес крестьянских хозяйств в производстве зерна был высоким, к тому же для многих беднейших хозяйств и середняков поставка хлеба на рынок была вынужденной, так как осенью нужно было уплатить налоги и различные сборы, погасить недоимки. Помещики продавали на рынке 281,6 млн. пудов¹⁷. Комментарии, как говорится, излишни.

Известно, что 30 марта 1905 г. было образовано Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения. 5 мая 1905 г. правительство учредило комитет по земельным делам и преобразовало Министерство земледелия и государственных имуществ в Главное управление земледелия и земледелия. Следует также отметить Указ от 3 ноября 1905 г., наполовину уменьшавший с 1 января 1906 г. выкупные платежи; окончательно они были отменены с 1 января 1907 г., что позволило крестьянам использовать эти средства на другие нужды хозяйства. Указ от 9 ноября 1906 г., принятый в порядке 87 статьи Основных законов Российской империи (так называемое внедумское законодательство), предусматривал выход крестьян из общины и укрепление земельных наделов в личную собственность в тех обществах, в которых не было общих переделов в течение двадцати четырех лет, предшествующих заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному. За каждым таким домохозяином укреплялись в личную собственность, сверх усадебного участка, все полосы надельной общинной земли, состоявшие в его постоянном (не арендном) землепользовании.

В общинах, где были переделы, выделившийся крестьянин также мог укрепить весь земельный надел, но за излишнюю землю по сравнению с положенным ему количеством “по числу разверсточных единиц в его семье” он должен был уплатить общине. Плата производилась “по первоначальной средней выкупной цене за десятину”, т.е. в 2-3 раза меньше, чем община фактически уже выплатила государству в порядке выкупной операции.

Статья 12 Указа устанавливала выделившимся из общины крестьянам право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему взамен полос в разных полях соответственный участок, по возможности в одном месте.

К этому акту примыкает указ от 15 ноября 1906 г. “О праве залога надельных земель”. Принятие этого указа расширило деятельность Крестьян-

Глава IV.
На крутом повороте

ского поземельного банка по насаждению хуторов и отрубов и выдаче ссуд под залог наделных земель.

Указ 9 ноября 1906 г. и принятый III Государственной думой закон 14 июня 1910 г. (который подтверждал этот указ и официально упразднял общины, не производившие общих переделов в течение 35 лет) на практике свидетельствовал о том, что правительство в решении аграрного вопроса шло старой торной тропой, перекладывая центр тяжести прежде всего на плечи сельской поземельной общины.

Закон 14 июня 1910 г. юридически закреплял политику правительства в отношении общины. Огромное значение придавалось созданию хуторских и отрубных хозяйств. Необходимо отметить, что закон 14 июня 1910 г. устанавливал новый порядок перехода целых селений и общин к отрубному владению: вопрос о выходе из общины и укреплении земли решался на сельском сходе простым большинством голосов, вместо большинства в 2/3 голосов, как было прежде.

Вершиной столыпинского аграрного законодательства является “Положение о землеустройстве”, принятое 25 мая 1911 г. Оно расширяло права землеустроительных комиссий по насаждению хуторов и отрубов не только на наделной земле, но и на вненаделных землях крестьянских товариществ и единоличных собственников. Землеустроительным комиссиям предоставлялось право разбирать споры и жалобы, возникающие при землеустройстве.

Землеустроительные комиссии производили выдел отдельных домохозяев из общины, разверстывали общинные и подворно– наследственные земли на хутора и отруба. К тому же землеустроительные работы проводились в сложных однопланых общинах, где необходимо было произвести раздел между селениями, частями селений, выдел земли выселкам. Такой вид работ был необходим для создания впоследствии на этих землях хуторских и отрубных хозяйств. Наряду с проведением землеустройства на наделных землях существенно расширялась деятельность Крестьянского поземельного банка и переселение в другие районы страны.

Сельская поземельная община и в начале XX века жестко регламентировала как экономическую, так и духовную жизнь крестьян. В какой-то степени она закрепощала крестьянина тем, что лишала его свободы выбора, или во всяком случае резко ограничивала его возможности. Говоря современным языком, жизнь крестьянина была запрограммирована, или задана всем хозяйственным укладом и традициями, восходившими к древнему прошлому. Как известно, патриархальные регулятивные системы отличает отсутствие у индивидов права выбора, весьма ограниченные воз-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

возможности выхода их за пределы заданных образцов. Формирование личности есть процесс ломки патриархальных рамок и происходит он в крайне резкой форме – индивидуум как бы противопоставляет свое “Я” – “миру” – социуму (в сознании выделенца “мир” ассоциируется с “Они” – общинники). Тем самым выделенец стремится к полной и абсолютной автономии от окружающих. Это противопоставление своего “Я” – “миру” осуществлялось на практике уже в момент подачи заявлений выделенцами о выходе из общины и укреплении земельных наделов в личную собственность, так как он разрывал связи не только с укладом жизни, но и с мирскими традициями. Конечно, среди выделенцев были представители разных социальных слоев¹⁸. Указом 9 ноября 1906 г. воспользовались, прежде всего, зажиточные хозяева, которых депутат III Государственной думы Н.Е.Марков 2-й определял как класс “мелких собственников или крестьян-помещиков”¹⁹. Но среди вышедших из общины были и бедняки. Появление среди бедноты людей, решивших порвать навсегда связи с деревней, пойти наперекор “мнению всех”, переориентировать себя на город и превратиться из крестьянина в рабочего стало важной социально-психологической предпосылкой появления личности нового типа в деревне, способной в 1917 г. встать во главе низовых крестьянских организаций и повести за собой массы.

Рассмотрим подробнее мотивы выхода крестьян из общины. Ценнейший материал по этому вопросу содержится в анкете Вольного экономического общества, которая была обработана И.В.Чернышевым²⁰. Кроме того, весьма велика информативная емкость таких источников, как “Опросные листы для собирания сведений об укреплении в личную собственность наделов на основании закона 14 июня 1910 г. по уездам Казанской губернии”, корреспондентские карточки земств, жалобы и заявления крестьян на действия землеустроителей. Лаконичные ответы крестьян отражают их отношение к политике аграрного бонапартизма. В анкетах, опросных листах и заявлениях крестьяне прямо и недвусмысленно указывали, что дело не столько в форме землевладения, а в том, что “земли мало”²¹. Крестьянин М.В.Савинов из Казанского уезда писал: “Хуторское хозяйство, конечно, хорошо только тем, у кого надел земли достаточен”²². Корреспондент Вольного экономического общества (Наровчатский у. Пензенской губ.) отмечал: “У помещиков, конечно, цель та, насадить более собственников и тем умножить себе товарищей, чтобы в будущей борьбе сделать перевес против малоземельных крестьян. Цель единственная – захватить земли (по милости указа 9 ноября), но никак не для улучшения хозяйства, и этот захват конечно поведет к непримиримой вечной вражде; пройдет время, создадутся несчастные безземельные, которые вместо защитников отечества будут непримиримы-

*Глава IV.
На крутом повороте*

ми врагами”²³. И.Д.Дикунов, крестьянин с.Караваево Казанского у., писал, что большинство крестьян предпочитает общинную форму землевладения, и указывал следующие причины: пастьба скота, учение детей, церковь, заносы во время зимы, привычка²⁴.

Земельные наделы укрепляли в личную собственность три группы хозяйств: беднейшие – с целью продажи и переселения или на банковские земли или в Сибирь, на Алтай и в Казахстан; средние – для улучшения землепользования и зажиточные – для закрепления за собой излишков земли. Отметим, что удельный вес продавцов надельной земли от общего числа укрепивших землю в личную собственность достиг за период с 1907-1914 гг. 82,5%. Общее количество продавцов составило 1080666 человек, они продали 3767872 дес. земли или 86,4% укрепленной земли²⁵. По количеству проданной земли на первом месте стоял Южный Степной район, за ним шел Центрально-Черноземный, затем – Юго-Восточный Степной, Центрально-Промышленный. Как правило, укрепляли землю в личную собственность две полярные группы: беднота и зажиточные хозяева. Например, в Самарском у. Самарской губ. при обработке подворной переписи крестьянских хозяйств земские статистики обнаружили тенденцию выхода из общины двух крайних групп – первая группа не вела хозяйства на земле и относилась к беднейшему крестьянству. Это были крестьяне, которые занимались отходом, или переселялись в другие районы страны. Сравнительно небольшая группа домохозяев, имеющая посев свыше 15 дес. земли, укрепила в личную собственность такую же площадь земельных угодий, что и многочисленная группа беспосевных хозяйств²⁶.

Известно, что процесс социальной дифференциации в русской деревне зашел довольно глубоко, в этой связи многие крестьяне порывали связи с земледелием. Укрепляя наделы и сводя их в одно место, они рассчитывали дороже их продать. Например, крестьянин дер. Федоровка Лаишевского у. Казанской губ. укрепил землю в связи с тем, что “имел семью в 8 человек и скудные средства к жизни. В укреплении земли я увидел случай получить помощь через продажу надела, так как по причине малоземелья не надеялся заниматься сельским хозяйством и прокормить им свою семью, а потому я его продал”²⁷. Некоторые крестьяне укрепляли земельные наделы в личную собственность для того, чтобы затем сдать эти участки земли в аренду. Часть крестьян выходила из общины для того, чтобы ликвидировать чересполосицу и дальнотемелье, выделить ее к одному месту и вести на ней отрубное или хуторское хозяйство. Крестьянин с. Ошняк Лаишевского у. Казанской губ. мотивировал причины укрепления земли тем, что у него “в трех полях 45 полос, то я и укрепил... с тем, чтобы соединить ее всю вместе

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

и чтобы удобнее ее было обрабатывать”²⁸. Другой крестьянин из Лаишевского у. писал: “Живя в общине, невозможно даже вести точное хозяйство, потому что земля, которую ты обрабатываешь, находится не в одном месте, как на участке, а в нескольких местах, потому и не знаешь точно количество земли”²⁹. Корреспондент из с. Алдиярово Цивильского у. Казанской губ. вышел из общины в связи с тем, что из-за переделов удобренная земля передавалась другим владельцам³⁰.

Большинство крестьян относилось к столыпинской земельной реформе настороженно, а то и резко отрицательно. Сразу же после издания указа 9 ноября 1906 г., законодательно закреплявшего право выхода крестьян из общины и укрепления земельных наделов в личную собственность, во многих приговорах и наказах во II Государственную думу было выражено несогласие с этим законодательным актом. По данным Е.Г.Василевского, указ 9 ноября 1906 г. получил негативную оценку на сельских сходах 15 губерний Европейской России³¹. Например, в приговоре крестьян с. Чернозелья Мокшанского у. Пензенской губ. говорилось: “Закон 9 ноября дает возможность богачам захватить всю надельную землю в свои руки и оставить бедных совсем без земли”³². Это суждение созвучно с заявлением крестьян д. Засорина Никольского у. Вологодской губ. в земельную комиссию III Государственной думы: “Гг. члены Государственной думы, вы знаете, что землю выкупали общинно 40 лет с лишним, и за все эти 40 лет земля переходила из рук в руки, т.е. от одного к другому. Почему же господа составители закона не позаботились о тех, у которых закон последний кусок отнимает и передает тому, у которого хлебом полны амбары. Потому, что лишняя земля оказывается с последнего передела, 4 года выкупал, а теперь берет в собственность.

Г(оспода) ч(лены) Гос(ударственной) думы, этот указ 9 ноября, личную собственность в нашей местности отменить навсегда, а дать крестьянам землю делить самим по местным обычаям, по числу наличных едоков”³³. Беднота и середняки расценивали этот указ как “закон помещичий, барский”. И.В.Чернышев правомерно считал, что бедняк “пока держится за “мир”, за деревню не потому, что он склонен к коммунизму, а деревня представляется фаланстером” – какой ад царит в деревне – ему прекрасно видно – а потому, что он без деревни боится совсем пропасть. Он делает мысль о земельной прирезке; может быть он верит, что “миром” ему легче будет получить эту прирезку...”³⁴.

По мнению крестьян, сельская община, хорошо или плохо, гарантировала защиту крестьян от произвола властей, она выступала за сохранение традиций и обычаев. Именно она осуществляла на практике равенство всех ее

Глава IV.
На крутом повороте

членов, взаимопомощь, с ней они связывали свои надежды на получение земли. Демократическое большинство общины продолжало надеяться на то, что все частновладельческие земли должны перейти в ее пользование бесплатно. Крестьяне Екатеринославской губ. не одобряли закон “о выделе из общины”, – писал в департамент полиции начальник Харьковского охранного отделения Д.Л.Якобсен, – так как он ослабляет общинную жизнь и ведет к обеднению выделившихся, которые продают землю, а деньги проживают, увеличивая собой сельский пролетариат”³⁵. На многих сельских сходах крестьяне открыто говорили о негативных сторонах столыпинского землеустройства. 1 января 1907 г. сельский сход крестьян с. Писцова Костромской губ. постановил: “Это не закон, а ловушка нашему брату”³⁶. Более того, под влиянием революционной пропаганды крестьяне Чистопольского у. Казанской губ. считали, что нужно всеми мерами стараться побудить народ против этого закона”³⁷. Крестьяне с. Домашки Самарской губ., решительно выступив против проведения землеустроительных работ, 18 августа 1911 г. заявили земскому начальнику и землемеру: “Не признаем вашего закона. Наши отцы и деды жили в общине, а вы выдумали какой-то новый закон”³⁸.

Столыпинское землеустройство проводилось в жизнь с помощью репрессий, насильственными мерами по отношению к крестьянству. В период реформы крестьянству пришлось вести оборонительные бои; внешне масштабы движения по сравнению с 1905-1907 гг. сократились, оно как бы ушло вглубь, уменьшилось количество участников и продолжительность крестьянских выступлений. Но удельный вес выступлений продолжал оставаться высоким, он превосходил дореволюционный период. Наличие двойного рода противоречий определяло содержание и направленность борьбы в русской деревне. Своеобразие состояло в том, что в 1907-1914 гг. доминантой продолжала оставаться первая социальная война – борьба всего крестьянства против крепостнических пережитков за революционное решение аграрного вопроса. Но вместе с тем возросли социальные антагонизмы внутри крестьянства (между демократическим большинством деревни и зажиточной сельской верхушкой), которой новая аграрная политика предоставила возможность поживиться за счет общины. Иными словами, в исследуемый период возросло количество выступлений, относящихся ко второй социальной войне. К сожалению, в исторической литературе пока нет еще четкого определения понятия “вторая социальная война”. Традиционно историки используют высказывания В.И.Ленина, сделанные им в работе “К деревенской бедноте”: “Первый шаг в деревне – полное освобождение крестьянина, полные права ему, устройство крестьянских комитетов для воз-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

вращения отрезков. А последний наш шаг и в городе, и в деревне один будет: *отберем все земли, все фабрики у помещиков и у буржуазии и устроим социалистическое общество*³⁹. Иными словами, внутрикрестьянская борьба должна, по мысли В.И.Ленина, завершиться установлением социалистических отношений в деревне. Но крестьянство и в начале XX в. все еще продолжало оставаться классом-сословием, находившимся в феодальной обложке. Столыпинская земельная реформа была прогрессивна в социально-экономическом плане, ибо она даже при сохранении поместного землевладения в какой-то степени, хоть и в отдаленной перспективе, вела к расчистке полукрепостнических отношений в землепользовании и землевладении. П.А.Столыпин, проводя реформу методами насилия, стремился уничтожить сельскую поземельную общину, которая, как известно, сдерживала развитие капитализма. «Как земельно-пердельный аппарат, – пишет В.Г.Тюкавкин, – как союз по владению землей, община была полукрепостнической, и крестьянство выступало против нее»⁴⁰. Столыпинская земельная реформа еще более углубила водораздел между теми, кто пытался разрушить общину, и сторонниками сохранения ее. В русской деревне, как отмечает видный исследователь аграрных отношений начала XXв. В.Г.Тюкавкин, «тесно переплетались два противоположных течения: одно антиобщинное (со стороны кулачества и части бедняков, желавшей выйти из общины), другое – за сохранение общины»⁴¹. По-моему, в крестьянской борьбе против столыпинского землеустройства, которую следует отнести ко второй социальной войне, имелись и элементы первой социальной войны, так как правительство реализовало реформу традиционными приемами и методами.

Несмотря на наличие большого числа исследований по истории столыпинской земельной реформы, до сих пор мы не располагаем достаточно полными данными о масштабах крестьянского движения в 1908-1914 гг. Отсутствие единой методики подсчета крестьянских выступлений негативно сказалось на изучении количественных характеристик крестьянского движения. В новейших исследованиях обычно приводятся данные С.М.Дубровского и подсчеты, сделанные составителями сборника документов «Крестьянское движение в России в 1907-1914 гг., которые дают общее представление о масштабах и динамике аграрного движения. Я считаю целесообразным включить в таблицу данные Г.А.Герасименко о применении властями вооруженных санкций против крестьян при проведении землеустроительных работ»⁴².

Надо отметить, что С.М.Дубровский приводил общие данные о борьбе крестьянства, объединяя выступления против помещиков, царской админи-

*Глава IV.
На крутом повороте*

страции и против столыпинского землеустройства вместе. Составители сборника “Крестьянское движение в 1907-1914гг.” пошли по линии разделения этих данных. В целом мы констатируем увеличение удельного веса выступлений против столыпинского землеустройства, что представляло в тот период новую форму массового (особенно, начиная с 1910г.) аграрного движения. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные Г.А.Герасименко (см.табл.).

Таблица
Динамика выступлений крестьян в 1908-1914 гг.*
(до 1-й мировой войны)

Годы	Количество крестьянских выступлений		
	по данным С.М.Дубровского	по данным сборника “Кре- стьянское движе- ние...”	по данным Г.А.Герасименко**
1908	855	264	18
1909	819	328	34
1910	928	198	76
1911	507	243	74
1912	307	291	60
1913	128	173	38
1914	86	86	36
Итого	3630	1583	337

* Данные взяты из монографии: Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С.117.

** Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов., 1985. С.91, 173, 185, 196, 208, 267.

Борьба крестьян против новой аграрной политики шла в различных формах. Прежде всего, мощное противодействие развернулось уже на стадии выборов в землеустроительные комиссии. Из-за бойкота крестьянами выборов в 1906 г. землеустроительные комиссии были образованы лишь в 184 уездах⁴¹. Противодействие столыпинскому землеустройству усилилось на сельских сходах, которые рассматривали и утверждали заявления крестьян о выходе из сельской общины и укреплении земли в личную собственность. Выше я говорил об активизации общины в связи с обсуждением

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

на сельских сходах приговоров и наказов крестьян депутатам I и II Государственных дум, а также о процессе формирования в ходе революции 1905-1907 гг. демократического большинства в деревне. Эти процессы возросли в период проведения столыпинской земельной реформы. Община, резко осуждая частнособственнические устремления выделенцев, не давала согласия на укрепление в личную собственность надельной земли. На настроения крестьян определенное воздействие оказывала агитация социал-демократов, эсеров, крестьян-отходников, которые призывали не повиноваться властям, не подчиняться указу 9 ноября 1906 г. о выходе из общины и укреплении земельных наделов. Но большее значение имело то, что община как любой социальный организм должна была выработать эффективную систему самозащиты, самосохранения. Безусловно, в новых условиях важное значение приобрела приверженность крестьян к “старине”, а иногда и апелляция к тому героическому времени деревенского “мира”, когда “мир стоял единым фронтом против власти бар и чиновников”⁴³. Важную роль продолжали играть патриархальные общинные устремления крестьян, так как ареал патриархальной психологии оставался еще довольно широким. Как видим, столыпинская реформа создавала условия для оживления традиций, сплочения крестьян в защите своего общинного строя. Я считаю, что на воззрения крестьян не могла не влиять идея равенства, которая находила свое конкретное воплощение в их стремлении всех уравнять. Уравнивательные идеи особенно преобладали в сознании деревенской бедноты, существенную часть которой составляли в Центральной России пауперы. В целом сельская поземельная община, несмотря на все позднейшие деформации, продолжала играть роль товарищеского союза, сохранявшего демократические традиции, поэтому борьба за сохранение общины имела прогрессивный характер. Немаловажное значение имело стремление крестьян сохранить земельные угодья, не допустить расхищения главного богатства общины – земли и других владений. Но с другой стороны, наряду с экономическими мотивами крестьян не менее важную роль играли их патриархальные общинные устремления, что позволяет видеть элементы консерватизма в их сознании. Особенно наглядно это проявлялось в стремлении крестьян вернуть земли отрубников и хуторян обратно в сельский “мир”.

Особое недовольство крестьян вызвало положение указа 9 ноября 1906 г., а затем и закона 14 июня 1910 г., по которому все вышедшие из общины могли свести свои полосы в один участок в лучшем поле. Таким образом, самые плодородные общинные земли отдавались выделенцам, а крестьянам-общинникам оставались земли худшего качества. Не случайно поэтому хуторяне и отрубники, даже имевшие от 1 до 5 дес. земли, в сознании кре-

Глава IV.
На крутом повороте

стьян-общинников ассоциировались с помещиками (новые помещики). Многие сельские сходы отказывались утверждать приговоры об укреплении земли в личную собственность. Крестьяне слобод Казацкой и Стрелковой Белгородского у. Курской губ. в течение двух лет отказывались от проведения землеустроительных работ. Когда часть крестьян, в числе которых были сельские старосты, подала заявления о выходе из общины, то сельский сход сменил “своих старост-собственников и избрал новых старост-общинников, которым без утверждения земским начальником передал (должностные) знаки”⁴⁴. Обычно на сельских сходах крестьяне заявляли выделенцам: “Кто укрепитя в своем земельном наделе, то за это будет послан на самую плохую землю”⁴⁵. Крестьяне, желающие выделиться из общины, проявляли нерешительность и колебания. В районах преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции, например, в Тамбовской губернии, губернатор отметил боязнь крестьян выходить из общины, так как общинники “почти всегда относятся к таким заявлениям недоброжелательно”. Далее губернатор писал, что община требовала выселения из деревни выделенцев за 10 и более верст от села, “куда крестьяне в малом числе (переселяться) опасаются”⁴⁶. Как видим, экономической основой борьбы против столыпинского землеустройства было стремление крестьян не только сохранить общинные земли, но и вернуть отрубщиков и хуторян обратно в сельский мир.

Отказ крестьян утвердить на сельском сходе приговоры об укреплении земельных наделов замедлял проведение землеустроительных работ. Нередко крестьяне подавали апелляции в судебные инстанции на действия земских начальников и землеустроительных комиссий, которые разрешали выход из общины вопреки ее желанию. Вопрос о выходе из общины стал самым жгучим, самодержавное правительство неожиданно для себя получило нежелательный побочный результат: обсуждение на сельских сходах приговоров об укреплении земли привело к усилению деятельности общины, она стала решать больший круг вопросов, чем до революции 1905-1907 гг.

Противодействие крестьян правительственной аграрной политике было основано на том, что они объективно стремились к ликвидации частной собственности на землю, а субъективные их желания сводились к равному землепользованию. Поэтому малоземельные и средние хозяева видели в общине единственное средство от разорения и нищеты. Это мнение было широко распространено в русской деревне. Крестьяне уже давно настороженно относились ко всяким “новшествам” со стороны царизма. Они привыкли к тому, что всякие изменения в укладе деревенской жизни

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

направлены против них и проводятся для еще большего их угнетения. В сознании подавляющих масс крестьянства такое представление утвердилось прочно и это, несомненно, сказалось на характере и размахе противодействия столыпинской реформе. К тому же при проведении землеустроительных работ рушился многовековой традиционный крестьянский уклад жизни крестьян. На темпы землеустройства, которые были различны в зоне преобладания “прусского” и “американского” путей аграрной эволюции, влияли и такие факторы, как сила привычки к “старине”, к традициям, тяга к новому. Не все жители деревни были готовы к тому, чтобы преодолеть сложившийся стереотип поведения, разорвать все связи с общиной и переселиться на хутора⁴⁷.

Столыпинское землеустройство еще более запутало поземельные отношения, так как значительная часть помещичьих земель, ранее арендовавшихся крестьянами, перешла в распоряжение Крестьянского поземельного банка, который на этой земле создавал хуторские хозяйства. Из-за высоких цен на землю местные крестьяне не могли купить эти земли, так как банк продавал участки под хутора сельской буржуазии или переселенцам из других губерний. Сокращение арендного земельного фонда вело к обострению противоречий внутри общины и вне ее. Столыпинская земельная реформа усилила крестьянское движение, оно обогатилось новыми формами борьбы в связи с ростом удельного веса выступлений, относящихся ко второй социальной войне. Доминирующую роль в крестьянской борьбе стала играть активная защита своих прав, упорное сопротивление администрации при проведении землеустройства. Как отмечает Г.А.Герасименко, наиболее типичными формами оппозиции в деревне были следующие: антиправительственные выкрики на сходах, созванных для обсуждения указа; оскорбление членов землеустроительных комиссий, бойкот решений комиссий; жалобы во все инстанции; отказ давать деньги, лошадей, подводы и материалы, нужные для проведения межевых работ; помехи проведению землеустроительных работ и т.д.⁴⁸. Продолжали сохраняться и традиционные формы борьбы: порубки леса, потравы, захват и запашка помещичьих земель, уничтожение имущества, поджоги и разгромы экономий.

Крестьяне вели борьбу против помещиков, главным образом, на экономической почве. В 1907-1910 гг. поводом для выступлений был, как правило, отказ помещика сдать землю в аренду на более выгодных для крестьян условиях. Сельский сход с Воскресенской Лашмы Наровчатского у. Пензенской губ. 31 мая 1907 г. составил приговор, в котором запретил крестьянам большинства сел Наровчатского и Краснослободского уездов работать в имении крупнейшего помещика Арапова, так как помещицья земля обра-

Глава IV.
На крутом повороте

батывалась исполу на кабальных условиях, “причем на долю Арапова убирается самая лучшая земля”⁴⁹. 16 июня 1907г. крестьяне дер. Турханка Бугурусланского у. Самарской губ. самовольно скосили 20 возов сена в удельной лесной даче, оказали сопротивление стражнику и разгромили удельный дом, огород и пчельник⁵⁰. Крестьяне с. Старый Байтормыш Бугурусланского у. согнали сельскохозяйственных рабочих, копавших по распоряжению лесничего канаву на границе казенного леса, мотивируя это тем, что земля принадлежит обществу, а не казне⁵¹. Весной 1907 г. крестьяне с. Байгоровка Бузулукского у. Самарской губ. распахали и засеяли землю, сданную ими же в аренду купцу Татаренцеву⁵². 26 июля 1907 г. крестьяне дер. Павловка Бугульминского у. засеяли землю в имении Елачич⁵³. Как отмечал уездный исправник, крестьяне находились под воздействием агитации и считали, “что благосостояние помещиков создано на крови крестьян, а в особенности их отцов и дедов в крепостное время, и что теперь им следует получить барские земли бесплатно”⁵⁴.

За годы революции 1905-1907 гг. произошли заметные изменения в сознании и настроении крестьянства. Определенное влияние оказывали традиции общественного движения. В народной памяти сохранялись воспоминания о крестьянских войнах. Так, жандармский чиновник сообщал 15 января 1909 г. о том, что настроение населения в с. Верхней Тамунке Курмышского у. Симбирской губ. повышенное: “Крестьяне говорят, что если бы был субъект, подобный С.Разину и Е.Пугачеву, то они бы им, т.е. помещикам, показали свои когти”⁵⁵. В ряде сел Курмышского у. “видна скрытая злоба на помещиков, – сообщал тот же чиновник, – и идет разговор о бездействии Думы”⁵⁶.

Действенным методом борьбы крестьян против помещиков были поджоги. Например, в Казанской губ. в 1907г. 90% всех поджогов в губернии приходилось на долю помещичьих имений. Аналогичная ситуация складывалась в центральных губерниях Европейской России.

Приведенные наиболее типичные факты свидетельствуют, что борьба крестьян против помещиков носила, как правило, стихийный характер и выражала озлобленность и ненависть к владельцам имений. В то же время увеличивалось число выступлений от имени сельской поземельной общины, правовой основой для выступления был приговор схода. Царизму не удалось ликвидировать организованные формы классовой борьбы. И в этот период крестьяне осознавали необходимость организованных выступлений против самодержавного правительства, помещиков, сельской буржуазии.

Итак, крестьянское движение в 1907-1910 гг. развивалось по трем основным направлениям – против самодержавия, помещиков, а также против

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

зажиточных крестьян, хуторян и отрубников. Подъем второй социальной войны начался в 1909г., когда усилился процесс концентрации лучших наделных земель в руках сельской буржуазии. Выход крестьян из общины вовлек в рыночный оборот наделные земли, которые зажиточные крестьяне скупали за бесценок у бедноты. «Аграрная политика третьей Думы, – писал В.И. Ленин, – показала себя на деле в массе деревень и захолустий России, встряхнула застоявшиеся веками брожения, грубо вскрыла и обострила наличные противоречия, обнажила кулака и просветила его антиподов»⁵⁷. В русской деревне участились случаи, когда крестьяне открыто заявляли чиновникам о том, что реформа проводится в интересах зажиточных крестьян. При выделении крестьян д. Окуловой и Осиновки Оханского у. Пермской губ. общинники вывели на межу крестьянку Кожевникову с тремя детьми и, обращаясь к чиновнику, кричали: «Смотри, у какой бедноты ты отбираешь для богатого мужика землю»⁵⁸.

По мере проведения столыпинской реформы больше стала проявляться враждебность крестьян к зажиточным, хуторянам и отрубникам. Ненависть к ним выливалась в поджоги, уничтожение имущества, угрозы, а иногда и физические расправы над выделенцами. Крестьяне не допускали на сельские сходы хуторян и отрубников, не разрешали им пользоваться лугами, выгонами и сенокосами.

Говоря о развитии революционных настроений крестьянства, необходимо отметить, что укрепляли землю в личную собственность зажиточные хозяева и малоземельные крестьяне, о чем свидетельствуют данные земской статистики. Так, по данным подворной переписи крестьянских хозяйств Самарского у. Самарской губ., прослеживается тенденция выхода из общины двух крайних групп. Первая группа не вела хозяйства на земле, относилась к беднейшему крестьянству. Потеряв надежду на улучшение своего положения и на получение помощи от правительства, крестьяне этой группы продавали свои земли. «Растет обезземеливание, – отмечал В.И. Ленин, – а еще быстрее обнищание крестьян, растет путаница полос. Растет невероятная нужда в деревне. Растут голодовки»⁵⁹. Недовольство новой аграрной политикой охватило не только общинников, но и бедняков-хуторян. Об обострении классовой борьбы в деревне писала газета «Новое время». Явно сочувствуя кулакам, она отмечала, что «точно в неприятельской стране они испытывают партизанскую осаду со стороны одичавшей деревенской вольницы. Их жгут и травят, травят и жгут, «хоть бросай все и беги, куда глаза глядят»⁶⁰. Но можно ли назвать «одичалыми» настроения, которые были характерны для крестьян пореволюционного периода? Элемент стихийности, несомненно, присутствовал, но в крестьянском сознании оформляется

Глава IV.
На крутом повороте

представление о “кулаках-мироедах”, которые, концентрируя в своих руках надельную, купленную и арендованную землю, превращались в “новых помещиков”. Вольный “бунтарский” дух стал преобладающим в психологии крестьян, хоть отчасти осознавших себя в период революции 1905-1907 гг. полноправными гражданами России.

Протест, возмущение крестьян-общинников были направлены против всех, кто выделялся из общины, включая бедняков. Сообщения о волнении крестьян с.Кондаковки Ставропольского у. Самарской губ. являются характерными для многих уездов Европейской России. Так, общинники договорились сорвать сход и не допустить выдела укрепленной земли, а затем “были избиты крестьяне, за которыми была укреплена земля”⁶¹. Правда, отказ общинников дать приговор на выдел беднякам свидетельствует о сохранении в их сознании общинно-патриархальных устремлений. Крестьяне-общинники выступали не конкретно против бедняков, стремящихся выйти из общины, а в целом против аграрной реформы, направленной на разрушение общины.

Вражда к самодержавной власти проявлялась в неприятии крестьянами действий чиновников, земских начальников и уездных исправников, а также тех, кто выполнял волю правительства – членов землеустроительных комиссий, землемеров, стражников. Часто в ходе землеустроительных работ происходили вооруженные столкновения крестьян с полицией и стражей. Крестьянин Лука Гончаров в день проведения землеустройства в с.Домашке Самарской губ. призывал своих односельчан: “Бейте в набат, берите вилы, колья; что вы стоите, идите бить стражу”⁶². Борьба крестьян против столыпинского землеустройства в 1910-1914 гг. стала все чаще приобретать антиправительственный характер. “Полицейски-кулацкий поход на деревенскую массу обостряет борьбу внутри нее и делает эту борьбу политически сознательной...”⁶³.

Одной из характерных особенностей 1910-1914 гг. стало ослабление в крестьянском сознании конституционных иллюзий. На вопрос министерства внутренних дел в начале 1912 г. о политическом настроении населения многие губернаторы отмечали в своих сообщениях, что среди крестьян господствует убеждение о помещичьем характере Думы⁶⁴. Крестьяне Екатеринославской и Харьковской губерний заявляли, что I и II Думы не удовлетворяли их чаяний. “После разгона II Думы крестьяне решили, что земли все равно им не дадут и надо прибегнуть опять к забастовке, но все же надеялись – авось даст землю III Дума, но она оказалась помещичьей и от нее не только не дождался земли и уменьшения податей, а напротив, она успела уже прибавить повинности, и стали крестьяне ждать войны, надеясь, что

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

запасные солдаты откажутся защищать землю, которая принадлежит помещикам, и потребуют всю землю крестьянам”, – писал в донесении начальник Харьковского охранного отделения Д.Л.Якобсен⁶⁵.

Таким образом, убеждение, что нужно “изменить государственные порядки”, стало постепенно распространяться в деревне. Этому способствовала и пропаганда революционных идей РСДРП, партии эсеров, демократической интеллигенции, отвечая настроениям крестьянства, которое все более революционизировалось: “...везде есть горячий материал, – писал В.И.Ленин в 1912 г., – везде накапливается революционное настроение в массах...”⁶⁶.

Каковы же итоги новой аграрной политики? Традиционно историки пишут, что реформа потерпела крах по всем трем основным направлениям. Приведем некоторые характерные наблюдения.

С.М.Дубровский в одной из первых своих монографий пришел к выводу о том, что реформа “усилила класс деревенской бедноты”⁶⁷, но счел возможным отметить, что из-за высоких цен на землю “возможность создания крепкого зажиточного крестьянства”⁶⁸ была затруднена. Позднее, в ходе дискуссии о характере аграрного строя России, историк писал, что “к 1917 г. остатки крепостнического землевладения безусловно сохранялись в весьма значительном количестве. Вместе с тем повысился удельный вес капиталистического земледелия “и к 1917 г. достиг примерно 33% всех используемых в сельском хозяйстве земель”⁶⁹.

Крупнейший исследователь аграрных отношений в России в период капитализма А.М.Анфимов также отмечал крах политики самодержавия: “Общину удалось разрушить лишь частично, и то главным образом на окраинах, а не в крепостническом земледельческом Центре. Среди “новых собственников” – хуторян и отрубников – преобладали не “крепкие хозяева”, а маломощные крестьяне и беднота, которые, по словам Ленина, бились на хуторах “как рыба об лед”. Потерпела крушение и переселенческая политика царизма”⁷⁰. Крах новой аграрной политики самодержавия вызвал глубокое недовольство среди консервативной части поместного дворянства и ускорил закат политической карьеры, а затем и гибель “последнего витязя” – реформатора П.А.Столыпина. Косметический характер имели царские указы, несколько расширявшие правовое положение крестьянства⁷¹. Но и здесь политика самодержавия носила зигзагообразный и непоследовательный характер, что проявилось в провале законопроектов о волостном земстве и суде.

Следует отметить и то, что слой зажиточных хозяев в русской деревне, особенно в зоне преобладания “прусского” типа аграрной эволюции, нака-

Глава IV.
На крутом повороте

нуне реформы был относительно небольшим. Столыпинское землеустройство безусловно способствовало укреплению позиций крестьянских хозяйств гроссбауэрского типа, так как в 1907-1914 гг. возросли их связи с внутренним рынком, увеличился спрос на сельскохозяйственные орудия, возросла товарность хозяйств. Земский агроном Курмышского у. Симбирской губ. А.Зиновьев писал в феврале 1912 г. инспектору сельского хозяйства Н.П.Надеждинскому: "...нынешняя деревня, как и вообще все сельские хозяйства, захвачена капиталом. Капитал проник в самую гущу сельского населения и выдвинул новые условия и новые требования к жизненному укладу. Нет теперь и самого маленького крестьянского хозяйства, которое обходилось бы без рынка"⁷².

Конечно, осуществляя новую аграрную политику, инициаторы реформы пытались расширить агрономическую и ветеринарную помощь населению; широко пропагандировались многопольные севообороты, осуществлялся прокат сельскохозяйственных орудий, проводились губернские сельскохозяйственные выставки, насаждались опытные поля и хозяйства. Все эти мероприятия организовывались по правительственной линии и земствами, они охватывали преимущественно хозяйства выделенцев. Видный исследователь крестьянского хозяйства А.В.Чаянов положительно оценивал их воздействие: "Крестьянское хозяйство 1917 года, - писал он, - не то, каким было крестьянское хозяйство 1905 года. Изменилось само крестьянское хозяйство: иначе обрабатываются поля, иначе содержится скот, крестьяне больше продают, больше покупают. Крестьянская кооперация покрыла собой нашу деревню и переродила ее; **стал развитее и культурнее наш крестьянин**"⁷³ (выделено мною. - П.К.) Но этот прогресс затронул лишь незначительную часть крестьянских хозяйств, главным образом - хуторян и отрубников. У основной массы крестьян-общинников прогресс хозяйства шел весьма медленно.

Одно "из достижений" столыпинского землеустройства - крайняя запутанность земельных отношений, что обострило противоречия в деревне. Аграрно-капиталистический переворот был далек от завершения, а русское крестьянство продолжало представлять собой класс-сословие, в котором консолидировались две полярные группы: демократическое большинство деревни и сельская буржуазия, включавшая в свой состав "новых помещиков" - землеустроенных хозяев.

Итоги землеустроительных работ были незначительны. Самодержавному правительству удалось частично деформировать общину, да и то лишь в районах преобладания "американского" типа буржуазной аграрной эволюции. В центральных уездах правительство натолкнулось на стой-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

кое сопротивление сельской поземельной общины, деятельность которой существенно оживилась, а позиция демократического большинства, в связи с выходом зажиточных на хутора и отруба, упрочились. Именно оно своими решительными действиями сорвало планы Совета объединенного дворянства и П.А.Столыпина по созданию социальной опоры самодержавия из числа землеустроенных хозяев. И здесь вполне можно солидаризироваться с мнением публициста А.Салуцкого: "...накануне Октябрьской революции именно общинное право оставалось в России доминирующей формой крестьянского землевладения, причем особенно заметно это было во всех великорусских губерниях. Почти повсюду в стране продолжала существовать живая община!"⁷⁴.

В связи с проведением столыпинской земельной реформы в русской деревне наблюдался рост оппозиционных настроений, которые нередко выливались в вооруженные столкновения с полицией и войсками. Крестьянство, выступив против новой аграрной политики, пыталось, и не без успеха, отстаивать свои права на земельную собственность, коллективным владельцем которой был сельский "мир". Революционная идея равенства объективно противостояла частнособственническим устремлениям хуторян и отрубников. Демократическое большинство деревни использовало широкий арсенал форм и методов борьбы против столыпинского землеустройства: отказ утверждать приговоры о выходе из общины, обращение в судебные инстанции, вооруженное сопротивление и др. Весьма эффективным средством самозащиты было проведение внутриобщинного землеустройства: "...54 процента всех землеустроительных работ было выполнено по заказу... сельского мира"⁷⁵.

Таким образом, столыпинская реформа оказалась незавершенной, а в русской деревне продолжали сохраняться социальные противоречия. Об этом убедительно свидетельствовала резко возросшая активность крестьянства.

ГЛАВА V

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИВОЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Долго ли будет это рабство,
долго ли мы будем молчать? Эх,
товарищи, пора бы эти цепи разорвать.
Товарищи, смелей за спасение жен и детей,
грудью встанем на бандитов, Русь избавим от цепей!*

Из писем солдат

Новые элементы в общественном сознании и в поведении русского крестьянства стали формироваться в период первой мировой войны. Учитывая уникальность создавшейся в условиях военного времени ситуации, я считаю, что при исследовании глубинных процессов формирования материальных и политических предпосылок Февральской революции необходимо проследить изменения в сознании крестьянских масс, находящихся как в тылу, так и в русской армии. Дело в том, что первая мировая война ускорила процесс распада патриархальной психологии крестьянства и способствовала повсеместно росту революционных настроений. В годы войны численность русской армии достигла 15798 тыс. человек, из них 80-90% приходилось на долю крестьян¹. В новейших исследованиях отмечается высокий уровень грамотности среди новобранцев. В ряде воинских частей, расположенных в центральной части Европейской России, грамотность мобилизованных не опускалась ниже 80%.

В ходе мобилизации запасных в действующую армию русская деревня лишилась около 50% трудоспособного мужского населения. Наибольшие потери понесли семьи бедноты и середняков, здесь нередко призывали в армию последних трудоспособных работников. Зажиточные крестьяне откупались от призыва в армию или шли работать на оборонные заводы, ук-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

лоняясь от военной службы. Все тяготы по ведению хозяйства легли на плечи стариков, женщин и детей.

Реквизиция рабочего и продуктивного скота, недостаток в хозяйствах рабочих рук, нехватка сельскохозяйственного инвентаря ухудшали социально-экономическое положение деревенской бедноты, усиливали процесс социальной дифференциации в русской деревне. Помещики и кулаки широко использовали в своих хозяйствах, кроме местных поденных рабочих, так же военнопленных и беженцев, припрятывая хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, обогащались сбытом их по спекулятивным ценам.

Политические настроения крестьянства в годы первой мировой войны развивались по восходящей линии. Безусловно, в первые месяцы войны среди крестьянства, под влиянием правительственной пропаганды и духовенства, распространились патриотические настроения. Этот, как писали в своих отчетах губернаторы, “высокий патриотический подъем охватил преимущественно зажиточное и среднее крестьянство”. Иногда эти настроения и “добросовестные заблуждения” крестьян в первые месяцы войны выливались в фольклорные формы, получая при этом своего рода моральную санкцию традиции. Причины войны в связи с этим объяснялись своеобразно: “Немецкий царь до нас рать свою посылать задумал. Собрал старого да малого, глупого да бывалого, хилого да здорового, робкого да бравого: – “идите люди немецкие на Русь, воюйте люди немецкие вы землю русскую, испейте вы люди немецкие кровь горячую, умойтесь люди немецкие – слезами бабьими, кормитесь люди немецкие – мехами теплыми, согрейтесь люди немецкие – лесами темными”².

Но патриотические настроения не были превалирующими в сознании тех крестьян, которые были оторваны от привычного уклада деревенской жизни. Объявленная самодержавным правительством война вызвала острое недовольство. А.В.Беркович отмечал, что наибольший размах выступления мобилизуемых на военную службу крестьян приняли в восточной части Европейской России и в Поволжье³. Саратовский губернатор сообщал министру внутренних дел, что объявление войны сопровождалось высоким подъемом населения в городах и взрывом озорных и буйных наклонностей в сельской местности, лишней раз доказала, насколько сельское население губернии неустойчиво в своем спокойствии, насколько живы еще в нем воспоминания 1905-1906 гг.”⁴.

В Казанской губ. движение запасных охватило Лаишевский, Чистопольский, Казанский и Цивильский уезды. В Нижегородской губ. активные выступления вспыхнули в Нижегородском, Васильевском, Макарьевском, Семеновском, Княгининском, Лукояновском и Сергачевском уездах⁵. Выступ-

Глава V.
Формирование антивоенных настроений
в период первой мировой войны

ления против мобилизации, как правило, носили ярко выраженный антипомещичий характер. Крестьяне Казанского у. мотивировали свое выступление тем, что они “идут на войну, а дома у них остались неубранные поля и голодные жены и дети, “что им надо денег”, для того чтобы не умерли с голоду семьи”. Требуя денег, крестьяне обвиняли во всех своих бедах помещиков, “которых нужно стереть с лица земли”⁶. Крестьянин Я.Чикляев из села Ключищи Свияжского у. Казанской губ. заявил на сельском сходе: “Никто на войну не ходите: Пусть идет на войну черная сотня, она в 1905 г. помещиков защищала – пусть и идет на войну”⁷. Подобные суждения имели место и среди крестьян Симбирской губ. Так, крестьянин с. Ясашной Ташли А.В.Карпухин говорил на пристани: “У крестьян земли нет и идти на войну не за что, земля вся у помещиков: Пусть они бы одни и воевали, и защищали ее, и в настоящее время солдатам лучше бросить оружие”⁸. Были протесты и против уклонения зажиточных от мобилизации при помощи взяток: “Где справедливость – богатые остаются, а бедные идут на войну”, – уличал старосту с. Матюшева Горбатовского у. Нижегородской губ. крестьянин А.В.Фадеев⁹. В конце июля 1914г. проводилась мобилизация запасных в станице Уманской Ейского отдела Кубанской области. Здесь появились агитаторы, которые призывали казаков не идти на службу, пока семьи не будут материально обеспечены¹⁰.

Антивоенную направленность стали приобретать и традиционные формы крестьянского движения. Как и прежде, крестьяне продолжали вести борьбу против помещиков, в ней нередко участвовали и представители кулачества, применявшие методы аграрного террора. Зажиточная верхушка деревни, претендующая на монопольное владение как надельной, так и помещичьей землей, была способна на решительные действия. А.В.Шестаков приводит данные о наличии своеобразной “самоорганизации кулачества в Орловской губ. Помещица Л.Терлецкая писала министру внутренних дел: с 1906 г. добрые, миролюбивые отношения крестьян перешли по отношению ко мне в явно враждебные. Проявление этой враждебности началось с постоянных потрав крестьянским скотом моих хлебных посевов, за что некоторые из них и подвергнуты были по распоряжению Орловского губернатора тюремному заключению. После чего крестьяне еще сильнее стали проявлять враждебность... В минувшем 1914 г. 7 сентября у меня был подожжен омет овсяной соломы и весь другой корм для скота, все дотла сгоревшее. Мною заявлялось властям, что в данной местности среди местных и окружающих более зажиточных крестьян образовалась преступная “лига”, задававшая целью непременно выжить намеченных ею землевладельцев из их

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

имений путем постоянных поджогов, чтобы таким способом воспользоваться их землями на праве аренды или купли в собственность”¹¹. В Среднем Поволжье крестьяне мотивировали свою борьбу против помещиков тем, что принадлежавшая дворянам-немцам земля будет отобрана и передана крестьянам. Такое оправдание их выступлений представляло типично крестьянский логический ход рассуждений и действий. В Пензенской губ. крестьяне с. Похвистневки разгромили имение Мальберг, в Керенском у. – имение жены посла “Германской империи при дворе австрийского императора фон Флотте, урожденной княгини Шаховской”¹².

Нередко основанием для выступлений крестьян служили приговоры сельских сходов, которые своеобразно, в виде традиционной “круговой поруки”, выражали солидарность крестьянства. Сельский сход дер. Серебряной Кирсановского у. Тамбовской губ. в мае 1915 г. постановил: “1) Чтобы никто из общественников не снимал по отдельности земли у помещика Андреевского; 2) за работу у него в имении должна быть плата: мужчине – 80 коп. в день, женщине – 50 коп. и малолетнему 30 коп. в день; 3) виновные в нарушении этого постановления будут подвергаться штрафу: мужчины – в 5 руб., женщины – в 3 руб.”¹³. Такая форма борьбы крестьян получила широкое распространение в русской деревне после февраля 1917 года.

Тульский губернатор в 1915 г. писал в министерство внутренних дел о настроении крестьянства: “...еще весной у крестьян не хватало своего хлеба... На этой почве началось открытое недовольство... Члены наших семей несут лишения на войне, а у них дома нет хлеба, и никто об этом не заботится”, – говорили крестьянки-солдатки. Далее они заявляли, что будут громить и жечь усадьбы дворян и купцов¹⁴.

В условиях военного времени помещики и зажиточные хозяева испытывали острую нехватку рабочих рук. Идя навстречу их пожеланиям, правительство решило использовать на сельскохозяйственных работах военнопленных и беженцев. Некоторые ретивые администраторы, не считаясь с нуждами крестьян, пытались привлечь к работе в имениях все сельское население. Взрыв недовольства у крестьян Калужской губ. был вызван постановлением губернатора от 22 июня 1916 г., в котором всем сельским жителям от 15 до 50 лет предписывалось “поступать на сельскохозяйственные работы к помещикам, арендаторам и т.п., испытывающим нужду в рабочих руках для уборки урожая хлебов и трав за плату по назначенной земской управой”¹⁵.

Острое недовольство у крестьян вызывало взыскание налогов и недоимок по ним, особенно с солдаток. Были случаи, когда против уплаты нало-

Глава V.
Формирование антивоенных настроений
в период первой мировой войны

гов выступали квартирующие в селах солдаты. В Тамбовской губ., например, они заявляли чиновникам: “Какие вам тут подати! У нее муж на войне, а дома малые ребятишки. Какие же деньги тут взыскиваете вы? Если я приду домой после войны и узнаю, что староста взыскал недоимку с моей жены, то я из него все кишки вымотаю”¹⁶.

В период первой мировой войны резко обострились социальные противоречия внутри крестьянства – усиливалась борьба против проведения столыпинского землеустройства. В ряде уездов Европейской России, например, в Поволжье, началось возвращение земель хуторян и отрубников в распоряжение сельской общины. Несмотря на изменение состава участников аграрного движения (все более активнее включались крестьянки-солдатки), выступления крестьян приобретали наступательный характер, хотя элементы стихийности и неорганизованности усилились. Как правило, выступления развертывались по традиционному сценарию: в начале глухое недовольство, затем брожение, потом вспыхивало выступление: возмущенная толпа крестьян во главе с зачинщиками (в этот период в качестве руководителей движения нередко выступали солдатки) нападала на имение, или не допускала землеустроителей к проведению работ по выделу земельных наделов тем, кто выходил из общины. Местные органы власти применяли силу. Полиция и стража начинали операцию по “изъятию главных виновников”. И, наконец, исправник доносил начальству: “порядок восстановлен”.

Характерные черты крестьянского движения – скоротечность, стихийность, ярко выраженная эмоциональность. Уже в первые дни против проведения столыпинского землеустройства выступили крестьяне с. Тольский Майдан Лукояновского у. Нижегородской губ. Толпа крестьян предъявила землемеру требование о “приостановке землеустроительных работ вплоть до возвращения их мужей со службы”¹⁷. В мае 1915 г. при размежевании общинной земли на отруба крестьянки с. Зерикла Бугурусланского у. Самарской губ. оказали сопротивление землемерам. Они отказались выделиться на отруба, мотивируя это тем, что ждут возвращения с фронта мужей и сыновей. Полицейский пристав пытался арестовать трех “зачинщиц”, но крестьяне не выдали их. По требованию пристава в село прибыл отряд стражников в 40 человек. Около 50 крестьян, главным образом женщин, были арестованы¹⁸.

Война породила в сознании крестьян смутные надежды на то, что после ее окончания все частновладельческие земли перейдут в их распоряжение. Вот почему они выступали не только за прекращение, но и за ликвидацию

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

последствий столыпинского землеустройства, то есть за возвращение земель хуторян и отрубников в общинное владение. Кстати, эти действия крестьян опирались на поддержку со стороны солдат, которые просили в письмах своих родных не выходить из общины. С такими же призывами к односельчанам обращались и солдаты-отпускники. Начальник Симбирского жандармского управления сообщал в августе 1915 г. в департамент полиции: “Среди крестьянского населения в Сенгилеевском уезде распространялись слухи об общем переделе земли по окончании войны, благодаря которым солдатские жены враждебно относятся к работам землеустроительных комиссий по выделению из общинного пользования наделных участков”¹⁹. Упорное сопротивление оказали проведению землеустройства солдатки с. Архангельского Борисоглебского у. Тамбовской губ.: “Здесь солдатки выбили стекла в домах выделяющихся, силой освободили арестованного и кричали перед землеустроителями: “Не берите у нас умного человека, не защищайте богачей”²⁰. В памяти крестьян еще живы были яркие воспоминания о массовом аграрном движении в 1905-1907 гг., когда они добивались успехов в борьбе против царской администрации и помещиков; здесь проявлялась тоска по организации, что отразилось в такой оригинальной просьбе: “Не забирайте у нас умного человека!”

Таким образом, в годы первой мировой войны борьба крестьян против хуторян и отрубников стала расширяться. Процесс оформления демократического большинства деревни находился на заключительной стадии. Бедняцко-средняя часть общины стала настойчивее ставить вопрос о прекращении землеустроительных работ. В годы войны участились случаи захвата общинниками земель выделенцев в Нижегородской, Казанской, Воронежской губерниях, но особенно широких масштабов это движение достигло в районах торгового зернового земледелия. “Даже в тех случаях, когда столкновения начинались с выступления крестьян против землеустроителей, – отмечает новейший исследователь столыпинской аграрной реформы Г.А.Герасименко, – они быстро перерастали в борьбу против выделенцев, в ходе которой крестьяне стремились уничтожить то, что было сделано в ходе столыпинского земельного переустройства, упразднить результаты аграрной реформы царского правительства”²¹. Учитывая масштабы крестьянской борьбы против столыпинского землеустройства, а также многочисленные жалобы и заявления солдат, министр земледелия был вынужден 4 апреля 1916 г. подписать циркуляр, который прекращал производство землеустроительных работ до окончания войны. Это была крупнейшая победа крестьянства.

Глава V.
Формирование антивоенных настроений
в период первой мировой войны

Революция 1905-1907 гг., как я уже отмечал, способствовала зарождению своеобразного самосознания среди новых элементов крестьянской бедноты. Это были “умные люди”, прошедшие суровую школу борьбы против самодержавия; они полны энергии, ненависти к своим врагам – чиновникам, помещикам и сельской буржуазии. Им было присуще стремление разрушить существующий строй. Как правило, это были люди, уже порвавшие с общиной или же побывавшие в тюрьме. Вот как характеризовал представителей радикальной части общины крестьянского движения начальник Саратовского жандармского управления в донесении директору департамента полиции: “А.Савельев – ярый противник отрубщиков: на сельских сходах и вообще среди собравшихся крестьян он постоянно с горячностью высказывался как против отрубщиков, так и против вообще наиболее зажиточных крестьян, стараясь поселить вражду к ним среди общинников и особенно среди беднейших крестьян. Ему 32 г., занимается хлебопашеством, развитой, бойкий, четверо детей, пьяница, а потому живет бедно. Известен в селе как самый буйный и дерзкий хулиган. В 1911 г. по постановлению саратовского губернатора он за поджоги отбывал 3-месячное тюремное заключение. А.Скородымов, 30 лет, живет бедно и также известен в селе как пьяница и хулиган. Маркелов, 25 лет, холост, пьяница. Известен своей ненавистью не только к отрубщикам, но и вообще ко всем богатым крестьянам. Братья И. и Я.Родионовы, настроенные всегда враждебно как к отрубщикам, так и вообще к богатым односельчанам. Родионовы еще молодые люди: Якову 26 лет, а Ивану – 24 года. Оба женаты, первый имеет 5 детей, второй – 3. Оба пьяницы и ранее отбывали тюремное заключение: Яков за 4-х месячное за участие в аграрных беспорядках и Иван – 6-месячное за кражу”²². Жандарм предлагал через земского начальника возбудить на сельском сходе о передаче “порочных членов березовского общества” в распоряжение правительства, но “оказалось, – с грустью добавляет он, – что на составлении такого приговора обществом надежды нет”.

Итак, перед нами типичные деревенские радикалы, которым нечего было терять в жизни и которые стремились разрушить все до основания. Главное, что было достигнуто ими – поддержка общины. Эта поддержка была обусловлена тем, что из общины в ходе столыпинского землеустройства вышли зажиточные крестьяне и в связи с этим позиции бедняцко-средняцкой части в ней усилилась. Община все активнее выдвигала радикальные требования и вела борьбу против помещиков и землеустроенных хозяев.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Формирование нового социального типа – представителя активной части крестьянства связано с ростом антивоенных настроений и окончательным падением престижа династии Романовых среди широких народных масс. Особое недовольство крестьян вызывали мобилизации запасных в 1915 и 1916 гг. Часто они проходили в разгар сельскохозяйственных работ, что обуславливало появление в деревне различных слухов и толков. По мнению крестьян Саратовской губ., проводившаяся в августе 1916 г. мобилизация запасных была вызвана влиянием Германии, “которая-де не будучи в силах победить Россию на полях сражения, решила взять ее голодом”. В русской деревне широко распространились так же слухи об измене, которая проникла и в правительственные круги, в окружение Николая II, о двусмысленной роли при императорском дворе Григория Распутина, о вмешательстве императрицы Александры Федоровны в государственные дела. Феномен Г.Распутина оказывал негативное воздействие не только на дворян, либеральную буржуазию, но и на рабочих, крестьян и солдат. Многие представители господствующих классов находились в шоковом состоянии. Их социально-психологическое состояние весьма полно зафиксировано монархистом В.В.Шульгиным: “И никто не понял, – писал он, – когда этот человек переступил порог царского дворца, что пришел тот, кто убивает.

Он убивает потому, что он двуликий...

Царской семье он обернул свое лицо “старца”, глядя в которое царице кажется, что дух божий почивает на святом человеке... А России он повернул свою развратную рожу, пьяную и похотливую, рожу лешего-сатира из Тобольской тайги. И из этого всего...

Ропот идет по всей стране, негодующий на то, что Распутин в покоях царицы...”²³

Социальное ожидание, в основе которого лежала вера в неизбежность грядущих великих перемен, охватила и творческую интеллигенцию. В этой связи поэт Александр Блок писал в стихотворении “Коршун”:²⁴

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней, -
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Глава V.
Формирование антивоенных настроений
в период первой мировой войны

Князь Феликс Юсупов вполне правомерно считал, что появление Г.Распутина “не было случайностью, а стояло в какой-то невидимой внутренней связи с тем незаметным процессом разложения, который совершался в какой-то части русского государственного организма”²⁵.

Другой очевидец событий – публицист А.С.Пругавин - отмечал, что взаимоотношения в императорской семье и связи ее с Г.Распутиным стали темой разговоров офицеров и солдат: “...как только разговор переходил на Распутина – тут все задержки моментально исчезали и начинался самый откровенный обмен мыслей, разливался неудержимый поток всевозможных слухов, толков и сплетен относительно необыкновенной близости этого человека к царской семье, относительно причин его поразительного влияния”²⁶.

Кризисные явления в сельском хозяйстве и промышленности, начавшаяся разруха на транспорте, спекуляция и дороговизна в тылу и поражения царской армии на фронте – эти и другие факторы не могли не оказывать мощного воздействия на настроение крестьянства. Осенью 1916 г. в Казанской губ. многие уездные исправники отмечали в отчетах губернатору: “... при сборе призванных по мобилизации ратников о каком-либо патриотическом подъеме уже не было и речи: в донесениях из уездов были указания на унылый вид призванных и разговоры о том, “когда же, наконец, кончится война, когда перестанут брать из семейств последних работников”. Причем, слышались сетования, что берут в войска только бедняков, а богатые уstraиваются в разного рода предприятия, работающие на оборону”²⁷. Мнение, что война ведется царем вопреки воле народа, было распространено широко. Например, крестьянин Ядринского у., Казанской губ. А.Иванов заявил односельчанам: “Вашего царя нужно убить, потому что он воюет напрасно и много кончит народа”²⁸. Крестьянин д. Войкиной Спасского у. Казанской губ. так выразил свое недовольство: “Должно быть, война эта никогда не кончится. Царь весь свой народ истомил и уничтожил”²⁹.

К числу новых форм борьбы крестьянства следует отнести также выступления против дороговизны и спекуляции. Такие выступления произошли в с. Пономаревка Бугурусланского у., в селах Красный Кут, Логиновка, Агафоновка, Моршанка Новоузенского у. Самарской губ. Они носили антиправительственный характер. Солдатки с. Дергачи Новоузенского у. кричали при погроме лавки: “Бейте пристава, бейте дармоедов стражников! Наши мужья на фронте кровь проливают, а вы приехали охранять купцов!”³⁰ Характерно, что выступления против дороговизны и спекуляции следовали за подобными “бунтами” в городах.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

Не находили поддержки у крестьян и призывы черносотенцев к продолжению войны. На сельском сходе в с.Раствореве Мешовского у. Калужской губ. после прочтения черносотенной брошюры крестьянин В.Я.Зяпин заявил: “Нам этого царя не нужно”³¹. Эти высказывания в полной мере отражали усиливающийся рост недовольства крестьян, вызванного бедствиями войны – кризисными явлениями в тылу, голодом и разорением десятков тысяч хозяйств, а также неисчислимыми потерями на фронтах первой мировой войны.

Нередко в деревне агитаторы призывали крестьян не давать рекрутов в армии до тех пор, пока не дадут земли. Подобную агитацию вел в с.Елховке Самарской губ. В.М.Свищев³². Участились случаи дезертирства из армии, что также стало показателем роста недовольства народных масс. “Общее настроение населения, утомленного частыми и многочисленными призывами в войска, – писал в отчете нижегородский губернатор, – стало сказываться и в отношении к самовольно отлучившимся на родину нижним чинам, которых односельчане склонны не только укрывать от властей, но, как показали несколько бывших в последнее время случаев, даже и силой отбивать у задержавших их для доставки к воинскому начальнику, чинов общей и сельской полиции”³³.

Армия вобрала в себя все лучшие силы народа, весь цвет его³⁴. Солдатские письма периода первой мировой войны показывают изменения в социальной психологии масс накануне Февральской буржуазно-демократической революции. Надо сказать, что на начальном этапе войны ряд писем был проникнут оптимизмом, надеждой на скорую победу. Этому немало способствовали общий настрой и официальная пропаганда. Но количество “патриотических” писем было незначительным³⁵, они, как правило, приходятся на 1914 – начало 1915 г. В большинстве писем преобладали сетования по поводу плохого снабжения продовольствием, обмундированием и боеприпасами. В письмах содержится впечатляющая картина солдатского быта, раскрываются взаимоотношения солдат и офицеров. А.Любимов писал родным в с. Козловку Новоузенского у. Самарской губ.: “Сообщаю вам, что наши доблестные защитники Родины все голые и босые. Сапоги и шинели все рваные, на кого ни погляди... Страдания наши неисчерпаемые”³⁶. Особое недовольство вызывало поведение офицеров, их зверское обращение с солдатами. “Наш ротный командир очень плохой человек, бьет сильно”, – такие жалобы часто встречаются в письмах³⁷. Армейская жизнь оставляла у солдат впечатление, что “кругом война, на позициях немец бьет, а в резерве свое начальство”³⁸. Солдаты жаловались и на

Глава V.
Формирование антивоенных настроений
в период первой мировой войны

скверную обстановку в госпиталях: “Что на каторгу сослали: перевязка ран в три дня, обращение матерное, пища собачья”³⁹.

В 1915 г., в связи с поражениями русской армии на фронтах, усилилось внимание солдат к событиям в тылу, начались поиски путей прекращения затянувшейся войны. Солдаты жадно ловили слухи о забастовках и волнениях в тылу и нередко писали, что “хорошо бы, если бы бастовали больше, тогда может быть и война кончилась бы”⁴⁰. “В политически насыщенных письмах звучал голос пролетарской и бедняцко-крестьянской прослойки солдатской массы”⁴¹. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие писем с предложением конструктивных программ, письма выражают именно настроение, содержат жалобы и описание бедствий. В них солдаты передают в деревню и лозунги: “Не выходить из общины”, “не платить налоги”. В некоторых письмах предпринимались попытки анализа причин возникновения войны: “На каждом шагу можно услышать от нашего брата слова: “За что нам воевать, у меня ничего нет, за что мне голову класть. Такую жизнь, какую я имел в России в мирное время, я найду везде, и думаю, что в Германии или Австрии будет не хуже жить, чем в России при таких обстоятельствах”. Сердце болит и исходит кровью при слышании таких разговоров. Этих слов, конечно, начальство не слышит и слышать никогда не может. От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте, и если высшее правительство не улучшит положение бедного крестьянства, которое может еще спасти Россию от унижения, то славившаяся дорогая Родина останется униженной навсегда. Почему наша Россия осталась в таком положении, а потому что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову. Давно пора покончить с этим делом. Тогда только русский воин будет сдаваться в руки противнику, когда его жизнь будет обеспечена”⁴².

Перед нами своеобразная попытка добиться от правительства решения аграрного вопроса. Здесь настойчиво звучит требование: “Дайте землю – будет за что воевать! А не то в плен сдадимся”. В последние дни 1916 г. цензоры отмечали в отчетах, что “такого уныния, как теперь в корреспонденции с театра войны, еще не было. Два с половиной года войны, по видимому, произвели свое действие, озлобив всех”⁴³.

Около половины писем было проникнуто тяжелым, угнетенным настроением. По наблюдениям военных цензоров, причина такого психологического состояния солдат крылась в продолжительности войны⁴⁴. Как писал в своих воспоминаниях А.Пирейко, солдат-большевик: “Армия в целом была проникнута ненавистью ко всему окружающему и, прежде всего, к ко-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

мандному составу»⁴⁵. Не случайно появление таких писем и обращений, в которых обосновывалась необходимость уничтожения “зверей” из числа офицеров, а также свержения царя и правительства. Эти призывы звучат энергично и убедительно. В одном из писем, обращенным к 1-й роте 42-й Сибирской стрелковой дивизии, одного из полков 7-го армейского корпуса, было написано: “Я, крестьянин, обращаюсь к вам, братья, докуда будем губить себя, т.е. крестьянина, настанет время, надо губить тех зверей, которые губят миллионы людей. За какие-то интересы чужие кладем свои головы... Помните братья, чтобы убить зверей, которые миллионы губят людей за свой интерес, надо действовать, пока оружие в руках. Первое: долой царя, убить его, поубивать пузанов, которые сидят в тылу, да в тепле гребут деньги лопатой и губят нас, крестьянина”⁴⁶. Здесь еще нет конструктивной программы, но, преодолевая комплекс темноты, в сознании крестьян-солдат практически к 1917 г. завершается формирование социально-психологической общности: “Мы” – солдаты, и “они” – царь, офицеры, помещики, капиталисты и кулаки”. Появляются письма, в которых обосновывается необходимость вести борьбу за свободу: “Мы уже третий год боремся – за что? За свободу, – писали солдаты, – она должна быть, а никак не крепостничество”⁴⁷. Русские солдаты начинали понимать всю абсурдность войны, постепенно приходило сознание того, что между ними и солдатами противника есть что-то общее, сближающее их, что интересы солдат обеих сторон однотипны и близки, что есть какие-то другие гуманистические ценности и идеалы, что тех и других сближает общее стремление к миру⁴⁸. “Солдаты меньше всего интересовались победами, – писал А.Пирейко, – их интересовал мир, а какой это будет мир: сепаратный, “похабный”, или еще какой, – для них было все равно”⁴⁹. Идея скорейшего мира стала социально-психологической основой, на которой возникло братание солдат. Оно происходило стихийно. “На пасху случилось у нас (и у меня) совершенно неожиданные неприятности, – сообщал в письме жене полковник В.И.Николаев. – Австрийцы прекратили стрелять и вышли из окопов, мы стоим близко, стали переключаться, выходить вперед, наши тоже и получился некоторый мирный альянс... гармошка, бубен, танцы и угощение, пьянство в окопах австрийских и приглашение в окопы свои”. Авторы некоторых писем сообщали о том, что посещение позиций противника, особенно австрийцев, происходило с ведома и даже по прямому разрешению начальства, “вплоть до дивизионного командира”⁵⁰. Попытки массового братания солдат на австрийском и германском фронтах состоялись на пасху в апреле 1916 г. Накануне, в течение 2-3 дней солдаты не вели перестрелку. Они мирно сходились, “угощали друг друга съестными припасами и папиросами”⁵¹.

Николай II вынужден был приказать не накладывать на солдат взысканий, так как это случилось на пасху. Но командирам указывалось что

Глава V.
Формирование антивоенных настроений
в период первой мировой войны

“впредь виновные в братании будут привлекаться к судебной ответственности”. В письмах солдат воссоздана картина братания. “Немцы от нас находятся на расстоянии 200 шагов. На пасху, когда сестры милосердия выдавали нам подарки, то все войска вышли из окопов, наши и немецкие, начали кланяться друг другу, затем три немца подошли к нашим проволочным заграждениям, один из них перелез их и пробыл у нас долгое время, – наши дали ему подарки и отвели обратно, после чего к нам приходили еще 4, и они просили, чтобы их забрать”⁵².

Но новая идея – братание – воплощалась в старой религиозной форме. Все чаще солдаты стали осознавать, что делить с противником им лично нечего. И когда не было начальства, некому “приказывать было”, солдаты расходились с миром. Солдат в госпитале рассказывал такой характерный случай: он неожиданно оказался с австрийцем в одном доме. “Вместе ели, и стали мы пить, ровно шабры (соседи – П.К.) какие. Попили, поели, легли на лавке голова к голове. Утром разошлись. Некому приказывать было”⁵³.

Война заставила солдат задуматься не только о привычных делах. Она вырвала крестьян из круга повседневных забот, из маленького “мира” и рутинной деревенской среды и на какое-то время делала человека “безбытным”, свободным от привычных дел, которые шли как бы сами собой и не требовали размышлений о “проклятых вопросах”. Находясь в новых условиях, в действующей армии, крестьяне, одетые в серые шинели, в какой-то степени преодолевали индивидуализм, разобщенность. Шире становился их кругозор, быстрее изживались патриархальность, возрождались коллективистские традиции. В этой связи появились в письмах такие суждения: “Я как стал середь войны жить, так и стала мне война, что дом мой, а солдаты уж таки товарищи – при самой смерти вместе. Дома-то один я, хоть и семья кругом”⁵⁴. Конечно, психологический шок – солдатчина, казарма, фронт, гибель людей – заставляли солдат задуматься: “Эх, вначале как погнали нас семнадцатеро из деревни, ничего не понятно, а больше плохо... Ух и заскучали мы... На каждой станции шум делали, матерно барышень ругали, аж я с тела спал... И надругались как над дурнями... А мы и не очень-то дурны были, работающие парни, один в один хозяева... Я при отце работал в строгости только и баловства моего было, что четыре месяца на фабрике фордыбачил... А тут кругом соблазн, и ни тебе свободы, ни тебе попечения... За то теперь попал я на позицию... Так и плакал, как сюда ехал, просто с жизнью прощался”⁵⁵.

Война обостряла нравственные переживания солдат, вновь и вновь она ставила перед ними “проклятые” вопросы, отливая их в религиозную, отчасти, форму: не грех ли убить человека? Почему этому попустительствует бог, а если на то божья воля, то почему она так жестока? Нельзя ли переложить нравственную ответственность с себя на других? Религия на эти “про-

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

клятые вопросы” ответа не давала. Война вступала в противоречие с нравственными представлениями, даже в их религиозной оболочке: “Я не только человека, курицу не могу зарезать. А теперь насмотрелся. По ночам спать нельзя, бомбы. Думаешь, до того, голова гудит. Грех, аль нет?.. Почему я знаю, может сотню, или больше душ загубил... А как грех? На том свете начальство вперед не пустишь”. Но одновременно рушились религиозно-нравственные представления. На смену им приходило иное, иногда жестокое, бесчеловечное: “Я такой глупый был, что спать ложился, а руки на груди крестом складывал... А теперь ни Бога, ни черта не боюсь... Как всадил с рукою штык в брюхо, словно сняло с меня что-то...”⁵⁶.

Война породила огромное число “недоверков” – солдат, сомневающих в религии. Для них солдатский фольклор даже придумал особую загробную кару: “И предстал он на тот свет. Седые стоят перед ним ворота, ржавыми замками замкнуты. Таки ворота да замки велики, думкой он не осилит как за те ворота попасть. Стучит рукою своею смертною, голос ворота подают, ровно воробей по крыше проходит. Так и стоит тот человек перед дверьми, через все века, и знать не в силах, что за воротами-то рай иль пекло. Недоверкам Господь такое наказание придумал”⁵⁷.

В.И. Ленин, говоря о влиянии войны на народные массы, отмечал: “Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузлов дворянского и особенно гнилого, чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным”⁵⁸. Война ожесточила и развратила одних, рождала протест у других, желание расплаты и бесстрашие – у третьих: “Что вернусь – дома долго не заживусь, на каторгу живо уйду... Женка пишет, купец наш до того обижают, просто жить невозможно. Я так решил: мы за себя не заступники были, с нами, бывало, что хошь, то делай. А теперь повиучились. Я каждый день под смертью хожу, да чтобы моей бабе крупы не дали, да на грех... Коль теперь попустить будет, опять на войну, что отару погонят... Нет, я так решил, вернусь и нож Онуфрию в брюхо... Выучены, не страшно... Думаю, что казнить не станут, так всех устанут”⁵⁹. Итак, протест и ненависть налицо, а куда их направить – не очень ясно. Образ Онуфрия – торговца и негодяя – очень конкретен, персонифицирован, но не обобщен, то конкретный “Онуфрий”, а еще не социальный символ. Многих солдат одолевала тоска по дому, отсюда безразличное отношение ко всему: “Устал я воевать. Сперва по дому тосковал. Потом привык, новому радовался... Страх пережил – к бою сердце горело... А теперь перегорело ничего нету... Ни домой не хочу, ни новостей не жду, ни смерти не боюсь, ни бою не радуюсь – устал”⁶⁰.

Глава V.
Формирование антивоенных настроений
в период первой мировой войны

Письма солдат, фольклор помогают воссоздать психологическое состояние солдата, ощутившего вседозволенность, полный отрыв от привычной жизни:

<i>“Как надел я амуницию,</i>	<i>Коль добром меня не схочет,</i>
<i>И пошел я на позицию,</i>	<i>Под всей ротой похлопочет.</i>
<i>На родных теперь начхать,</i>	<i>Пусть хозяйство пропадает,</i>
<i>Мне война, что родна мать,</i>	<i>Пуццай бабы работают,</i>
<i>Наплевать мне и на женку,</i>	<i>Да на что ты мне мамаша,</i>
<i>Сколько хочешь есть девчонок.</i>	<i>Полно брюхо хлеба-каши”⁶¹.</i>

Война обостряла социальную ненависть, создавала в сознании крестьян-солдат неприятие окружающей действительности. Религиозная мораль уведила от этой ненависти, вступала в противоречие с социальным протестом, снижала активность, переключая личность на приятие страдания и посмертного воздаяния, мирила с жизнью: “Не кали души завистью, а на округ себя полюбуйся, да господа за житье благодарствуй”⁶². Одни солдаты искали спасения в вере, другие эту веру потеряли, не успев обрести новые нравственные ориентиры.

И все же чувство протеста, обостренное войной, ощущение самоценности земной жизни разрушало религиозные моральные нормы, рождало новое восприятие смысла жизни: “Выдумки говорю, выдумки вражьи. Душа да душа!.. А душа в теле хороша. А хорошо тело – навсегда при деле... Значит работай, округ себя смотри, и об земном пекись. А то душа, да душа, а сами ровно свињи”⁶³. Среди жестокостей и испытаний войны в сознании крестьян рождалось новое представление, туманное и неясное, о будущем: “Нету радости мне от пустых дел и всяких разговоров. Срослась душа моя, в юрода какого-то оборотилась, от здешней жизни тесной. Может когда ни то и будут люди на земле слободно жить, и друг дружку, душу свою, до мозолей натирать перестанут, – а пока что ровно в бочке”⁶⁴.

Накануне Февральской революции все чаще солдаты размышляли о будущем, о том, какой будет у них жизнь после окончания войны. У них появлялись надежды на то, что война может многое изменить, но возникали сомнения. Начальник Севастопольского жандармского управления М.А.Редров сообщал в июле 1916 г. в департамент полиции о содержании солдатских бесед: “Теперь нашего брата бьют и прижимают, – говорили солдаты, – мы все это перетерпим, но после войны оскалим зубы и не пойдем по домам до тех пор, пока не получим того, что нам не дали в 1905 г.”⁶⁵. В русской армии все явственнее стало проявляться недовольство внутренним

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

политическим положением страны, разрухой промышленности и сельского хозяйства. Солдаты все чаще писали о своем нежелании воевать: “Никто не согласен дальше воевать, разве что сумасшедший... Вон Ванятка хочет воевать... Так он себе в карман набил, белья накопил, баб в каждой деревне ласкает. Георгия за рану имеет... Таким бастрюкам счастье... Почти и не люди, а как сумасшедшие”⁶⁶. Эти настроения охватили и офицерский корпус: “Конца этой войне не видно, не видно, не чувствуется превосходства наших сил, а в особенности технических средств борьбы. Всех нас врозь либо бьют, либо теснят, а богатые союзнички поглядывают, да благославляют судьбу, что немцы их не трогают... тыл разросся в громадную всепожирающую гидру: ненужных, ленивых законно и незаконно обогащающихся учреждений и лиц развелось до колоссальных размеров”. Постепенно приходило осознание необходимости коренных преобразований в России, вооруженной борьбы: “Долго ли будет это рабство, – писали в начале 1917 г. солдаты, – долго ли мы будем молчать? Эх, товарищи, пора бы эти цепи разорвать. Товарищи, смелей за спасение жен и детей, грудью встанем на бандитов, Русь избавим от цепей”⁶⁷. Итак, атмосфера всеобщего недовольства охватила все крестьянство как в тылу, так и в действующей армии. К 1917 г. антивоенные настроения охватили все слои русского крестьянства, на плечи которого легли тяготы военного времени. В сознании крестьян произошли существенные сдвиги, быстрее выветривались традиционные представления, в том числе монархические иллюзии. Мировая война стала той ступенью в политическом просвещении крестьян, которая привела к окончательному падению престижа династии Романовых. И в условиях военного времени русское крестьянство (несмотря на изменения в составе участников крестьянского движения) продолжало борьбу против гнета помещиков, за радикальное решение аграрного вопроса. Оно настойчиво выступало за прекращение столыпинского землеустройства и возвращение земель хуторян и отрубников в распоряжение сельской поземельной общины. Крестьянская борьба ускорила процесс консолидации демократического большинства общины. Более четко крестьяне осознают себя как социально-психологическую общность “Мы”, которой противостоит общность “Они” – царь, помещики, капиталисты, чиновники, офицеры, землеустроенные хозяева. В этой связи резко возросла ненависть к эксплуататорам. Радикализм народных масс углубился. Формирование этих новых социально-психологических качеств в значительной степени способствовала агитационно-пропагандистская деятельность большевистской партии в действующей армии и в тыловых гарнизонах, а так же собственный опыт борьбы солдат и крестьян. Письма солдат с фронта в деревню оказали мощное воздействие на формирование антивоенных настроений в крестьянской среде. К 1917 году в стране созрели материальные и политические предпосылки второй русской революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже в первые годы XX столетия русское крестьянство своими решительными действиями доказало, что оно представляет ту реальную силу, без учета и привлечения которой не могли обойтись как правительственный лагерь, так и политические партии и течения. В условиях нарастания революционного кризиса крестьянство должно было сделать выбор – оказать поддержку тому или иному лагерю или партии. В конечном счете оно оказалось в составе революционно-демократического лагеря и оказало мощную поддержку российскому пролетариату. Этот выбор зависел от многих факторов, но решающее значение имело своеобразие социально-экономического развития России – сочетание и переплетение развитых форм промышленного и финансового капитала с средневековыми формами землевладения и эксплуатации крестьянства. Незавершенность аграрно-капиталистического переворота накладывала мощный отпечаток на экономические отношения и духовную сферу крестьянства. В этой связи рост числа выступлений крестьян против помещиков и самодержавия накануне революции 1905-1907 гг. отнюдь не был случайным явлением. Он являлся показателем обострения до предела социальных противоречий в деревне и свидетельствовал о том, что крестьянство пришло к осознанию необходимости решительной борьбы не только с непосредственным источником бедствий (традиционные противники помещики-дворяне и чиновники, а также новые – сельская буржуазия), но и с самодержавной властью. Хотя накануне революции и в первые месяцы 1905 г. в сознании крестьянства продолжали сохраняться монархические иллюзии.

Пробуждение крестьянства и вовлечение его в массовое аграрное движение в 1905-1907 гг. объективно способствовало тому, что оно из массы бесправных людей становилось активным творцом истории. И в этой связи процесс выветривания монархических иллюзий ускорился, а само крестьянство, сочетая традиционные и новые формы классовой борьбы, выступало за ликвидацию помещичьего землевладения.

Важным итогом революции 1905-1907 гг. стало формирование демократического большинства общины, которое выступало в качестве организатора крестьянской борьбы против помещиков и самодержавной власти. Социальные настроения демократического большинства нашли выражение в

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

стремлении создать новые формы народоправства в виде крестьянских комитетов, братств, крестьянских съездов и союзов, крестьянских республик. Крестьяне считали необходимым не только ликвидировать пережитки феодализма, но и передать землю тем, кто на ней трудится. Революционный вихрь, втянувший в массовое аграрное движение практически все слои крестьянства, существенно повлиял на выработку революционно-демократической крестьянской аграрной программы. В целом в ходе революции ареал патриархальной психологии сократился, произошла ломка традиционных норм общения и поведения.

Столыпинское земельное законодательство вызвало глубокое недовольство крестьянства, которое выступило против расхищения общинных земель новыми собственниками из числа землеустроенных хозяев-хуторян и отрубников, так называемых новых помещиков. Своими решительными действиями крестьянство сорвало планы самодержавия, которое пыталось расширить и упрочить свою социальную опору в деревне за счет зажиточной верхушки крестьянства. Реализация столыпинской земельной реформы ускорила процесс дифференциации крестьянства. Позиции демократического большинства в общине резко возросли.

Обострение социальных противоречий в деревне усилилось в период первой мировой войны, когда крестьянство активно выступило против землеустроительных работ, дороговизны и спекуляции. Антивоенные настроения охватили все крестьянство, в том числе и солдат русской армии. К началу второй русской революции в сознании демократического большинства деревни созрело убеждение в необходимости радикальных изменений в стране, что несомненно стало показателем созревания субъективных предпосылок народной революции.

От стихийности и бессознательности к организованности и сознательности, от монархических иллюзий и веры в царя-батюшку и доброго “барина” к идее народовластия и народоправства, от поддержки самодержавной власти к осознанию необходимости решительной и беспощадной борьбы с ним – таковы этапы изменения революционных настроений русского крестьянства в период начала XX века.

В этой книге я оставляю русское крестьянство накануне начала очередной великой смуты – когда оно сделает выбор и в решающий и драматичный момент выступит за решение аграрного вопроса не путем реформ, а путем коренной ломки всех устоев народной жизни, что в конечном счете пагубно скажется на его судьбе.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

1. **Поршнев Б.Ф.** Социальная психология и история. М., 1979.
2. **Андреева Г.М.** Социальная психология. М., 1980.
3. **Парыгин Б.Д.** Основы социально-психологической теории. М., 1971.
4. **Кон И.С.** Социология личности. М., 1967.
5. **Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.** Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988.
6. **Волобуев П.В.** Утверждать новые подходы в исторической науке // Вопросы истории. 1988. №3. С.37.
7. **Веселовский Б.** Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России: 1902-1906 гг. Спб., 1907; Прокопович С.Н. Аграрный вопрос и аграрное движение. Ростов-на-Дону, 1905; **Он же.** Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912.
8. **Марев П.** Крестьянство и революция в России // Борьба общественных сил в русской революции. М., 1907. Вып. III.
9. **Веселовский Б.** Движение землевладельцев // Общественное движение в России в начале XX века. Спб., 1910. Т.2. Ч.2.
10. См.: **Прокопович С.Н.** Местные люди о нуждах России. Спб., 1904.
11. Аграрное движение в России в 1905-1906 гг. Спб., 1908. Ч.1 и 2; Крестьянские наказы Самарской губернии. Самара, 1906.
12. **Ленин В.И.** Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т.1. С.427.
13. **Ленин В.И.** Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. Т.11. С.58.
14. См.: **Ленин В.И.** Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. Т.16; **Он же.** Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т.17 и др.
15. **Першин П.Н.** Аграрная революция в России. М., 1966. Кн.1; **Трапезников С.П.** Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1974. Т. 1; **Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М.** В.И. Ленин о трех российских революциях. М., 1984; **Они же.** Крестьянство России в период трех российских революций. М., 1987; Исторический опыт трех российских революций. М., 1985-1987. Т.1-3 и др.
16. **Анфимов А.М., Осипова Т.В.** Историографические итоги и задачи изучения аграрной истории СССР: До 1917 г. Кишинев, 1978; **Симонова М.С.** Крестьянское движение в 1905-1907 гг. в советской историографии // Истор. зап. М., 1975; **Ко-**

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

вальченко И.Д., Милов Л.М. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века. М., 1974; **Сенчакова Л.Т.** Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1989 и др.

17. **Мороховец Е.А.** Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М., 1926 и др.

18. **Шестаков А.** Крестьянская революция 1905-1907 гг. в России. М., 1926; **Он же.** Крестьянство и революция 1905г. М., Л., 1930; **Дубровский С.М., Граве Б.Б.** Аграрное движение в России в 1905-1907гг. М., 1925.

19. **Дубровский С.М.** Очерки русской революции. М., 1922. Вып. 1. С.87.

20. Там же. С.83.

21. **Дубровский С.М.** Столыпинская земельная реформа. Л., 1925. С.253.

22. **Шестаков А.В.** Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. Л., 1927. С.68.

23. Там же. С.127, 130-131 и след.

24. **Крастьинь Я.** Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны: 1914-1916гг. М., 1932. С.47.

25. Крестьянское движение 1902 года. М.; Пг., 1923. Вып.3.

26. **Гайсинович А.** Крестьянское движение 1902 года в Харьковской и Полтавской губерниях. М., 1934.

27. **Агров А.** Мировая война и русское сельское хозяйство. М., 1924. С.26.

28. Там же. С.28.

29. Коммунист. 1988. №4. С.105.

30. **Першин П.** Крестьянство в революции 1905 года // Вопросы истории. 1946. №11-12.

31. **Дубровский С.М.** К вопросу об уровне развития капитализма в России и о характере классовых борьбы в деревне в период империализма. М., 1960. С.42; **Он же.** Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С.518,530.

32. **Першин П.Н.** Аграрная революция... С.273.

33. Там же. С.283.

34. **Дубровский С.М.** Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С.192.

35. **Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.** Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982. С.224.

36. Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С.85.

37. **Тарновский К.Н.** Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С.21.

38. **Анфимов А.М.** Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.

39. **Тарновский К.Н.** О предпосылках образования в России марксистской партии нового типа // Вопросы истории КПСС. 1987. №10.

Примечания

40. См.: **Гефтер М.Я.** Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России... С.95.
41. **Гефтер М.** Россия и Маркс // Коммунист. 1988. №18. С.96.
42. **Волобуев П.** Обращаясь к великому опыту: Современные задачи и методология изучения Октября // Коммунист. 1988. №16. С.94.
43. **Рахматуллин М.А.** Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В.И.Ленина // Актуальные проблемы истории СССР эпохи феодализма. М., 1970. С.433.
44. **Ольшанский Д.В.** Социальная психология “винтиков” // Вопросы философии. 1989. №8. С.93.
45. **Эйдельман Н.** Революция сверху в России // Наука и жизнь. 1989. №3. С.108.
46. **Герасименко Г.А.** Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985; **Сенчакова Л.Т.** Указ. соч. и др.
47. **Литвак Б.Г.** О некоторых чертах психологии русских крепостных крестьян первой половины XIX века // История и психология. М., 1971; **Он же.** Крестьянское движение в России в 1775-1904гг. М., 1989; **Рындзюнский П.Г.** Идеиная сторона крестьянских движений 1770-1850-х годов и методы ее изучения // Вопросы истории. 1983. №5; **Он же.** О некоторых спорных вопросах истории крестьянского движения в России // Вопросы истории. 1987. №8; **Федоров В.А.** Крестьянское движение в Центральной России: 1800-1860. М., 1980; **Фурсов В.Н.** Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60-70 годы XIX века: Социально-психологические аспекты. Воронеж, 1984; **Громько М.М.** Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян: XIX век. М., 1986; **Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В.** Особенности психологии крестьянства. М., 1983. Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989; **Зырянов П.Н.** Крестьянская община Европейской России. М., 1992; **Бердинских В.** Очерки крестьянской цивилизации в России // Волга. 1991. №1-3; **Милов Л.В.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998 и др.
48. **Ионенко И.М.** В.И.Ленин об изменениях в настроении масс в период подготовки и свершения Октябрьской революции // Некоторые вопросы отечественной истории в трудах В.И.Ленина. Казань, 1971; **Клейн Н.Л.** Экономические основы аграрных требований поволжских крестьян во время революции 1905-1907гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905-1907 гг. Куйбышев, 1985; **Буховец О.Г.** “Приговорное” движение крестьян в 1905-1907 гг.: Методы изучения по материалам Самарской и Воронежской губернии // Автор. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1984; **Ниякий В.В.** Нижегородская деревня: Облик и настроения классов в первой российской революции. Горький, 1981; **Вахрушева Н.А.** Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник: 1915-1917 гг. // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972 и др.
49. Великий незнакомец. М., 1992; Крестьяноведение. Теория, история, современность. М., 1996.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

К главе 1

1. **Ленин В.И.** Политические заметки // Полн. собр. соч. Т.16. С.417.
2. **Ленин В.И.** Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. Т.16. С.216.
3. **Ковальченко И.Д., Бородкин Л.М.** Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX-XX веков: Опыт многомерного количественного анализа // История СССР. 1979. №1, С.89.
4. **Чаянов А.В.** Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. 1989. №6. С.212.
5. **Ленин В.И.** Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т.3. С.559.
6. **Рубакин Н.А.** Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава государства. Спб., 1912. С.53.
7. **Дубровский С.М.** Сельское хозяйство... С.37.
8. **Брук С.И., Кабузан В.М.** Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма: конец XIXв. – 1917 г. // История СССР. 1980. №3. С.80.
9. **Маслов П.** Развитие сельского хозяйства до и после революции // Известия ЦК КПСС. 1989. №10. С.192.
10. **Тюкавкин В.Г.** Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма // Социально-демографические процессы в российской деревне. Таллинн. 1986. С.219.
11. **Островский А.В.** О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России // Проблемы исторической географии. М., 1982. Вып.2. С.175-181.
12. **Гохлернер В.М.** Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Истор. зап. №52. С.1887.
13. Аграрное движение 1905-1907гг. в Московской губернии. М., 1936. С.42.
14. Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1983., С.168.
15. **Тихонов Б.В.** Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978. С.211.
16. **Ленин В.И.** Аграрный вопрос... С.111.
17. **Брук С.И., Кабузан В.М.** Динамика... С.83.
18. Рабочий класс России: 1907-1917гг. М., 1982. С.41.
19. Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. Спб., 1907. С.143.
20. **Ленин В.И.** Аграрная программа социал-демократии... С.198.
21. Статистика землевладения 1905 г... С. 132-133.
22. См.: **Ленин В.И.** Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? // Полн.собр.соч. Т.1. С.333; Он же. Кустарная перепись в Пермской губернии // Полн. собр. соч. Т.2. С.346, 420 и др.
23. **Ленин В.И.** Аграрный вопрос в России... С.81.

Примечания

24. **Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В.** Особенности психологии... С.33.
25. **Громько М.М.** Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян // Русские... С.13-14.
26. ГАСО Ф.381. Оп.1. Д.1. Л.5.
27. Там же. Д.8. Л.40.
28. **Дружинин Н.П.** Очерки крестьянской общественной жизни. Спб., 1905. С.4-5.
29. Цит. по: **Дружинин Н.П.** Очерки... С.38-40.
30. **Ленин В.И.** Новая аграрная политика // Полн. собр. соч. Т.16. С.423.
31. См.: **Горюшкин Л.М.** Аграрные отношения в Сибири периода империализма: 1900-1917 гг. Новосибирск, 1976. С.147.
32. **Ленин В.И.** Аграрный вопрос... С.114.
33. Там же. С.115.
34. **Шингарев А.И.** Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Спб., 1907. С.8.
35. Аграрное движение 1905-1907гг. в Московской губернии... С.39.
36. Там же. С.40.
37. **Пругавин А.С.** Голодающее крестьянство. М., 1906. С.171.
38. Заболеваемость населения Воронежской губернии в 1898 году. Воронеж, 1900. С.3.
39. **Попов В.И.** Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905-1907гг. // Истор. зап. N49. С.139.
40. **Шингарев А.И.** Вымирающая деревня... С.220.
41. **Богданов П.** Опыт количественного анализа пиши крестьян Кирсановского уезда // Медицинское обозрение. 1887. №17. С.450.
42. **Тюкавкин В.Г.** Изменения социально-политического и правового положения крестьянства в период столыпинщины // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С.256.
43. Там же. С.257.
44. **Данилов В.П., Данилова Л.В.** Русская крестьянская община в современной историографии // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. Казань, 1986. С.95.
45. **Будаев Д.И.** Смоленская деревня в конце XIX – начале XX вв. Смоленск, 1972. С.192-193.
46. **Анфимов А.М.** Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881-1904гг. М., 1984. С.101.
47. **Ниякий В.В.** Нижегородская деревня... С.15.
48. **Ленин В.И.** Аграрный вопрос... С.101.
49. **Энгельгардт А.Н.** Из деревни Спб., 1882. С.430-431.
50. **Войтоловский Л.** Крестьянин и рабочий в русской художественной литературе XIX и XX вв. М.; Л., 1925. С.139.
51. Аграрное движение 1905-1907гг. в Московской губернии... С.48.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

52. **Вольнов Иван.** Повесть о днях моей жизни: Крестьянская хроника. М., 1976. С.162.
53. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.155.
54. **Чернышев И.В.** Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. Спб., 1911. С.78.
55. **Сидельников С.М.** Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С.44.
56. **Ленин В.И.** Аграрный вопрос в России... С.64.
57. **Ленин В.И.** Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала // Полн. собр. соч. Т.41. С.170-171.
58. **Ленин В.И.** Две тактики социал-демократии... С.58.
59. **Ленин В.И.** Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч., Т.4. С.228.
60. **Ленин В.И.** “Крестьянская реформа” и пролетарско-крестьянская революция // Полн. собр. соч. Т.20. С.174.
61. **Ленин В.И.** Развитие капитализма в России... С.13.
62. **Ленин В.И.** Рецензия: Р.Гвоздев. Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение. Спб., 1899 // Полн. собр. соч. Т.4. С.56.
63. **Ленин В.И.** Что такое “друзья народа” // Полн. собр. соч. Т.1. С.240.
64. **Ленин В.И.** К деревенской бедноте // Полн. собр. соч. Т.7. С.179.
65. **Рындзюнский П.Г.** Идеиная сторона... С.15.
66. Цит. по: **Апостолов Н.Н.** Лев Толстой и русское самодержавие: Факты, воспоминания, документы. М.; Л., 1930. С.170.
67. Там же. С.171-172.
68. **Толстой Л.Н.** Царство божие внутри нас // Полн. собр. соч. Т.28. С.226.
69. **Толстой Л.Н.** Конец века // Полн. собр. соч. Т.36. С.249.
70. **Толстой Л.Н.** Одумайтесь! // Полн. собр. соч. Т.36. С.146.
71. Там же. С.147.
72. Крестьянское движение в Рязанской губернии. Рязань, 1955. С.281.
73. Госархив Саратовской области. Ф.1. Оп.1. Д.10243. Л.28.
74. **Ленин В.И.** Лев Толстой... // Полн. собр. соч. Т.20. С.21.
75. **Толстой Л.Н.** Где выход? // Полн. собр. соч. Т.34. С.215.
76. **Толстой Л.Н.** Об общественном движении в России // Полн. собр. соч. Т.36. С.157.
77. **Ленин В.И.** Лев Толстой как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. Т.17. С.211.

К главе 2

1. **Прокопович С.Н.** Местные люди... С.58.
2. **Рашин А.Г.** Население России за 100 лет. М., 1956. С.293.
3. **Шингарев А.И.** Вымирающая деревня... С.29.
4. **Ниякий В.В.** Нижегородская деревня... С.29.
5. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.56.

Примечания

6. **Шингарев А.И.** Указ. соч. С.27.
7. **Вольнов И.** Указ. соч. С.136.
8. Там же. С.137.
9. **Ленин В.И.** К вопросу о политике министерства народного просвещения // Полн.собр.соч. Т.23. С.127.
10. СМ.: **Дмитриев С.С.** Очерки истории русской культуры начала XX века. М., 1985. С.44.
11. Там же. С.45.
12. Цит. по: **Петерсон Н.П.** Просвещение. Спб., 1904. С.67.
13. **Шидловский С.С.** Общий обзор трудов местных комитетов. Спб., 1905. С.82.
14. **Шингарев А.И.** Указ. соч. С.27-28.
15. **Рубакин Н.А.** Этюды о русской читающей публике. Спб., С.151.
16. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.128-129.
17. **Петерсон Н.П.** Указ. соч. С.23.
18. **Федорченко С.** Народ на войне. Киев, 1917. С.40.
19. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.129.
20. **Некрасов [Рубакин Н.А.]** Неотложные нужды трудящегося народа. Спб., 1906. С.59.
21. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.61.
22. **Некрасов.** Указ. соч. С.58.
23. **Федорченко С.** Указ. соч. С.129.
24. Труды первого Всероссийского съезда деятелей народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы. Спб., 1908. С.109.
25. Там же.
26. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.63.
27. **Ленин В.И.** К вопросу о политике министерства народного просвещения... С.129.
28. Деревня в 1905 году. М., Л., 1926. С.24.
29. Там же. С.45-46.
30. Там же. С.90-91.
31. **Буйко А.М.** На гребне революции: Из воспоминаний путиловца // Великие, незабываемые дни. М., 1970. С.5.
32. **Ленинградский С.** От земли на завод и с завода на землю. М.; Л., 1927. С.12.
33. Там же. С.13.
34. Там же.
35. Волжская коммуна. 1979. 21 апр.
36. Члены II Государственной думы. Спб., 1907. С.63.
37. **Ленинградский С.** Указ. соч. С.63.
38. **Прокопович С.Н.** Аграрный вопрос... С.32.
39. **Богораз В.Г.** Новое крестьянство. Спб., 1906. С.11.
40. **Ленин В.И.** Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. Т.30. С.316.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

41. Труды Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве 27 декабря - 5 января 1916 г. Пг., 1919. С.44.
42. Там же. С.43.
43. Там же. С.45.
44. **Рубакин Н.А.** Этюды... С.152.
45. Там же.
46. Там же. С.152.
47. **Федорченко С.** Указ.соч. С.155.
48. **Федорченко С.** Народ на войне. Киев, 1917. С.64.
49. **Ленин В.И.** Аграрная программа социал-демократии... С.255.
50. Революционное движение в Новгородской губернии: 1905-1907 годы. Л., 1980. С.232.
51. Там же. С.119-120.
52. Правда. 1986. 7 окт.
53. 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С.624.
54. Там же. С. 624-625.
55. **Бобровская Ц.** Полвека назад // Новое время. 1956. N17. С.6.
56. 1905 год в Самарском крае... С.637.
57. Там же.
58. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.135.
59. **Прокопович С.Н.** Местные люди... С.53.
60. **Петерсон Н.П.** Указ. соч. С.17.
61. **Вольнов И.Е.** Указ. соч. С.36.
62. **Анфимов А.М.** Экономическое положение... С.87.
63. Цит. по: **Тульцева Л.А.** Община и аграрная обрядность на рубеже XIX-XX вв. // Русские... С.47.
64. **Энгельгардт А.Н.** Из деревни... С.237.
65. ГАСО Ф.3. Оп.233. Д.5319. Л.3об.
66. **Белов В.** Лад // Наш современник. 1979. N10. С.146.
67. **Шипунов Фатей.** Великая замятня // Наш современник. 1989. N9. С.7.
68. **Башмачников В.** Возвращение кооператива // Октябрь. 1987. N12. С.6.
69. **Чаянов А.В.** Методы изложения предметов. М., 1912. С.5.
70. Там же. С.4.
71. **Шингарев А.И.** Указ. соч. С.24.
72. Цит. по: **Ниякий В.В.** Указ. соч. С.30.
73. **Федорченко С.** Указ. соч. С.122-123.
74. **Петерсон Н.П.** Указ. соч. С.11.
75. Революция 1905-1907гг. в России. М., 1957. Ч.1. С.672.
76. 1905 год в Самарском крае... С.607.
77. **Личутин Владимир.** О горе-злосчастии // Октябрь. 1987. N10. С.148.
78. **Белов В.** Лад // Наш современник. 1981. №7. С.146-147.
79. **Шингарев А.И.** Указ. соч. С.24,142
80. **Литвак Б.Г.** О некоторых чертах... С.208-209.

Примечания

81. Революция 1905-1907 гг. в России: Начало первой русской революции. Январь – март 1905г. М., 1955. С.630.
82. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.87.
83. **Риттих А.А.** Крестьянский правопорядок. Спб., 1904. С.74.
84. **Горький М.** Жизнь Клима Самгина. М., 1988. Ч.2. С.277.
85. **Ленин В.И.** Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т.4. С.228.
86. **Ленин В.И.** Классы и партии в их отношении к религии и церкви // Полн. собр. соч. Т.17. С.437.
87. **Толстой Л.Н.** Голод или не голод? // Полн. собр. соч. Т.29. С.222.
88. **Ленин В.И.** Экономическое содержание народничества // Полн. собр. соч. Т.1. С.433.
89. Там же.
90. **Ленин В.И.** Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Полн. собр. соч. Т.39. С.277.

К главе 3

1. **Анфимов А.М.** Экономическое положение и классовая борьба... С. 218.
2. См. подробнее: **Гайсинович А.** Указ. соч. С.19-20.
3. Крестьянское движение 1902 года... С.9.
4. **Короленко В.Г.** Письма к Луначарскому // Новый мир. 1988. №10. С.206
5. Крестьянское движение... С.10.
6. Там же.
7. Там же. С.100.
8. Там же. С.10.
9. Искра. 1902. 1 мая.
10. **Анфимов А.М.** Указ. соч. С.216.
11. Искра. 1902. 1 апр.
12. Цит. по: **Кузьмин А.З.** Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905-1907 гг. Пенза, 1955. С.85.
13. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983. С.36.
14. **Гохлернер В.М.** Указ. соч. С.188.
15. Госархив Саратовской области. Ф.1. Оп.1. Д.10243. Л.18.
16. **Кабытов П.С.** Классовая борьба в поволжской деревне в период империализма. Куйбышев, 1986. С.14-15.
17. **Гохлернер В.М.** Указ. соч. С.189.
18. **Ниякий В.В.** Указ. соч. С.78.
19. **Емелях Л.И.** Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М., 1965. С.123.
20. **Зырянов П.П.** Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907гг. М., 1984. С.39.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

21. Революция 1905-1907 гг. в России: Начало первой русской революции. М., 1955. С. 628.
22. **Ниякий В.В.** Указ. соч. С.79.
23. Революция 1905-1907 гг. в России: Начало... С.630.
24. Революционное движение в Смоленской губернии. Смоленск, 1957. С.61.
25. **Парыгин Б.Д.** Общественное настроение. М., 1966. С.47.
26. **Ленин В.И.** “Царь-батюшка” и баррикады // Полн. собр. соч. Т.9. С.216.
27. Деревня в 1905 году... С.24-25.
28. **Ольшанский Д.В.** Указ. соч. С.93.
29. **Симонова М.С.** Крестьянское движение... С.211-212.
30. **Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М.** Крестьянство России...С.71.
31. Там же.
32. Революция 1905-1907 гг. в России: Начало...С.620.
33. Там же.
34. Госархив Самарской области. Ф. 468. Оп.1. Д.408. Л.41-42.
35. Революция 1905-1907 гг. в России: Начало...С.617.
36. Там же.
37. Там же. С.645.
38. Там же. С.630.
39. Там же. С.629.
40. **Прокопович С.Н.** Аграрный вопрос... С.9.
41. Революционное движение в Орловской губернии в период первой русской революции. Орел. 1957. С.9.
42. Революция 1905-1907гг. в России. М., 1975. С.108.
43. **Ленин В.И.** Пролетариат и крестьянство // Полн. собр. соч. Т.9. С.345.
44. **Ленин В.И.** Что такое “друзья народа” Полн. собр. соч. Т.1. С.311.
45. Революционное движение в Смоленской губернии... С.62.
46. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.117.
47. **Том.** В селе Успенском // Деревня в 1905 году... С.63.
48. Там же.
49. Революционное движение в Воронежской губернии в 1905-1907гг. Воронеж. 1955. С.171.
50. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.66.
51. Крестьянское движение 1905-1907 гг. в Тамбовской губернии. Тамбов, 1957. С.33.
52. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.116.
53. Аграрное движение в 1905-1907 гг. / Сост. **С.Дубровский, Б.Граве** Т.1. М.; Л., 1925. С.382.
54. Цит. по кн.: **Кузьмин А.З.** Указ. соч. С.115.
55. **Гохлернер В.М.** Указ. соч. С.196-197.
56. Аграрное движение в 1905-1907 гг... С.61.
57. Революционное движение в России весной и летом 1905 года: Апрель – сентябрь. Ч.1. М., 1957. С.554.

Примечания

58. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1905. Д.999. Ч.45. Л.18:
59. Революционное движение в России весной и летом... С.673.
60. Революционное движение в Смоленской губернии... С.73.
61. **Симонова М.С.** Указ. соч. С.219.
62. **Шумилов М.Н.** Движение сельскохозяйственных рабочих в 1905-1907гг. // Вопросы истории. 1955. N 9. С.84.
63. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.41.
64. Революционное движение на Брянщине: 1895 - февраль 1917 г. Тула, 1976. С.56.
65. Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции. Рязань, 1960. С.100.
66. Революционное движение в России весной и летом... С.516.
67. Там же. С.693.
68. Там же. С.554.
69. **Пясковский А.В.** Революция 1905-1907 гг. в России. М., 1966. С.105.
70. Революционное движение на Брянщине... С.9.
71. Революция 1905-1907 гг. в России. М., 1975. С.113.
72. **Сенчакова Л.Т.** Указ. соч. С.16.
73. **Томарев В.И.** Большевики Поволжья во главе борьбы пролетариев против царизма. Волгоград, 1977. С.79.
74. Революция 1905-1907 гг. в России... С.114.
75. Революционное движение в Смоленской губернии... С.67.
76. Цит. по: **Ниякий В.В.** Указ. соч. С.84.
77. **Харитонов Ю., Щербаков Д.** Крестьянское движение в Калужской губернии: 1861-1917 гг. Калуга, 1961. С.80.
78. Там же. С.30.
79. Крестьянское движение в Рязанской губернии... С.37.
80. Там же. С.282-283.
81. Революционное движение в Смоленской губернии... С.65.
82. Аграрное движение в 1905-1907 гг... С.265.
83. Там же. С.84.
84. Революционное движение в Новгородской губернии. Л., 1980. С.177-178.
85. Крестьянское движение в Рязанской губернии... С.128.
86. Там же. С.131.
87. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.45.
88. Революционное движение в Орловской губернии... С.87.
89. 1905 год в Самарском крае... С.498-499.
90. **Ленин В.И.** Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. Т.12. С.133.
91. **Кирюхина Е.И.** Всероссийский крестьянский союз в 1905г. // Истор. зап. Т.50. С.133.
92. Аграрное движение в России в 1905-1906гг. Спб., 1908. Ч.1. С.26-27.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

93. **Леонов М.И.** Аграрная программа эсеров в конце XIX – начале XX вв. Автор. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1976. С.17.
94. История Коммунистической партии Советского Союза: Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. М., 1967. Т.2. С.86.
95. **Кузьмин А.З.** Указ. соч. С.115.
96. **Попов В.И.** Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905-1907 гг. // Истор. зап. № 49. С.149.
97. **Дубровский С.М.** Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1956. С.47-48.
99. Исторические записки. Т.57. С.303.
100. **Дубровский С.М.** Указ. соч. С.48.
101. **Попов В.И.** Указ. соч. С.159.
102. Там же. С.149.
103. Аграрное движение в России в 1905-1906 гг... С.51.
104. Там же. С.70-71.
105. Там же. С.11.
106. Там же. С.65-66.
107. Там же. С.216.
108. Там же. С.88.
109. Там же. С.86.
110. Там же. С.121.
112. Аграрное движение в России в 1905-1906 гг. Ч.2... С.11.
113. Там же. Ч.1. С.200-201.
114. **Клюев Николай.** Красный набат // Москва. 1987. №11. С.23.
115. Там же. С.23-24.
116. **Покровский Н.** Мирская и монархическая традиция // Новый мир. 1989. №9. С.226.
117. Крестьянское движение в Рязанской губернии... С.35.
118. Революционное движение в Псковской губернии в 1905-1907 гг. Псков, 1956. С.117.
119. Там же. С.117.
120. Там же. С.118.
121. Там же.
122. Аграрное движение в России в 1905-1906 гг. С.5, 12, 18, 19, 26, 41, 43, 63, 70, 149, 205, 206, 208.
123. 1905 год в Самарском крае... С.24.
124. **Клюев Николай.** Указ. соч. С.24.
125. Крестьянское движение в Рязанской губернии... С.86.
126. **Трехбратов Б.А.** Крестьянское движение на Северном Кавказе в период революции 1905-1907 гг. Краснодар, 1984. С.37.
127. **Ленин В.И.** Пролетариат и крестьянство // Полн. собр. соч. Т.12. С.94.
128. Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). Куйбышев, 1959. С.401.

Примечания

129. Революция 1905-1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С.249.
130. **Томарев В.И.** Большевики Поволжья... С.84.
131. Революция 1905-1907 гг. в России. М., 1975. С.107.
132. См. подробнее: **Платов В.С.** Революционное движение в Тверской губернии. Калинин, 1959. С.187-193.
133. **Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М.** Крестьянство России... С.83.
134. Крестьянское движение 1905-1907 гг. в Тамбовской губернии... С.57.
135. Там же. С.68.
136. Крестьянское движение в Орловской губернии... С.91.
137. Аграрное движение в России в 1905-1906 гг. Ч.2. С.9.
138. **Шульгин В.В.** Дни. 1920. М., 1989. С.161.
139. Крестьянское движение в Рязанской губернии... С.76.
140. Там же.
141. Исторические записки. N 52. С.200.
142. **Ленинградский С.** Указ. соч. С.20.
143. 1905 год в Самарском крае... С.20.
144. Цит. по: **Ниякий В.В.** Указ. соч. С.102.
145. Революция 1905-1907гг. в Самаре... С.136.
146. См. подробнее работы **Б.Г.Литвака, Б.А.Трехбротова, А.А.Нильве, О.Г.Буховца.**
147. **Ленин В.И.** Доклад о революции 1905 года // Полн.собр.соч. Т.30. С.322.
148. **Абрамов П.Н.** Из истории крестьянского движения 1905г. в центрально-черноземных губерниях // Истор. зап. №57. С.296.
149. 1905 год в Воронеж, 1925. Вып.5. С.9.
150. **Попов В. И.** Крестьянское движение... С.158.
151. Аграрное движение в России в 1905-1907гг... С.158.
152. **Абрамов П.Н.** Указ. соч. С.23.
153. Крестьянское движение в Тамбовской губернии... С.124.
154. Крестьянское движение в Рязанской губернии... С.180.
155. Цит. по: **Прокопович С. Н.** Указ. соч. С.87.
156. **Ленин В.И.** Лев Толстой как зеркало русской революции... С.211.
157. **Сивков К.** Крестьянские приговоры 1905 года // Русская мысль. 1907. №4. С. 35.
158. Цит. по кн.: **Нильве А.А.** Приговоры в наказы крестьян Кубани и Ставрополья 1905-1906гг. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С.339.
161. Госархив Самарской области. Ф.1. Оп.1. Д.2216. Л.44.
162. Крестьянские наказы Самарской губернии... С.7.
163. **Толстой Л.Н.** Об общественном движении в России // Полн. собр. соч. Т.36. С.630.
164. **Нильве А.А.** Указ. соч. С.110.
165. **Ленин В.И.** Перед бурей // Полн. собр. соч. Т.13. С.334.
166. **Буховец О.Г.** Указ. соч. С.12.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

167. **Емелях Л.И.** Антиклерикальное движение... С.70.
168. Там же. С. 21.
169. Революция 1905-1907 гг. в Самаре... С.339.
170. Цит. по кн.: **Емелях Л.И.** Указ. соч. С.70.
171. Там же. С.133, 172.; **Толстой Л.Н.** О значении русской революции // Полн.собр.соч. Т.36. С.332.
173. Аграрное движение в России в 1905-1906 гг. Ч.1... С.19.
174. Там же. С.59.
175. **Прокопович С.Н.** Указ. соч. С.104-105.

К главе 4

1. **Чернышев И.В.** Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. К вопросу об общине. Спб., 1911. С.81.
2. **Симонова М.С.** Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С.156-157.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т.XXIV. N22627. С.133-134; N25014. С.856-857.
4. **Ленин В.И.** О “природе” русской революции // Полн.собр.соч. Т.17. С.9-10.
5. Аграрная программа с.-д. в русской революции // Полн. собр. соч. Т.17. С.170.
6. **Ленин В.И.** Столыпин и революция // Полн. собр. соч. Т.20. С.329.
7. **Ленин В.И.** Новая аграрная политика // Полн.собр.соч. Т.16. С.424.
8. **Шульгин В.В.** Указ. соч. С.112.
9. **Эйдельман Н.** Указ. соч. С.105.
10. Советская культура. 1989. 2 ноября. С.6. Видный советский историк **А.Я.Аврех** так оценивал деятельность III Государственной думы: “С первых “реформ” начали завязываться узлы противоречий и вызревать элементы кризиса созданной системы, стали портиться и выходить из строя одно за другим звенья третьеиюньской цепи. Вместо “реформ” Дума занялась “вермишелью” – штамповкой десятков и сотен неких третьестепенных законопроектов, которыми ведомства заваливали Думу, чтобы занять время и языки незадачливых российских “парламентариев”. См.: **Аврех А.Я.** Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С.16.
11. Говоря об итогах столыпинской реформы, **Н.Эйдельман** пишет: “... к 1-й мировой войне, как известно, из общины вышло около четверти крестьян – торжеству фермерства с разных сторон препятствовал консерватизм как помещичьего, так и мелкокрестьянского хозяйства”. См.: **Эйдельман Н.** Указ. соч. С.105.
12. **Селюнин В.** Истоки // Если по совести. М., 1988. С.235.
13. **Дубровский С.М.** Сельское хозяйство... С.191.
14. Учительская газета. 1989. 26 сент.
15. **Ковальченко И.Д.** Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С.191.

Примечания

16. **Немчинов В.С.** Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М., 1945. С.24.
17. Там же.
18. **Сидельников С.М.** Аграрная реформа Столыпина. 1973. С.278.
19. Там же.
20. **Чернышев И.В.** Община после 9 ноября 1906 г.: По анкете Вольного Экономического общества. Пг., 1917. Ч.1. и 2.
21. Центральный госархив Татарстана (далее ЦГАТ) Ф.81. Оп.11. Д.153. Л.5.
22. Там же.
23. **Чернышев И.В.** Община... Ч.2. С.32.
24. ЦГАТ. Ф.81. Оп.11. Д.153. Л.7.
25. **Дубровский С.М.** Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С.208; **Чернышев И.В.** Община... Ч.1. С.106,128; Ч.2. С.58,60.
26. **Сидельников С.М.** Указ соч. С.151.
27. Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии: Самарский уезд. Самара, 1913. С.144.
28. ЦГАТ. Ф.81. Оп.11. Д.137. Л.30.
29. Там же. Л.37.
30. Там же. Д.142. Л.60-61.
31. **Васильевский Е.Г.** Идеиная борьба вокруг столыпинской земельной реформы. М., 1960. С.67-68.
32. **Сидельников С.М.** Указ. соч. С.236.
33. Крестьянское движение в России в 1907-1914гг. М., 1966. С.100.
34. **Чернышев И.В.** Крестьяне об общине... С.275.
35. Крестьянское движение в России в 1907-1914 гг... С.156.
36. Цит. по кн.: **Герасименко Г.А.** Противодействие крестьян столыпинской аграрной политике // История СССР. 1984. №3. С.130.
37. ЦГАТ. Ф.1. Оп.4. Д.3587. Л.19-20.
38. Госархив Самарской области. Ф.3. Оп.233. Д.5273. Л.44.
39. **Ленин В.И.** К деревенской бедноте // Полн. собр. соч. Т.7. С.188-189. Методологические проблемы соотношения двух социальных войн в России в советской историографии разработаны слабо.
40. **Тюкавин В.Г.** Изменения социально-политического... С.256.
41. Там же.
42. **Герасименко Г.А.** Борьба крестьян... С.31.
43. **Феноменов М.Я.** Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни. М.; Л.; 1925. С.28.
44. **Сидельников С.М.** Указ. Соч. С.269.
45. Госархив Саратовской области. Ф.421. Оп.1. Д.3220. Л.2,4.
46. **Сидельников С.М.** Указ. соч. С.261.
47. Крестьянское движение в России в 1907-1914 гг... С.166.
48. **Герасименко Г.А.** Указ. соч. С.131.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

49. **Гребнев А.М.** Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократической революциями в России. Пенза, 1959. С.119.
50. Госархив Самарской области. Ф.3. Оп.233. Д.2393. Л.1, 9.
51. Там же. Д.2401. Л.14.
52. Там же. Д.2363. Л.1,4.
53. Там же. Д.2404. Л.8.
54. Госархив Ульяновской области. Ф.855. Оп.1. Д.921. Л.2.
55. Там же. Л.96.
56. **Ленин В.И.** О значении кризиса // Полн. собр. соч. Т.20. С.225.
57. Крестьянское движение в России в 1907-1914 гг... С.275.
58. **Ленин В.И.** Помещичье землеустройство // Полн. собр. соч. Т.23. С.174.
59. **Ленин В.И.** Что делается в деревне // Полн. собр. соч. Т.20. С.76.
60. Крестьянское движение в России в 1907-1914гг... С.140.
61. Там же. С.285.
62. **Ленин В.И.** Об оценке текущего момента // Полн. собр. соч. Т.17. С.283.
63. **Иерусалимский А.Ф.** Некоторые вопросы развития крестьянского движения в 1910-1914гг. // История СССР. 1969. №4. С.82.
64. Крестьянское движение в России в 1907-1914 гг... С.157.
65. **Ленин В.И.** Восстания в армии и во флоте // Полн. собр. соч. Т.22. С.3.
66. **Дубровский С.М.** Очерки русской революции... С.87.
67. Там же. С.96.
68. **Дубровский С.М.** К вопросу об уровне... С.34.
69. **Анфимов А.М.** В.И.Ленин о российском крестьянстве // В.И.Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С.90.
70. **Тюкавкин В.Г.** Изменения социально-политического... С.257.
71. Госархив Ульяновской области. Ф.50. Оп.2. Д.13. Л.12.
72. **Чаянов А.В.** Что такое аграрный вопрос? М., 1917. С.9.
73. **Ленин В.И.** Последний клапан // Полн. собр. соч. Т.22. С.19.
74. **Салуцкий Анатолий.** Артельные люди // Наш современник. 1988. N12. С.149.
75. Там же. С.148.

К главе 5

1. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. М., 1925. С.4.
2. **Федорченко С.** Народ на войне. Киев. 1917. С.10.
3. **Беркович А.Б.** Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Истор. зап. №23. С.15.
4. Цит. по кн.: **Анфимов А.М.** Российская деревня... С.348.
5. **Ниякий В.В.** Указ. соч. С.165-166.
6. ЦГАТ. Ф.1. Оп.4. Д.6986. Л.3-4.
7. Там же. Д.2741. Л.17 об.
8. Прошлое нашего края. Ульяновск, 1968. С.374-375.

Примечания

9. **Ниякий В.В.** Указ. Соч. С.166.
10. Революционное движение в армии и на флоте: 1914 – февраль 1917. М., 1966. С.61.
11. Цит. по кн.: **Шестаков А.В.** Очерки по сельскому хозяйству... С.105.
12. Там же. С.110-111.
13. Там же. С.106-107.
14. Там же. С.107.
15. Цит. по кн.: **Харитонова Ю., Щербаков Д.** Указ. соч. С.148-149.
16. **Шестаков А.В.** Указ. соч. С.108.
17. **Ниякий В.В.** Указ. соч. С.171.
18. **Попов Ф.Г.** Летопись революционных событий в Самарской губернии. Куйбышев, 1969. С.383.
19. Госархив Ульяновской области. Ф.76. Оп.7. Д.1442. Л.119.
20. **Шестаков А.В.** Указ. соч. С.109.
21. **Герасименко Г.А.** Борьба крестьян... С.298.
22. **Шестаков А.В.** Указ. соч. С.113.
23. **Шульгин В.В.** Указ. соч. С.150-151.
24. **Блок А.А.** Изборник. М., 1989. С.164.
25. **Юсупов Феликс.** Конец Распутина // Детектив и политика. М., 1989. Вып. 3. С.318.
26. **Пругавин А.С.** “Старец” Григорий и его поклонницы. М., 1917. С.VII.
27. **Крастынь Я.** Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны. М., 1932. С.79.
28. ЦГА ТАСССР. Ф.2. Оп.1. Д.1052. Л.207.
29. Там же. Д.3052. Л.62.
30. Там же. Д.6239. Л.1.
31. **Попов Ф.Г.** Указ. соч. С.411.
32. **Харитонова Ю., Щербаков Д.** Указ. соч. С.146.
33. **Наякшин К.Я.** Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев. 1962. С.282-283.
34. Цит. по кн.: **Ниякий В.В.** Указ. соч. С.171.
35. См.: **Ленин В.И.** Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Полн.собр.соч. Т.40. С.8.
36. **Вахрушева Н.А.** Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник: 1915-1917гг. // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972. С.70.
37. Госархив Самарской области. Ф.468. Оп.1. Д.2132. Л.8.
38. Солдатские письма с фронта в годы мировой войны: 1915-1917 гг. // Красный архив. 1934. Т.4,5. С.73.
39. **Вахрушева Н.А.** Указ. соч. С.73.
40. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.13.
41. **Вахрушева Н.А.** Указ. соч. С.75.
42. Там же.
43. Солдатские письма... С.119.

Петр Кабытов
Русское крестьянство в начале XX века

44. Там же. С.158.
45. **Вахрушева Н.А.** Указ. соч. С.77.
46. Солдатские письма... С.119.
47. **Пирейко А.** В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. Л., 1926. С.37.
48. Солдатские письма... С.120.
49. **Вахрушева Н.А.** Указ. соч. С.78.
50. **Пирейко А.** Указ. соч. С.27.
51. Солдатские письма... С.148.
52. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.56.
53. Там же. С.31.
54. Там же. С.47.
55. Там же. С.166-167.
56. Там же. С.71.
57. **Ленин В.И.** Письма издалека // Полн. собр. соч. Т.31. С.15.
58. **Федорченко С.** Указ. соч. С.35.
59. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.109.
60. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.109.
61. **Федорченко С.** Народ на войне. Киев, 1917. С.104.
62. **Федорченко С.** Народ на войне. М., 1923. С.138.
63. Там же. С.143.
64. Революционное движение в армии... С.190.
65. **Федорченко С.** Народ на войне. Киев. 1917. С.134.
66. Революционное движение в армии... С.297.
67. См.: **Голуб П.А.** Большевики и армия в трех революциях. М., 1977.